

Г. Д. АЛЕКСЕЕВА

ОКТЯБРЬСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ

И
ИСТОРИЧЕСКАЯ
НАУКА

1917-
1923

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт истории

Г. Д. АЛЕКСЕЕВА

**ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
В РОССИИ
(1917—1923 гг.)**

Издательство «Наука»

Москва 1968

Первые шаги советской исторической науки — таково содержание книги. В ней на большом фактическом материале раскрыта роль Коммунистической партии и ее основателя В. И. Ленина в развитии исторической науки в нашей стране. На страницах книги показано, как в период становления советской исторической науки историки-марксисты вели решительную борьбу с буржуазной идеологией и ее влиянием. Перед читателем проходит плеяда видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства, которые стояли у истоков исторической науки: Н. Н. Батурин, М. Н. Лядов, П. Н. Лепешинский, М. С. Ольминский, В. И. Невский, М. Н. Покровский, А. С. Бубнов и др. Рассказывается также о молодых историках-марксистах, начинавших в то время свою научную деятельность.

Ответственный редактор
доктор исторических наук Е. Н. ГОРОДЕЦКИЙ

ВВЕДЕНИЕ

Победа Великой Октябрьской социалистической революции положила начало перестройке всей социально-экономической, политической, идеологической и культурной жизни страны. С установлением диктатуры пролетариата и утверждением новых общественных отношений коренным образом изменились условия и перспективы существования как марксистского, так и буржуазного общественнознания. Марксизм, распространение которого ограничивалось буржуазно-помещичьим строем, из идеологии угнетенных и эксплуатируемых стал идеологией господствующего класса, идеологией первого в мире рабоче-крестьянского государства. Начался новый этап в истории всех областей знания, связанных с изучением жизни общества.

Как известно, характер развития науки, ее задачи, направленность исследовательской работы, а также использование результатов научных достижений определяются господствующим общественным строем. Октябрьская революция освободила русскую науку от подчинения интересам капиталистической наживы и корыстолюбия, в корне изменила ее положение. Развитие марксистской историографии после 1917 г. определялось теми задачами, которые встали перед ней как наукой нового общественного строя: она была призвана с марксистских позиций изучать прошлое и его закономерности для объяснения современной действительности. Необходимость глубокого и всестороннего познания законов, путей и форм перехода от капитализма к социализму требовала осмысления современных событий, уходящих своими

корнями в дореволюционное прошлое. Исторические знания должны были помогать уяснению перспектив и тенденций дальнейшего развития, выработке научных принципов руководства построением нового общества. «Опыт прошлого,— говорил В. И. Ленин в ноябре 1918 г.,— нам поможет избегать ошибок и даст нам новые силы для дальнейшей работы»¹. Без научной разработки истории прошлого была невозможна успешная борьба с идейными противниками социализма и марксизма, пытавшимися использовать исторические факты и параллели для оправдания контрреволюционных выступлений и интервенции. Советская историческая наука должна была помогать приобщению широких народных масс к достижениям мировой и отечественной науки, содействовать распространению марксистского мировоззрения среди всех слоев населения. Ни одну из этих задач не способна была решать русская буржуазная наука, хотя она и располагала значительными кадрами, учреждениями, архивами.

Октябрьская революция поставила вопрос о перестройке всей предшествовавшей научной работы в области истории, ее проблемно-тематической структуры, идейно-теоретических основ и методологических принципов, системы организации и форм научного творчества.

«С первых лет Советской власти,— говорится в тезисах ЦК КПСС, опубликованных к 50-летию Октября,— наука стала общегосударственным делом, предметом постоянной заботы партии и народа. Советское государство даже в самые тяжелые для страны годы не жалело средств на организацию широкой сети научно-исследовательских учреждений, развитие фундаментальных и прикладных направлений науки, экспериментальной базы научных исследований, подготовку кадров»².

Октябрьская революция явилась проверкой для всех концепций и объяснений общественного развития; она убедительно продемонстрировала торжество пролетариата и его революционной теории, предсказывавшей неизбежность победы социализма. Революция выявила полнейшую теоретическую несостоятельность и беспомощность буржуазной науки, в основе которой лежали антинаучные, идеалистические концепции. Она заставила

¹ В. И. Ленин. Полн. собр., соч., т. 37, стр. 134.

² «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС. М., 1967, стр. 44.

представителей буржуазной науки серьезно задуматься над вопросами общественного развития, подвергнуть пересмотру прежние историко-философские теории и схемы. «Наш жизненный опыт и в крупном и в мелком, — писал профессор Р. Ю. Виппер, — необычайно обогатился. И наши суждения о прошлом, наши исторические мнения приходится все пересматривать, подвергать критике и сомнению, заменять одни положения другими, иногда обратными. История из наставницы стала ученицей жизни»³.

Октябрьская революция поставила перед гуманитарными науками, перед историками, философами, социологами, экономистами большие и сложные социологические проблемы: эволюционного и революционного развития общества, исторического прогресса, роли государства, народных масс, классов и партий в историческом процессе. Однако буржуазная наука оказалась бессильной ответить на все эти вопросы. Теоретическая беспомощность и несостоятельность буржуазной общественной науки особенно ярко проявились в неспособности большинства буржуазных ученых понять глубокий социальный смысл и историческое значение происходивших в России революционных изменений. Профессор русской истории Московского университета М. К. Любавский писал петроградскому историку С. Ф. Платонову о событиях 1917 г.: «Считаю, что все происходящее есть кара божия нашей буржуазии и интеллигенции: буржуазии — за то, что временем войны воспользовалась для наживы, интеллигенции — за ее легкомыслие, с которым она расшатывала институт монархии, смешивая его с личностью монарха. Думаю, что народу придется расплачиваться за то, что остался таким же самым, каким был в XVII веке, с тою же „небогобоязливую натурою“, о которой говорит Кошкин»⁴.

Для русской исторической науки первых лет Советской власти характерно существование непримиримо враждебных друг другу лагерей: марксистского и буржуазного, между которыми шла острейшая идейная борьба. В условиях диктатуры пролетариата буржуазно-дворянская историография с ее идейно-теоретическими принци-

³ Р. Ю. Виппер. Кризис исторической науки. Казань, 1921, стр. 3.

⁴ Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Рукописный отдел, ф. С. Ф. Платонова, д. $\frac{\text{II}}{1196}$, л. 2. Письмо написано 19.XI 1917 г.

пами превратилась в явление, чуждое новым социальным условиям, отжившим и уходящим вместе с теми общественными классами, которые вызывали ее к жизни и которым она служила. Заметную роль в идейной борьбе того времени играла близкая к буржуазной мелкобуржуазная историография, представленная различными авторами меньшевистского, неонароднического, анархистского и т. п. направлений.

Свергнутые Октябрьской революцией эксплуататорские классы не сдавались без боя. Враги Советской республики прибегали к различным средствам сопротивления, в том числе и идеологическим. Ожесточенная идейная борьба развернулась в области искусства, литературы, науки. Историческая наука является важнейшей составной частью общественнознания. Политический характер всегда делал ее ареной острых классовых столкновений, которые особенно усилились в 1917—1920 гг., когда партийный, классовый характер исторической науки проявился более рельефно, вопреки всем попыткам буржуазных ученых завуалировать это словами об «объективности», «надклассовости», «беспартийности». В обстановке ожесточенной классовой борьбы идеологи буржуазии пытались использовать историческую науку для обоснования неизбежности реставрации капиталистических порядков, для оправдания своих контрреволюционных действий, для борьбы против Советской власти и марксизма. Они не останавливались ни перед какими средствами клеветы и фальсификации, чтобы опорочить в глазах трудящихся масс социалистическую революцию, молодое пролетарское государство. Особенно острая полемика развернулась в те годы вокруг вопросов Октябрьской революции и социалистического строительства, истории русского революционного движения и Коммунистической партии.

Для окончательной победы над врагами революции и марксизма на идеологическом фронте, для разоблачения измышлений реакционной буржуазной и меньшевистско-эсеровской историографии необходимо было широко организовать научную разработку истории России с марксистских позиций, приступить к публикации исторических источников, к созданию исследований по важнейшим вопросам истории. Решительное наступление на враждебную идеологию, на буржуазную и меньшевистско-эсеров-

скую историографию и социологию стало необходимым условием успешного развития советской исторической науки, утверждения марксистской методологии и теории.

Октябрьская революция пробудила в широких трудящихся массах громадную жажду знаний. С первых дней революции Советское государство и Коммунистическая партия развернули политико-воспитательную и культурно-просветительную работу среди всех слоев населения; для ее успешного проведения нужна была популярная марксистская литература. Перед историками-марксистами встала задача создания учебников, хрестоматий, общедоступных работ по различным вопросам истории, которые содержали бы материал, нужный для политического просвещения масс. Успешное решение этой важной политической задачи зависело во многом и от научной разработки истории прошлого. Поэтому Советское правительство, Коммунистическая партия и в трудных условиях послереволюционных лет постоянно заботились о развитии советской исторической науки.

Процесс становления марксистской историографии начался задолго до социалистической революции в России. Возникновение марксистской исторической мысли относится к середине XIX в. Ее основы были заложены в трудах теоретиков и родоначальников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса, которые дали замечательные образцы исследования общественно-исторического процесса. Изучая законы капиталистического производства, условия жизни и борьбу классов, экономические и исторические корни революционного движения, идеологи пролетариата разработали исторический материализм как научную теорию и как последовательно научный метод познания процессов общественного развития. Материалистическое объяснение истории, учение об общественно-экономических формациях, классах и классовой борьбе, о государстве, пролетарской революции и диктатуре пролетариата — все эти вопросы получили глубокое обоснование в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Они создавали свою научную теорию на основе глубокого и всестороннего изучения всей предшествующей истории человечества, уделяя большое внимание исследованию конкретных процессов всемирной истории, включая и историю России. Их интересовали самые различные проблемы и сюжеты русской истории: экономическое развитие

страны в различные исторические эпохи, революционное и общественное движение, внешняя и внутренняя политика русского государства и его эволюция, история передовой общественной мысли и культуры, история освободительной борьбы русского народа и другие. Труды К. Маркса и Ф. Энгельса оказали решающее влияние на возникновение материалистической историографии в России, успешно развивавшейся в работах русских марксистов — Г. В. Плеханова и других, входивших в группу «Освобождение труда».

Возникновение советской исторической науки было подготовлено разносторонней теоретической деятельностью русских социал-демократов и прежде всего трудами основателя Коммунистической партии В. И. Ленина и его соратников по революционной борьбе. Дореволюционные и послеоктябрьские работы В. И. Ленина явились замечательным образцом марксистского анализа исторического процесса, дальнейшим развитием важнейших положений теории исторического материализма.

На основе творческого изучения марксистской теории, обобщения достижений передовой общественной науки и исторического опыта революционной борьбы пролетариата и трудящихся масс в конце XIX — начале XX в. В. И. Ленин развил марксистское учение об империализме как последнем этапе капитализма и кануне пролетарской революции, разработал стройную теорию пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Громадное значение для общественных наук, в том числе и исторической, имело дальнейшее развитие В. И. Лениным марксистского учения об общественно-экономических формациях и укладах, классах и классовой борьбе, теории государства. Ленинские труды явились неоценимым вкладом в марксистское учение об обществе, его прошлом, настоящем и будущем.

В. И. Ленин уделял большое внимание исследованию исторического процесса вообще и истории России особенно. История прошлого в его трудах была теснейшим образом связана с политическими задачами, стоявшими перед пролетариатом России, с борьбой за победу социалистической революции в нашей стране. Ленинские работы определили не только идейно-теоретические позиции и методологию советской науки, но и пути ее развития.

Ленинское учение о социалистической революции, диктатуре пролетариата и классовой борьбе, явившееся ценнейшим вкладом в марксистскую философию и социологию, стало основой для изучения истории советского общества.

Большое влияние на формирование марксистской исторической концепции оказали дореволюционные труды видных деятелей большевистской партии и международного коммунистического движения. Работы В. В. Воровского, И. И. Скворцова-Степанова, М. Н. Покровского, Н. Н. Батурина, Ф. А. Ротштейна, Н. М. Лукина и других, посвященные исторической тематике, явились важной вехой на пути развития марксистской социально-исторической литературы. Их статьи, очерки, брошюры, монографии по истории промышленности, сельского хозяйства, рабочего класса и крестьянства, по истории революционного движения, русской социал-демократии и большевизма, по истории русского государства и его политики, по проблемам международных отношений, вышедшие до 1917 г., сыграли важную роль в идеологической подготовке пролетарской революции в России, в политическом воспитании и просвещении трудящихся масс.

Историкам-марксистам, стоявшим у истоков советской исторической науки, предстояло овладеть богатейшим наследием К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, внедрить их теоретические и методологические принципы в исторические исследования. Эту работу русские марксисты начали проводить еще до революции, однако по настоящему широко она могла развернуться только после Октября.

Постоянная забота Советского государства, В. И. Ленина об исторической науке, о кадрах историков способствовала ее успешному развитию в самые трудные для молодой республики годы.

Марксистская историография начала 20-х годов являлась продолжательницей дореволюционных традиций, развивавшихся в большевистской общественно-политической и исторической литературе. Эта преемственность прослеживается и в идейно-теоретическом плане, и в проблематике, и в направлении исторических исследований, но задачи и условия работы историков-марксистов коренным образом изменились. Если до Октябрьской революции усилия большевиков были направлены на ра-

зоблачение эксплуататорской сущности буржуазно-помещичьего строя, на обоснование необходимости пролетарской революции и на пропаганду этой идеи среди широких масс, то с победой пролетариата историки-марксисты подчинили свою деятельность борьбе за укрепление и упрочение нового общественного строя, за всемерную защиту революционных завоеваний. И хотя послеоктябрьский период развития советской историографии органически связан с предшествующей деятельностью марксистов, в нем отчетливо выступают совершенно новые черты и элементы, отсутствовавшие ранее. Особенно это проявилось в росте масштабов исследовательской работы, значительном расширении проблематики, в появлении новых форм и жанров исторической литературы, в подготовке профессиональных кадров историков-марксистов.

Преемственность прослеживается и по линии воспитания новой научной смены. Историки-большевики с до-революционным стажем «подпольной» научной деятельности, как М. Н. Покровский, В. А. Быстрянский, В. И. Невский, Н. М. Лукин, М. Н. Лядов, М. С. Ольминский и другие, наряду с большой исследовательской и популяризаторской работой активно включились в подготовку новых марксистских кадров; сложившиеся до революции традиции и принципы они передавали молодым, начинающим историкам, воспитанию которых уделялось большое внимание.

Выделение периода 1917—1923 гг. в истории советской исторической науки, как и всякая периодизация общественных явлений, носит весьма условный характер, тем не менее установление этой грани не только целесообразно, но и правомерно. Именно об этих годах можно с полным основанием говорить как о времени возникновения марксистской профессиональной исторической науки. В эти же годы в основном сложился новый научный аппарат, что явилось одним из важнейших условий становления и развития советской исторической школы. Появились реальные возможности для широкого изучения и публикации исторических документов и мемуаров, создания статей и монографических исследований по отечественной и всеобщей истории. К этому же времени относится начало коренной перестройки всей системы исторического образования в стране, организации широкой пропаганды науч-

ных исторических знаний, марксизма среди населения. В идейном перевоспитании народа новая историческая наука заняла ведущее место среди других гуманитарных дисциплин.

С точки зрения идейной борьбы рассматриваемый нами период также представляет единое целое. Основные усилия историков-марксистов были направлены на разоблачение реакционной, идеалистической меньшевистско-эсеровской и белоэмигрантской историографии, представители которой активно выступали против марксизма, против социалистической революции и Советской власти.

И, наконец, особенно важно отметить, что на эти годы приходится громадная работа, проделанная основателем Советского государства и Коммунистической партии В. И. Лениным по дальнейшему развитию марксистской концепции истории России, социалистической революции, теории строительства нового общества, оказавшей определяющее влияние на советскую историческую науку и процесс ее становления.

Все эти явления и факты позволяют определить 1917—1923 гг. как первый, начальный этап становления советской исторической науки. Он подразделяется на два периода: 1918—1920 гг., когда в обстановке гражданской войны делались только первые шаги в изучении истории и не было еще необходимой научной базы, условий для проведения научных исследований; 1921—1923 гг., когда была создана система новых научных центров, что дало возможность приступить к подготовке советских кадров историков, широко развернуть исследовательскую и публикаторскую работу.

Не исключена возможность, что дальнейшее изучение истории советской исторической науки внесет поправки в данную периодизацию, но охарактеризованное выше содержание первого этапа не может измениться. Именно в эти годы начала свое существование советская марксистская профессиональная историческая наука по русской истории.

В данной работе исследуется процесс возникновения советской исторической науки и освещается начальный этап развития, его важнейшие черты и стороны. Ни по замыслу, ни по объему материала книга не может дать полной картины состояния русской исторической науки в начале 20-х годов. Использованная историческая лите-

ратура, ее анализ и выводы относятся к изучению только отечественной истории силами представителей марксистского направления.

При подготовке книги были использованы труды В. И. Ленина, его переписка и другие документы, раскрывающие роль вождя революции в судьбах советской науки вообще и исторической в частности. Решения партийных съездов и конференций, декреты и постановления правительства в 1917—1923 гг. явились также ценнейшими источниками для исследования данной темы. Важным объектом исследования автора были научные работы историков-марксистов: очерки, статьи, брошюры, публикации документов и мемуаров, исторические хроники, первые монографические исследования, подготовленные и вышедшие в 1918—1924 гг. Эти источники позволяют раскрыть процесс становления советской исторической науки, ее проблематику, теоретические и методологические позиции, источниковедческую базу исторических исследований тех лет. Исторические, общественно-политические и критико-библиографические журналы, появившиеся в те годы, содержат богатый и разнообразный материал. Публикации документов, мемуаров, статьи, обзоры литературы, рецензии на книги как марксистских, так и буржуазных авторов дают возможность восстановить картину острой идейной борьбы, развернувшейся в те годы в исторической науке.

Для характеристики буржуазно-дворянской и меньшевистско-эсеровской историографии привлечены публикации документов, монографические труды историков, сборники статей, материалы исторических журналов («Былое», «Голос минувшего», «Русское прошлое» и др.). Они важны для изучения тех изменений, которые начались в буржуазной историографии под влиянием революции.

В книге использованы архивные материалы, хранящиеся в ЦГАОР СССР, ГАОРСС ЛО, в архивах Академии наук СССР, Московского государственного университета, Ленинградского государственного университета, Института истории АН СССР, Ленинградского отделения Института истории АН СССР, Государственного исторического музея, материалы рукописных отделов Государственных публичных библиотек имени В. И. Ленина и М. Е. Салтыкова-Щедрина, Института истории русской литературы в Ленинграде.

При подготовке данной работы автору оказали большую помощь академик М. В. Нечкина, доктора исторических наук Е. Н. Городецкий, М. С. Волин, Н. Н. Яковлев. Ценные замечания были сделаны сотрудниками сектора истории исторической науки Института истории АН СССР, а также доцентом Ростовского государственного университета А. Г. Беспаловой. Автор приносит им большую благодарность за внимание к ее скромному труду.

СОЗДАНИЕ ЦЕНТРОВ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Советская историческая наука рождалась вместе с новым общественным строем в обстановке, когда молодое пролетарское государство, окруженное кольцом врагов, вело упорную борьбу с внутренней и международной контрреволюцией. Острая классовая борьба, экономическая разруха, голод, недостаток топлива и электроэнергии, типографского оборудования и бумаги — все это создавало крайне тяжелые условия для организации и проведения научно-исследовательской работы, но пролетариат упорно создавал свои идеологические кадры. Советское государство и Коммунистическая партия во главе с В. И. Лениным проявляли громадную заботу об исторической науке и ее будущем.

Октябрьская революция устранила все препятствия, мешавшие распространению пролетарской идеологии в России и всестороннему развитию марксистской исторической мысли. Однако поступательное движение исторической науки сдерживалось тем, что в стране совершенно отсутствовали научные учреждения и организации марксистского направления. В условиях буржуазно-помещичьего строя царской России русские марксисты не могли иметь своих научных центров, библиотек, исторических архивов и журналов. Их не допускали к преподавательской работе в высшей школе, они фактически не могли влиять на подготовку марксистских кадров по общественным наукам. Свою исследовательскую работу в области истории, философии, политэкономии они вынуждены были проводить либо за границей (в Женеве, Париже,

Лондоне работали М. Н. Лядов, И. И. Скворцов-Степанов, А. М. Коллонтай), либо в подполье, в обстановке строжайшей конспирации, а нередко и в тюрьмах, на каторге, в ссылке, вдали от научных и культурных центров (В. В. Воровский, В. А. Быстрянский, А. Г. Шлихтер и др.).

От старого буржуазного общества осталось, конечно, много архивов и книгохранилищ, специалистов-историков, журналов. Ученые старой школы имели большой опыт исследовательской, публикаторской и педагогической работы. Однако использование этого наследия в условиях диктатуры пролетариата, естественно, носило ограниченный характер. Представители буржуазно-дворянской историографии, воспитанные на идеалистических концепциях, в большинстве своем были противниками марксизма. Правда, среди старых специалистов было немало и таких ученых, которые доброжелательно встретили социалистическую революцию. С первых лет Советской власти они активно включились главным образом в работу по архивному строительству, участвовали в подготовке документальных публикаций. И тем не менее даже лучшие представители буржуазной исторической школы не смогли оказать существенную помощь в решении большого круга вопросов первостепенной важности. В коренной перестройке для работы в новых условиях и по-новому нуждались и существовавшие тогда научные и учебные центры: Академия наук, Археографическая комиссия, университеты, научные общества, музеи, краеведческие организации.

Победивший пролетариат не имел тогда профессиональных кадров в области общественных наук. Но среди видных деятелей Советского государства и Коммунистической партии были люди, исследовавшие еще до революции важнейшие проблемы истории России: Н. Н. Батулин, В. А. Быстрянский, В. В. Воровский, М. Н. Лядов, М. С. Ольминский, М. Н. Покровский и др. Занятые повседневной партийной и государственной работой, они не могли, конечно, удовлетворить все потребности научно-исследовательской и популяризаторской работы. Однако они были первыми зачинателями, первой надежной опорой в новом и трудном деле. При крайней малочисленности марксистских специалистов очень важно было максимально сконцентрировать их силы для рационального

и эффективного использования на различных участках работы. Потребность в марксистском научном центре была так велика, что Совет Народных Комиссаров уже в июне 1918 г., в обстановке начавшейся гражданской войны, принял декрет о создании Социалистической академии общественных наук¹. В организации Академии приняли участие видные деятели Советского государства и Коммунистической партии. Важнейшие направления деятельности Академии были определены в известной рекомендации В. И. Ленина, написанной в мае 1918 г. на заседании СНК, где обсуждался доклад М. Н. Покровского об учреждении Академии. В. И. Ленин предложил: «1) — во главу угла поставить издательское общество марксистского направления; 2) — привлечь в особенно большом числе заграничные марксистские силы; 3) — одной из первоочередных задач поставить ряд социальных исследований; 4) — немедленно принять меры к выявлению, сбору и использованию русских преподавательских сил»².

Социалистическая академия должна была координировать и направлять исследовательскую работу в стране, бороться за утверждение марксистской теории и методологии в гуманитарных науках.

ВЦИК утвердил список действительных членов Социалистической академии, который был опубликован в августе 1918 г.³ Из европейских марксистов в этот список были включены О. Куусинен, П. И. Стучка, Р. Люксембург, Ю. Мархлевский, К. Либкнехт и др. Однако созданная гражданской войной и иностранной интервенцией блокада не позволила реализовать ленинскую идею организации научного центра интернационального характера. В состав действительных членов Социалистической академии вошли: Н. К. Крупская, В. Д. Бонч-Бруевич, А. В. Луначарский, М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, Ю. М. Стеклов, В. М. Фриче, А. М. Коллонтай и др. Первыми профессорами Академии были: В. П. Волгин,

¹ «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства» (далее — СУ), 1918, № 49, ст. 573. Об истории создания Социалистической академии общественных наук подробнее см. в кн.: *И. С. Смирнов. Ленин и советская культура*. М., 1960, стр. 299—303.

² *В. И. Ленин. Поли. собр. соч.*, т. 36, стр. 372—373.

³ «Известия ВЦИК», 9 августа 1918 г.

П. М. Керженцев, Н. М. Лукин, М. С. Ольминский, В. П. Милютин, А. Д. Удадьцов, Ш. М. Дволайцкий.

1 октября 1918 г. состоялось открытие Социалистической академии. Она включала две секции (научно-академическую и учебно-просветительную) и четыре отделения (социально-историческое, политико-юридическое, финансово-экономическое и технико-экономическое). Социально-историческое отделение занималось подготовкой специалистов по истории. Уже в первый год существования помимо политико-воспитательной и учебной работы, которая заметно преобладала в деятельности Академии, началась разработка по заданию СНК материалов по истории первой мировой войны, готовились к изданию сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. Кроме того, было начато изучение архива дома Романовых. Социалистическая академия активно включилась в общественную и политическую жизнь столицы, посылала своих представителей для чтения лекций в учебно-просветительные советские учреждения и на различные курсы⁴. По ее инициативе в Москве организовывались лекции, диспуты, торжественные заседания и митинги с целью пропаганды социализма и разоблачения его идеологических противников. 15 ноября 1918 г. в Москве состоялся концерт-митинг, посвященный годовщине Октябрьской революции; 17 ноября были сделаны доклады и после них организован диспут о К. Каутском и каутскианстве; 26 января 1919 г. состоялось торжественное заседание, посвященное памяти К. Либкнехта и Р. Люксембург, а 19 января 1920 г.— торжественное заседание, посвященное памяти А. И. Герцена, на котором был заслушан доклад М. Н. Покровского «Герцен как историк» и др⁵. Вспоминая о работе Социалистической академии в те годы, М. Н. Покровский писал: «Надо было видеть эти переполненные аудитории в старом, брошенном нами теперь, здании Практической академии на Покровском бульваре... надо было видеть эти аудитории, переполненные, несмотря на то, что трамваи тогда не ходили, освещение было скудное, а отопление еще более скудное... Но аудитории все-таки были переполнены,—

⁴ А. Удадьцов. Очерк истории Социалистической академии.— «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 26—28.

⁵ Там же, стр. 29, 36.

молодежь ходила слушать лекции, часто импровизированные, но все-таки принесшие огромную пользу»⁶.

Однако задачи, поставленные В. И. Лениным перед Социалистической академией, выполнить сразу не удалось. Сказались тяжелейшие условия того времени; к середине зимы 1918 г. большинство слушателей ушло на фронт. Отрицательно повлияло и то, что в число сотрудников Академии первого состава входили меньшевики, эсеры, бывшие народники, т. е. лица, весьма далекие от подлинно научного, марксистского мировоззрения. Они мешали работать, отвлекая внимание слушателей от первоочередных задач пропаганды марксизма. Но, несмотря на все недостатки и трудности, Социалистическая академия стала все же крупнейшим центром в стране по популяризации и распространению марксизма среди трудящихся, она стала организационной формой привлечения видных деятелей партии к исследовательской работе. Вокруг Социалистической академии стала группироваться молодежь, живо интересовавшаяся проблемами общественного развития. Так закончился первый этап организационного и идейного становления Социалистической академии.

С весны 1919 г. стало наблюдаться заметное оживление в деятельности Социалистической академии, особенно в области исторических исследований. В 1921—1922 гг. были разработаны научные планы. В кабинетах и секциях по рабочему вопросу, истории общественной мысли и революционного движения в России, экономике, советскому строительству, по истории международных отношений начались серьезные исследования⁷. Большое внимание уделялось изучению истории России, ее экономическому развитию накануне революции, истории рабочего класса и его борьбе, истории внешней политики и международных отношений периода империализма, вопросам социа-

⁶ М. Н. Покровский. 10 лет Коммунистической академии.— «Вестник Коммунистической академии», 1928, № 28, стр. 11.

⁷ В начале 20-х годов Социалистическая академия издала труды: Н. М. Лукин, Парижская Коммуна 1871 года. М. 1922; П. И. Стучка. Революционная роль права и государства. М., 1922; В. В. Адоратский. О государстве. М., 1923; Г. С. Гурвич. История Советской конституции. М. 1923; Ф. А. Ротштейн. Очерки по истории рабочего движения в Англии. М.—Пг., 1923; он же. История международных отношений в XX веке. М., 1923 и др.

листического строительства⁸. Среди руководителей и научных сотрудников кабинетов были видные деятели партии и марксисты-историки: М. Н. Покровский, В. П. Волгин, Ф. А. Ротштейн, А. С. Бубнов, Ш. М. Дволайцкий, В. М. Фриче, В. П. Милютин и др. С осени 1922 г. в Социалистической академии стали регулярно проводиться обсуждения научных докладов и сообщений. В течение 1922—1923 гг. были заслушаны выступления В. П. Милютина «Роль государственного капитализма в системе советского хозяйства», В. К. Никольского «О комплексном методе исследования первобытной культуры», М. Н. Покровского «9 января 1905 г.», «Маркс как историк» и др.⁹ Социалистическая академия становилась крупнейшим в стране марксистским центром по общественным наукам и прежде всего в области истории. Уже в первое пятилетие своего существования она достигла значительных успехов как в организации и проведении исследований, так и в подготовке новых научных сил. Сотрудники Академии ставили и решали новые научные проблемы, руководствуясь марксистской теорией и методологией.

Еще задолго до революции большевистские организации по инициативе В. И. Ленина начали собирать историко-партийные документы и материалы. Однако в условиях царской России эта работа не могла проводиться планомерно и в широких масштабах. Она стала возможна только после победы Октября. Эпоха первой в мире пролетарской революции вызвала появление большого количества совершенно неизвестных в дореволюционное время типов исторических источников, в которых отразился процесс гибели старого буржуазно-помещичьего строя и рождения новой общественной формации. В обстановке острой классовой борьбы, экономической разрухи и топливного кризиса этим документам грозила гибель. Необходимо было срочно организовать выявление, сбор и систематическое хранение их по всей стране, чтобы будущие поколения исследователей могли изучить и восстановить ход исторических событий революционной эпохи. Весной 1919 г. Централь-

⁸ «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 34—35; «История и историки». Сборник статей. М., 1965, стр. 93—97.

⁹ «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1; 1923, № 2—4.

ный Комитет РКП(б) выступил с предложением о сборе исторических документов: партийных изданий, протоколов, постановлений и других материалов. В обращении Секретариата ЦК ко всем партийным организациям говорилось: «Для будущего историка великой российской революции каждая газета, каждое воззвание самой мелкой организации будет драгоценным материалом. Этот исторический материал не должен пропадать. Присылайте его нам»¹⁰. В августе 1920 г. по предложению В. И. Ленина при Государственном издательстве была создана Комиссия по истории партии. Вскоре ее решили расширить: по указанию В. И. Ленина она была превращена в Комиссию по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции при Наркомпросе¹¹. 25 сентября был опубликован подписанный В. И. Лениным декрет. Текст декрета подготовили М. Н. Покровский и В. В. Адоратский¹².

Из всех научных учреждений, возникших после 1917 г., Комиссия по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии (Истпарт) до 1928 г. была фактически единственным центром, созданным для исследования исторических проблем. В состав Истпарта входили Н. Н. Батулин, А. С. Бубнов, М. С. Ольминский, М. Н. Лядов и другие видные историки-марксисты; председателем был назначен М. С. Ольминский, заместителем — М. Н. Покровский, секретарем — В. В. Адоратский.

Одна из подкомиссий Истпарта под руководством М. Н. Покровского занималась изучением истории Октябрьской революции, другая — историей партии. Работу последней возглавил историк-марксист В. И. Невский. В декабре 1921 г. по инициативе А. И. Елизаровой комиссия была передана в ведение ЦК РКП(б)¹³ (на правах отдела), и ее деятельность заметно активизировалась.

¹⁰ «Восьмой съезд РКП(б)». Протоколы. М., 1959, стр. 513.

¹¹ М. Н. Покровский. О возникновении Истпарта.— «Пролетарская революция», 1930, № 7-8, стр. 138—139; В. Адоратский. Воспоминания о возникновении Истпарта.— Там же, № 5, стр. 163—164.

¹² «Пролетарская революция», 1930, № 5, стр. 164; СУ, 1920, № 80, ст. 386; К. А. Остроухова. О работе Истпарта.— «Вопросы истории КПСС», 1967, № 6.

¹³ «Известия ЦК РКП(б)», 1922, № 2, стр. 33; «Пролетарская революция», 1930, № 5, стр. 156—158.

В 1921—1923 гг. широкая сеть истпарта была создана по всей стране; в 1923 г. их насчитывалось уже около 100.

Основное внимание Истпарта в первые годы было сосредоточено на собирании, изучении и подготовке к изданию документальных источников. Истпарт и его отделения на местах уже за первые три года своего существования опубликовали большое количество разнообразных материалов по истории рабочего движения конца XIX — начала XX в. и истории Коммунистической партии¹⁴, по истории борьбы за победу социалистической революции в нашей стране¹⁵. Значительный интерес представляли издания мемуарной литературы, особенно воспоминания активных участников революционного движения. Публикаторская деятельность Истпарта открыла новый этап в истории русской археографии. Истпарт положил начало не только публикации исторических источников нового типа, но и выработке новых источниковедческих и археографических принципов и норм, основанных на материалистической теории общественного развития.

Одновременно с собиранием и изданием источников сотрудники Истпарта занимались изучением истории революционного движения, Коммунистической партии и революций 1905 и 1917 гг. Они и выпустили в свет ряд книг как популярного¹⁶, так и исследовательского характера¹⁷,

¹⁴ «От группы Благоева к Союзу борьбы». М.—Пг., 1921 г. «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», вып. 1—2. М., 1921; «1 Мая». Саратов, 1922; «1 Мая». Киев, 1921; «Большевистские тайные типографии в Москве и Московской области». М., 1923; «Российская Коммунистическая партия большевиков в постановлениях ее съездов». Пг., 1921; «К двадцатипятилетию первого съезда партии (1898—1923 гг.)». М.—Пг., 1923; «Из партийного прошлого», вып. 1—2. Калуга, 1922—1923; «История Екатеринославской социал-демократической организации». Екатеринослав, 1923; «Памятники агитационной литературы Российской социал-демократической рабочей партии», т. 6, вып. I. Пг., 1923, и др.

¹⁵ «Октябрьские дни в Москве и районах». М., 1923; «Накануне Великой революции». М., 1922; «От Февраля к Октябрю». М., 1923; «Октябрьское восстание в Москве». М., 1922; «Октябрьская революция». Харьков, 1922; «Красная летопись». Симбирск, 1923; «Октябрь 1917». Ростов-на-Дону, 1921, и др.

¹⁶ А. С. Бубнов. Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России. М., 1921; Н. Н. Батулин. Очерки из истории рабочего движения 70—80-х годов. Харьков, 1923; В. Смирнов. На заре рабочего движения в Иваново-Вознесенске (1875—1906). Владимир, 1921, и др.

¹⁷ В. И. Невский. Южно-русский рабочий союз в городе Николаеве в 1897 г. М., 1922; И. А. Меницкий. Рабочее движение и социал-демократическое подполье Москвы в военные годы. 1914—1917. М., 1923; В. И. Невский. Очерки по истории РКП, ч. I. Пг., 1923.

биографические материалы¹⁸, хроники революции 1917 г.¹⁹

В 1922 г. редактор журнала «Красная летопись» В. И. Невский писал: «Впервые почти за сорокалетнее свое существование революционная часть социал-демократии получила возможность совершенно свободно изучать историю того могучего рабочего движения, которое под руководством именно этого революционного крыла, называемого теперь Коммунистической партией, провало враждебный фронт, смяло его и сбросило навсегда не только самодержавие, но и старое буржуазное общество. Десятки лет нам не только нельзя было ничего печатать из нашей истории, десятки лет мы должны были скрывать свои имена, часто имена погибших дорогих друзей, так как это могло повредить делу.

И вот теперь, наконец, мы можем не только сами изучать историю рабочего движения и нашей партии, но и печатать ценнейшие документы и, главное, таким путем помогать нашей пролетарской армии осознать себя, понять все огромное значение того, что называется партией. Наше дело, дело работников Истпарта, теперь становится важным делом воспитания молодых членов нашей партии, просветительным делом в лучшем, коммунистическом смысле этого слова»²⁰.

Наиболее распространенной формой истпартовских изданий стали сборники. Они содержали разнообразные материалы, документы (листовки, воззвания, приказы, протоколы, а также материалы жандармского управления), воспоминания участников революционных событий, речи и статьи. Особенно ценны были эти материалы для изучения истории революционного движения, деятельности местных социал-демократических организаций и борьбы за победу Советской власти. В 1921—1924 гг. Московский истпарт выпустил три сборника под названием «Путь к Октябрю»; Крымский — «Революция в Крыму» (два сборника); Донской — «Пролетарская революция

¹⁸ «Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 гг.», вып. 1—2. М., 1922, 1923, и др.

¹⁹ В. Максаков и Н. Нелидов. Хроника революции 1917 г., вып. 1. М.—Пг., 1923; Н. Авдеев. Революция 1917 г. Хроника событий, т. I. Январь — апрель; т. II. Апрель — май. М.—Пг., 1923; В. Владимирова. Революция 1917 г. Хроника событий, т. III. Июнь — июль. М.—Пг., 1923.

²⁰ «Красная летопись», 1922, № 4, стр. 396.

на Дону» (три сборника); Нижегородский — «Материалы по истории революционного движения» (четыре сборника); Тульский — «Революционное былое» (три сборника); Башкирский — «Революционное прошлое» (два сборника); Самарский — «Красная быль» (два сборника); Томский истпарт — «Былое Сибири» (три сборника). Все эти публикации свидетельствуют о большой собирательской и исследовательской деятельности, которая развернулась уже с первых лет существования истпартов.

В процессе публикаторской и научной работы воспитывались новые кадры историков. Особенно большое значение имела эта деятельность на местах, где отделения истпарта практически были единственными в те годы научными центрами. Школу истпартовской работы прошли советские историки Ш. М. Левин, Э. А. Корольчук, К. А. Остроухова, М. А. Рубач (на Украине), В. Т. Илларионов (в Нижнем Новгороде) и др. Истпартовские издания широко использовались в агитационно-пропагандистской и просветительной работе, в борьбе с антимарксистскими теориями и схемами.

Одновременно Истпарт начал проводить работу по популяризации исторических знаний среди трудящихся масс с использованием памятников революционного прошлого. К X съезду партии Истпарт организовал экспозицию по истории РКП(б) в Доме Союзов. Затем она превратилась в постоянно действующую выставку-музей в Кремле²¹. В 1922 г. историко-революционные выставки были открыты в Петрограде, Новгороде, Нижнем Новгороде, Казани, Киеве, Екатеринославе, Ташкенте, Перми и других городах. К шестой годовщине Октябрьской революции выставки по истории революции и РКП(б) были устроены в 25 губернских городах; они привлекли огромное число посетителей и постепенно превратились в постоянные; в ряде случаев на их базе создавались музеи. К 1924 г. музеи революции были организованы в Петрограде, Калуге, Костроме, Новгороде, Саратове, Смоленске, в Татарии, Сибири, Одессе²². На основе Историко-революционного музея города Москвы был создан Музей револю-

²¹ Н. С. Комаров. Создание и деятельность Истпарта.— «Вопросы истории КПСС», 1958, № 5, стр. 160—161.

²² «Вокруг истпартовской работы». — «Пролетарская революция», 1924, № 1 (24), стр. 282—309.

ции²³. В его организации активное участие принимали Истпарт и Центрархив. В ряде городов Истпарт организовал историко-революционные библиотеки, курсы по истории партии и революционному движению²⁴. Выставки, уголки, музеи, лекции и доклады способствовали привлечению внимания партийных и беспартийных масс к работе Истпарта. Они стали одним из действенных средств пропаганды среди широких масс населения марксистско-ленинских идей на материалах и документах по истории революции и Коммунистической партии.

Коммунистическая партия и ее Центральный Комитет уделяли большое внимание работе Истпарта. Доклад председателя Истпарта М. С. Ольминского был заслушан на X съезде РКП(б)²⁵. Деятельность Истпарта обсуждалась на специальном совещании, организованном во время XII съезда партии в апреле 1923 г.²⁶ В резолюции XIII съезда партии «Об агитпропработе» говорилось: «Отмечая громадную потребность в работах по истории партии и Октябрьской революции, их огромное воспитательное значение и необходимость усилить интенсивность работы по собиранию и обработке материалов, составлению хронологий революционных событий и хрестоматий, в частности в связи с приближением 20-й годовщины первой русской революции, XIII съезд партии считает, что работе истпартов должно быть уделено серьезнейшее внимание и приняты все меры к обеспечению ее успешности (снабжение работниками, материальными средствами и т. д.)»²⁷. Это постановление конкретно определило направление дальнейшей деятельности Истпарта и его отделений на местах.

В 1921 г. были созданы Комиссия по истории молодежного и коммунистического движения (Истмол) и Комиссия по истории профессионального движения (Истпроф) и их отделения на местах. Они стали зани-

²³ А. Б. Закс. Из истории Государственного музея Революции СССР.— «Очерки истории музейного дела в СССР», вып. V. М., 1963, стр. 6—7.

²⁴ «Вокруг органов истпартовской работы. Обзор деятельности местных органов Истпарта». — «Пролетарская революция», 1922, № 8, стр. 234; № 11, стр. 241; 1924, № 1, стр. 282—309.

²⁵ «Десятый съезд РКП(б)». Стенографический отчет. М., 1963, стр. 129—133.

²⁶ «Бюллетень Истпарта», 1924, № 2.

²⁷ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II. М., 1954, стр. 75.

маться собиранием, изучением и изданием материалов об участии молодежи и профсоюзов в революционном движении.

Большое влияние на процесс формирования советской исторической науки и утверждение марксистской теории и методологии в исторических исследованиях оказал Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, созданный в 1921 г. по решению Центрального Комитета РКП(б). Он занимался исследованием истории возникновения и развития марксизма, изучением и обобщением опыта международного рабочего и коммунистического движения. С первых лет существования Института его сотрудники направили свои усилия на собирание литературного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса. Коллекции рукописей, материалов и документов, изданий и сочинений легли в основу архива Института. Поступившие в Институт материалы позволили приступить к публикации собрания сочинений основоположников научного коммунизма, первые пять томов которого были подготовлены к концу 1923 г. Институт наметил и стал осуществлять широкую программу изданий литературного наследия Маркса и Энгельса, создавая тем самым необходимые условия для всестороннего изучения марксистской теории и ее распространения во всех областях знания²⁸.

Собиранием, систематизацией и изучением ленинского наследия стал заниматься созданный в 1923 г. по инициативе Московского комитета РКП(б) Институт Ленина. Под руководством Центрального Комитета партии были определены структура, важнейшие задачи и формы работы Института. В специальной резолюции XIII съезда РКП(б) говорилось: «Съезд одобряет подготовительную работу, проделанную уже Институтом в деле собирания материалов и ознакомления с ними широких масс трудящихся. Первой и главной задачей Института XIII съезд считает вполне научное и самое тщательное издание полного собрания сочинений Ленина и подготовку ленинской библиотеки для более широких масс рабочих из избранных произведений В. И. Ленина на языках всех народностей, населяющих СССР... Институт В. И. Ленина должен явиться, таким образом, базой изучения и

²⁸ «Институт К. Маркса и Ф. Энгельса». Каталог изданий. М.—Л., 1929, стр. II; «История и историки». Сборник статей. М., 1965, стр. 101—104; «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV, М., 1966, стр. 210—212.

распространения ленинизма среди широких партийных и беспартийных масс»²⁹. 31 мая 1924 г. состоялось торжественное открытие Института. В нем стали работать А. С. Бубнов, В. И. Невский, М. Н. Лядов, Н. К. Крупская и др.

Возникновение в первые годы Советской власти таких научных центров, как Социалистическая академия, Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, Истпарт и других, оказавших громадное влияние на формирование советской исторической науки, стало возможно только благодаря победе нового общественного строя в нашей стране. С этого времени Россия — родина ленинизма — становится первой в мире страной, где марксизм-ленинизм превращается из идеологии угнетенных и эксплуатируемых в идеологию господствующего и правящего класса, строящего социализм.

Революция должна была защищать себя идеологически, и для этого она разрушала и перестраивала старые научные и просветительные организации — рассадники буржуазной идеологии — и создавала новые, призванные решать в своей практической деятельности важные научные и политико-воспитательные задачи. За всю историю марксизма-ленинизма это были первые научные учреждения, созданные государством, способные не только изучать и распространять идейное наследие величайших вождей пролетариата, но и защищать его от врагов, развивать и углублять в процессе революционных преобразований и социалистического строительства.

Революционная эпоха определила характер, направление, размах и формы деятельности новых научных организаций. Все они создавались для утверждения господствующей идеологии марксизма-ленинизма как центры новой научно-исследовательской работы. В этом же плане развертывалась деятельность архивных учреждений, научных обществ и их отделений на местах, исторических и историко-революционных музеев. Они, как правило, не занимались непосредственной подготовкой кадров, но своей практической деятельностью активно способствовали их формированию и оказывали большое влияние на воспитание историков-марксистов. Подготовка специалистов велась на историко-филологических факультетах

²⁹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, стр. 87—88.

старых университетов, созданных до революции и теперь перестраивавших свою работу, и вновь организованных (Белорусский, Иркутский, Дальневосточный и другие), которые успешно развертывали свою учебную и научную деятельность. Однако ни новые, ни старые университеты, ни коммунистические университеты не могли еще решить такой важной задачи, как воспитание кадров высшей квалификации, т. е. профессоров-марксистов. Поэтому с окончанием гражданской войны особенно остро встал вопрос о подготовке таких кадров, способных вести исследовательскую и преподавательскую работу в вузах.

Осенью 1920 г. по инициативе В. И. Ленина декретом СНК была учреждена специальная комиссия «для коренного пересмотра преподавания общественных наук в высших школах Республики» (речь идет о комиссии Ф. А. Ротштейна)³⁰. Работа этой комиссии показала, что для подготовки профессоров-марксистов необходимо создать специальное учреждение. В 1921 г. постановлением СНК от 11 февраля был создан Институт красной профессуры (ИКП). В декрете говорилось: «Учредить в Москве и Петрограде Институты по подготовке Красной профессуры для преподавания в высших школах Республики теоретической экономики, исторического материализма, развития общественных форм, новейшей истории и советского строительства»³¹.

На историческом отделении ИКП готовились кадры историков. Среди преподавателей института были М. Н. Покровский (ректор), Н. М. Лукин, Ф. А. Ротштейн, В. В. Адоратский, В. П. Волгин³².

Стали разрабатываться важнейшие проблемы отечественной истории: развитие промышленности, рабочее и крестьянское движение в XIX — XX вв., революция 1905 г., столыпинская реформа и внутренняя политика царизма³³. Среди первых слушателей ИКП были А. М. Панкратова, С. М. Дубровский, А. В. Шестаков, С. Г. Томсинский,

³⁰ СУ, 1920, № 93, ст. 503. М. Покровский. О научной работе коммунистов в области общественных наук. — «Коммунистическая революция», 1927, № 5, стр. 22.

³¹ СУ, 1921, № 12, ст. 79. В Петрограде ИКП создан не был.

³² Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее — ЦГАОР СССР), ф. 2307, оп. 2, д. 232, л. 3; ф. 5284, оп. 1, д. 2, л. 22.

³³ «Труды Института красной профессуры», т. 1. М., 1923, стр. 178.

Б. Б. Граве. Ряд больших и серьезных исследований 20-х годов был результатом их работы в семинарах Института³⁴.

Уже в первые годы существования ИКП стал играть важную роль в подготовке марксистской профессуры и в разработке истории России с марксистских позиций. Он оказывал влияние на становление всех областей советской исторической науки и прежде всего истории России.

Близкой к ИКП по характеру, но значительно меньшей по размаху и влиянию была деятельность научно-исследовательского института, созданного в 1922 г. группой петроградских коммунистов «для ведения работы в духе революционного марксизма». 11 июля 1922 г. на организационном собрании были утверждены устав и список сотрудников (39 человек)³⁵. В этом институте начали работать С. А. Пионтковский, В. И. Невский, В. А. Быстрянский, К. И. Шелавин, Г. В. Цыперович, М. В. Серебряков³⁶. Они изучали историю империализма и переходного периода, историю революционного движения в России и историю РКП(б), исследовали вопросы о роли Советов в русской революции, о кризисе буржуазной идеологии и др.³⁷ Первый научный доклад Я. Захера «Царское правительство и Константинопольские проливы накануне империалистической войны» был заслушан 17 сентября 1923 г.; в этом же году на заседании правления института было принято решение о создании группы по истории большевизма под руководством В. А. Быстрянского³⁸.

Одним из необходимых условий развития исторической науки является постоянное насыщение ее новым фактическим материалом. Успех в этом деле самым тесным обра-

³⁴ А. М. Панкратова. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923; И. А. Меницкий. Русское рабочее движение и РСДРП накануне войны. 1912—1914 гг. М., 1923; В. Астров. Экономисты — предтечи меньшевиков. Экономизм и рабочее движение в России на пороге XX в. М., 1923; С. Г. Томсинский. Борьба классов и партий во Второй Государственной думе. М., 1924; С. М. Дубровский. Аграрное движение в 1905—1907 гг. — «Труды Института красной профессуры», т. 1; Б. Б. Граве и С. М. Дубровский. Аграрное движение в 1905—1907 гг. М.—Л., 1925 и др.

³⁵ «Вестник Социалистической академии», 1923, № 2, стр. 293; Архив Академии наук СССР в Ленинграде (далее — Архив АН СССР), ф. 233, оп. 1, д. 1, л. 1.

³⁶ Архив АН СССР, ф. 233, оп. 1, д. 7, л. 1. Данные на 1922 г.

³⁷ Там же, лл. 2—11; д. 1, лл. 3—4.

³⁸ Там же, д. 17, л. 12; д. 8, л. 18.

зом связан с положением архивного дела в стране и во многом определяется тем, насколько доступны для исследователей документальные коллекции.

Накануне Октябрьской революции исторические архивы вследствие войны и общей разрухи находились в состоянии полнейшего упадка и развала. Советскому правительству пришлось приложить немало сил и средств для спасения исторических документов и организации их хранения в общегосударственном масштабе.

29 марта 1918 г. на совещании совета Союза российских архивных деятелей был образован Совет по управлению архивами Петрограда³⁹. 26 апреля СНК на заседании под председательством В. И. Ленина рассмотрел вопрос об организации Центрального управления библиотеками и архивами и о создании архива и библиотеки истории революционного движения в России. Решением СНК была образована специальная комиссия для разработки проектов организации архивов и реорганизации всего библиотечного дела⁴⁰. Одновременно по заданию правительства началась разработка проекта декрета. Обращение к ученым учреждений и высших учебных заведений дало возможность создать ядро кадров историков и архивистов, наметить устройство центрального и местного управлений, составить сметы расходов. Опубликованием декрета СНК от 1 июня 1918 г. за подписью В. И. Ленина «О реорганизации и централизации архивного дела» было положено начало созданию новой архивной системы. Исторические архивы стали народной собственностью, архивное строительство объявлялось государственным делом⁴¹. Началась коренная перестройка всех архивов, сохранившихся от дореволюционного времени. Благодаря государственным ассигнованиям Главное управление архивным делом (ГУАД) смогло приступить к организации работ в широких масштабах⁴². К архивному строительству была привлечена большая группа опытных историков и архивистов из старых кадров в Москве, Петрограде и на местах.

³⁹ Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1а, д. 165, л. 41.

⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 695—696. «Ленинский сборник», XXI, стр. 208; В. В. Максиков. Архивное дело в первые годы Советской власти. М., 1969, стр. 26—27.

⁴¹ СУ, 1918, № 40, стр. 514.

⁴² «Исторический архив», кн. 1, 1919, стр. 59—60.

К октябрю 1918 г. окончательно определилась новая структура государственного архивного фонда, появился рабочий аппарат. Для собирания и учета архивных документов единый государственный архивный фонд был разделен на секции: законодательства, верховного управления и внешней политики; юридическая; военно-морская; народного просвещения; историко-экономическая; историко-революционная. В 1919 г. по решению ГУАД была создана секция для собирания материалов по истории социалистической революции. Эта секция послужила основой для организации Архива Октябрьской революции в 1920 г.⁴³

1 апреля 1919 г. за подписью В. И. Ленина был опубликован декрет СНК «Об архивах и делах расформированной прежней армии»⁴⁴. По этому декрету все архивы расформированных частей, штабов и управлений армий, относящиеся к периоду войны 1914—1918 гг., передавались под охрану военных комиссаров, которые должны были немедленно сообщить о местонахождении архива и передать его опись в Главное управление. 31 марта 1919 г. СНК принял положение «О губернских архивных фондах»⁴⁵, которое определило задачи и формы организации губернских архивов и было принято за основу при создании архивов на местах. Декрет СНК «О хранении и уничтожении архивных дел» 31 марта 1919 г. в дополнение к декрету от 1 июня 1918 г. устанавливал пятилетний срок хранения в учреждениях и ведомствах окончанных дел, которые по истечении указанного срока поступали в соответствующие архивные отделения. Уничтожались только документы, «не имеющие значения для изучения истории, дипломатических сношений, политической, общественной, экономической и вообще каждой жизни в разных ее проявлениях». Устанавливался порядок отбора и ликвидации ненужных архивных дел⁴⁶. Декрет дал возможность сохранить для исторической науки ценнейший материал по истории молодого пролетарского государства, по истории создания и деятельности различных совет-

⁴³ В. В. Максаков. Документы Советского государства в архивах СССР.— «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. IV, М., 1948, стр. 6—7.

⁴⁴ СУ, 1919, № 14, ст. 148.

⁴⁵ Там же, ст. 155.

⁴⁶ Там же, № 28, ст. 313.

ских учреждений. 29 июля 1919 г. был опубликован декрет СНК «Об отмене права частной собственности на архивы умерших русских писателей, композиторов, художников и ученых, хранящиеся в библиотеках и музеях»⁴⁷.

Особенно трудно было проводить работу по хранению исторических документов в провинции, где сильнее чувствовался недостаток средств, помещений, транспорта, квалифицированных кадров. Для обследования и приведения там в порядок хранилищ были привлечены губернские архивные комиссии, историки местного края, учителя, любители-энтузиасты. Большую помощь оказывали отделы народного образования Советов, местные советские, общественные и партийные организации. Главное управление архивами разработало специальный опросный лист по учету архивных фондов и их положения на местах. За 1918—1920 гг. губернские архивы проделали большую работу по обследованию, выявлению и упорядочению документальных архивов (табл. 1).

Таблица 1

Работа губернских архивов за 1918—1920 гг*.

	1918 г.	1919 г.	1920 г.
Учтено фондов	127	713	1793
из них			
дореволюционных	127	654	1720
советских	—	59	73
Принято в архивы	49	694	1193
Разобрано дел	68508	179218	323581
Описано дел	5062	82477	184225

* Таблица составлена по данным, опубликованным в статье В. В. Максакова «Некоторые итоги» («Архивное дело», 1925, вып. III—IV, стр. 24, 25, 29), а также в работе А. В. Чернова «История и организация архивного дела в СССР» (М., 1940, стр. 127).

Большое значение в организации архивного дела на местах имела агитационно-пропагандистская работа, разъяснявшая широким массам значение архивов и необходимость сохранения исторических документов. В 1918—1920 гг. вышло значительное количество популярной литературы по архивному делу. Главное управление

⁴⁷ Там же, № 38, ст. 374.

архивным делом выпускало и распространяло печатные плакаты, воззвания и брошюру «Почему необходимо бережно хранить собрания документов и бумаг и чем всякий из нас может помочь в этом деле» (Пг., 1919). Большую роль в пропаганде архивного дела сыграли выступления в печати управляющего делами СНК В. Д. Бонч-Бруевича. В те годы он писал: «Будем же разъяснять везде и всюду широким массам о ценности и важности сохранения архивов для нужд современных ученых и для работы будущих поколений, когда пытливый и вечно стремящийся к знанию и свету пролетариат выделит из своей среды плеяды новых, деятельных, энергичных, бодрых духом и революционным устремлением ученых, которые дружной семьей, организованно, возьмутся за изучение нашей многовековой истории и, может быть, впервые в мире поведают всем историю огромного и великого народа, рассмотрев ее с единственно правильной точки зрения, с точки зрения классовых отношений, с точки зрения борьбы классов, приложив все методы исследования революционного марксизма»⁴⁸.

Особенно полезной была разъяснительная работа советской периодической печати на местах. Тамбовский «Вестник просвещения» выступил со статьей «Архивы и музеи как государственное достояние»⁴⁹, в которой разъяснял смысл и значение архивов и призывал работников просвещения принять участие в работе по охране памятников старины. Архивист Воронежского губернского архива И. Серебрянский написал заметку об архивах и их значении⁵⁰. Сотрудник Калужского губернского архива Д. Никольский опубликовал статью «Научно-культурное значение архивов»⁵¹. Уполномоченный тверского архива А. Олисов поместил в «Тверской правде» заметку «Охраняйте исторические документы»⁵². Такие же статьи и заметки печатались на страницах газет и журналов в Вятке, Вологде, Самаре, Курске и других городах. Нередко со-

⁴⁸ В. Д. Бонч-Бруевич. Сохраняйте архивы. М., 1920, стр. 13.

⁴⁹ «Вестник просвещения» (орган Тамбовского губернского отдела народного образования), 1919, № 4.

⁵⁰ «Воронежская коммуна», 25 января 1920 г.

⁵¹ «Коммуна» (орган Калужского Совета рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов и губкома РКП(б)), 18 ноября 1920 г.

⁵² «Тверская правда», 17 февраля 1920 г.

грудники архивов выступали с популярными докладами и лекциями о задачах охраны исторических памятников на местах⁵³.

В. И. Ленин придавал особенно большое значение собиранию материалов по истории Октябрьской революции и социалистического строительства. Он неоднократно напоминал о необходимости накопления ценного опыта, имеющего всемирно-историческое значение. 6 апреля 1920 г. в письме В. В. Адоратскому, находившемуся в Казани, В. И. Ленин спрашивает: «Можете ли собрать материалы для истории гражданской войны и истории Советской республики?»⁵⁴

В сентябре 1920 г. коллегия Главархива приняла решение о собирании и хранении материалов по истории революции 1917 г. Управляющим Архива Октябрьской революции был назначен В. В. Максаков, его заместителем А. М. Рахлина; первыми научными сотрудниками Архива были А. В. Белокурова, М. Е. Вашман, З. Н. Нагорнова, О. Е. Карноухова и др.

Формирование Архива Октябрьской революции рассматривалось как важное государственное дело. ЦК РКП(б), ВЦИК, СНК, наркоматы, ВЧК, Главное управление Реввоенсовета республики посылали в Архив свои материалы. В комплектовании Архива принимали участие видные советские и партийные работники. В 1920 г. Ф. Э. Дзержинский руководил сотрудниками ВЧК, вывозившими из Сибири материалы Сибирского правительства (архива Колчака). А. В. Луначарский передал в Архив революции документы особого совещания деникинской армии. От Н. К. Крупской были получены материалы Главполитпросвета⁵⁵. С помощью местных советских и партийных организаций и архивных учреждений было выявлено, учтено и принято на хранение большое количество книг, газет, журналов, листовок, изданных в 1917—1920 гг. Отдел вещественных материалов собирал плакаты, фотографии, альбомы, денежные знаки, этикетки

⁵³ М. Вишневский. Летопись архивной жизни провинции за 1920 г.— «Архивное дело», 1923, вып. I, стр. 79, 90—91.

⁵⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 176.

⁵⁵ В. В. Максаков. Пять лет Архива Октябрьской революции. 1920 — сентябрь — 1925.— «Архивное дело», 1926, вып. V—VI, стр. 4—7; он же. Документы Советского государства в архивах СССР.— «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. IV, стр. 9—11.

и т. п. Ценнейшие материалы, поступившие в Архив Октябрьской революции, дали возможность приступить к разработке и изучению истории борьбы за победу диктатуры пролетариата, истории гражданской войны и интервенции, принесли большую пользу при разоблачении врагов Советской власти, а также в справочно-информационной работе советских учреждений.

Организация архивного дела осуществлялась в обстановке ожесточенной классовой борьбы, которая в различных формах проявлялась и в области архивного строительства. Были случаи невыполнения правительственных декретов и распоряжений, имели место саботаж и уничтожение ценных архивных материалов. И все же была проделана большая работа по собиранию, обработке, систематизации и подготовке к использованию архивных материалов в центре и на местах. Исследователи получили возможность приступить, наконец, к изучению архивных документов. Масштабы исследовательской работы в области новейшей истории значительно расширились (табл. 2).

Таблица 2

Занятия в читальных залах Центрального архивного управления РСФСР в 1918—1923 гг.*.

Год	Центральное архивохранилище		Местные архивы	
	число занимавшихся	число выданных дел	число занимавшихся	число выданных дел
1918	189	9815	5	5
1919	214	5867	41	202
1920	202	6801	101	1617
1921	254	8295	170	2329
1922	751	22788	313	3388
1923	1217	53307	600	9428

* В. В. Максakov. 10 лет архивного строительства. — «Архивное дело», 1929, вып. II, стр. 46.

Число научных работ, написанных на основании архивных источников, систематически возрастало (табл. 3).

**Сведения о научных трудах, подготовленных
на основании архивных материалов в 1918—1923 гг.***

Год	Центральное архивохранилище		Местные архивы	
	число печатных листов	число работ	число печатных листов	число работ
1918	211	68	6,4	1
1919	144	25	42,1	7
1920	162,9	26	16,9	4
1921	148,7	72	21,5	21
1922	429	157	65	25
1923	898,8	185	161,4	62

* «Архивное дело», 1929, вып. II, стр. 47.

Научно-исследовательская работа Главархива и его секций развертывалась по двум направлениям: подготовка сборников документальных публикаций и составление описей архивных материалов.

29 сентября — 3 октября 1921 г. в Москве на I Всероссийской конференции архивных деятелей подводились первые итоги архивного строительства⁵⁶. Была подвергнута серьезной критике работа Главархива. Все это способствовало дальнейшему развитию архивного дела в стране.

16 февраля 1922 г. в газете «Известия» было опубликовано положение ВЦИК о Центральном архиве Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, в котором говорилось об объединении всех архивных учреждений РСФСР и организации Центрального архива (Центрархива)⁵⁷. Архивное управление передавалось из ведомства Наркомпроса в ведение ВЦИК. Этим еще раз подчеркивалось громадное политическое и научное значение исторических архивов. Возглавил Центрархив М. Н. Покровский.

С созданием Центрархива заметно активизировалась научно-исследовательская и публикаторская деятельность

⁵⁶ «Архивное дело», 1923, вып. I.

⁵⁷ СУ, 1922, № 13, ст. 122.

советских архивных учреждений. Кроме выходявшего уже журнала «Красный архив» началась широкая полоса изданий ценнейших тематических сборников по истории международных отношений, революционного движения, по истории общественной мысли и русской литературы⁵⁸. К этой работе были привлечены не только историки-марксисты М. Н. Покровский, В. И. Невский, В. В. Максаков и другие, но и известные ученые старой школы: В. И. Пичета, А. А. Шилов, С. Н. Валк.

Положение о губернских архивных бюро (1922 г.) определяло структуру и функции местных органов. В 1922—1923 гг. были созданы новые архивы: в Марийской области (Краснококшайск), в Чувашии (Чебоксары), в Поволжье (Покровск), в Дагестанской республике (Махачкала), в Забайкалье (Чита), в Бурят-Монгольской республике (Верхнеудинск). Во Владивостоке было создано Приморское архивное бюро⁵⁹.

Местные отделения Центрархива принимали также активное участие в политическом просвещении масс и в популяризации исторических знаний. Они устраивали выставки к различным знаменательным датам, вечера воспоминаний о революции, о жизни и деятельности В. И. Ленина, создавали кружки по истории революционного движения и марксизму, организовывали чтение лекций с демонстрацией архивных материалов, всячески разъясняли населению значение исторических документов и необходимость их бережного хранения.

Указания партии об использовании старых кадров интеллигенции успешно проводились в жизнь и в деле архивного строительства. К архивному строительству привлекались подготовленные до революции кадры историков и архивистов. На X съезде партии М. С. Ольминский говорил: «Наши архивные служащие, не коммунисты, часто даже, может быть, настроены против нас, но они работают на нас. Нужно, чтобы во всяком губернском городе партком разыскал соответствующий архив, заинтересовался им, послал туда своего человека или двух,

⁵⁸ «Русско-германские отношения. 1873—1914. Из секретного архива». М., 1923; «Переписка Вильгельма II с Николаем II». М., 1923; «Переписка Николая и Александры Романовых». М., 1923; Политические процессы 60-х годов». М., 1923; «Крестьянское движение 1902 г.». М., 1923; «Южно-русские рабочие союзы». М., 1924; «Дневник П. А. Кропоткина». М., 1923, и др.

⁵⁹ «Хроника архивной жизни». — «Архивное дело», 1925, вып. II, стр. 128.

которые по отношению к этому архивному управлению были бы вроде комиссаров и которые бы работали и материал по истории революции направляли бы в правильную сторону, не в интересах сохранения остатков о царевне Николае Романове, а в интересах сохранения истории революции и партии»⁶⁰.

Начавшееся после Октябрьской революции архивное строительство потребовало создания новых кадров архивистов — теоретиков и практиков архивного дела. Эту задачу стали решать В. В. Адоратский, М. Н. Покровский, В. В. Максаков, И. А. Голубцов, М. А. Вишневский, И. Л. Маяковский и другие видные деятели архивного дела тех лет, которые своими трудами заложили основы теоретического и практического архивоведения. Успешное развитие советской архивистики явилось одним из необходимых условий для проведения исследовательской работы в иных масштабах и формах, чем это было в дореволюционной России.

Важным событием в научной жизни первых лет Советской власти явилось создание новой марксистской исторической периодики.

Дореволюционная историческая периодика вместе с буржуазной исторической наукой проделала большой и сложный путь, являясь неотъемлемой составной частью важнейших течений и направлений в русской историографии накануне революции. При всех, подчас немаловажных различиях исторических журналов, существовавших до революции, все они были органами признанной буржуазно-помещичьим государством и обществом официальной науки, в основе которой лежали идеалистическая теория и методология со всеми характерными для них чертами. Специальных исторических органов марксистского характера до революции не было. Проблемы отечественной и всеобщей истории широко освещались на страницах большевистских легальных и нелегальных общественно-политических журналов («Просвещение», «Вестник жизни», «Наша жизнь» и др.), которые активно выступали против буржуазной и меньшевистско-эсеровской историографии, отстаивая и пропагандируя марксистское мировоззрение.

⁶⁰ «Десятый съезд РКП(б)». Стенографический отчет, стр. 132.

Октябрьская революция определила дальнейшую судьбу русской исторической периодики. Это проявилось прежде всего в прекращении выхода ряда исторических журналов, которые не отвечали новым требованиям. В 1917 г. перестали выходить «Русский архив», «Исторический вестник», в 1918 г.— «Русская старина», «Вестник Европы». Однако некоторые буржуазные и народническо-эсеровские журналы прекратили свое существование не сразу. «Голос минувшего», основанный в 1913 г., выходил до 1923 г., журнал «Былое», запрещенный в 1907 г. и возобновленный после Февральской революции, печатался до 1926 г. Крупнейшие буржуазные историки, работавшие в Академии наук и университетах, неоднократно выступали со статьями и обзорами на страницах появившихся в первые годы после революции «Русского исторического журнала» (1917—1922 гг.) и сборников «Русское прошлое» (1922—1926 гг.). Там были помещены работы С. Ф. Платонова, М. К. Любавского, А. Е. Преснякова и других по отечественной истории. Работы, опубликованные на страницах названных выше журналов, были последним словом уходящей буржуазной историографии со всеми ее отрицательными явлениями и чертами. Выражая ее полное теоретическое и методологическое бессилие в решении актуальных проблем отечественной и всеобщей истории, эти публикации содержали в то же время ценный фактический материал и были отмечены высоким уровнем источниковедческого и археографического анализа (в рамках буржуазной науки), что являлось неотъемлемой составной частью культурного наследия, оставленного буржуазной наукой и использованного советской историографией.

С первых шагов развития молодой советской историографии, призванной познавать прошлое и его закономерности для активного преобразования действительности, для воспитания трудящихся масс, новая периодическая печать заняла видное место. Советские партийные, общественно-политические, научные и художественные журналы, созданные в первые годы Советской власти [«Коммунистическая революция» (1920—1935 гг.), «Международная жизнь» (1920—1930 гг.), «Коммунистический Интернационал» (1919—1943 гг.), «Спутник коммуниста» (1921—1930 гг.), «Вестник Социалистической академии», с 1924 г. «Вестник Коммунистической академии» (1922—

1935 г.), «Под знаменем марксизма» (1922—1944 г.), «Красная новь» (1921—1942 г.), «Сибирские огни» (1922 г.) и другие], систематически освещали проблемы отечественной и всеобщей истории, публиковали обзоры исторической литературы, материалы о положении в исторической науке, рецензии на зарубежные и отечественные работы по истории. Помещенные на их страницах статьи, документы и материалы по истории Октябрьской революции и гражданской войны, международных отношений и внешней политики, по истории международного рабочего и коммунистического движения свидетельствуют о большом внимании советской и партийной общественности страны к изучению и пропаганде исторических знаний. Авторами статей были видные члены партии с большим опытом агитационно-пропагандистской работы: А. С. Бубнов, В. В. Адоратский, Н. Н. Попов, М. Н. Покровский, А. В. Луначарский и др. Статьи 1920—1923 гг. по исторической тематике характерны высоким теоретическим уровнем, глубоким и всесторонним освещением событий далекого и близкого прошлого. Тесно связанные с современной борьбой пролетариата за победу социализма, написанные с большой простотой и ясностью, в яркой и эмоциональной форме, они были доступны широкому кругу читателей с различным уровнем культурного развития и знаний.

Первый советский марксистский исторический журнал научного характера под названием «Пролетарская революция» был создан в Москве в 1921 г. Это был орган Комиссии по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции. Уже само название журнала определяло его содержание и идейную направленность. В передовой статье первого номера говорилось, что журнал «ставит своей задачей опубликование материалов в первую голову по тому отделу истории русской революции, который до сих пор оставался более всех в тени: по истории пролетарского революционного движения в России». Журнал предполагал публиковать главным образом источники — документы и мемуары, необходимые для изучения истории пролетарской революции, а также исследовательские статьи и небольшие монографии по указанной проблематике. «Наш журнал должен стать, таким образом, необходимой базой для будущих историков пролетарской революции — это его первое и

главное назначение». Учитывая, что слушатели и лекторы партийных школ, пропагандисты, агитаторы, студенты не располагали еще в те годы необходимыми учебниками и пособиями, журнал ставил своей целью дать полноценные источники не только для исследовательской, но и для учебной и политико-воспитательной работы. Вышедшие за первые три года 23 обширных номера, их содержание и отзывы о них, появившиеся в прессе, а также популярность издания свидетельствовали о том, что журнал успешно справлялся с поставленными задачами. В журнале существовали разделы: статей, воспоминаний, материалов и документов, библиографии, заметок и сообщений, хроники истпартовской работы. Каждый из этих разделов дает сейчас большой и интересный материал для изучения истории советской исторической науки первого периода развития, для выявления ее характерных особенностей и успехов, достигнутых в те годы.

В журнале «Пролетарская революция» со статьями выступали В. И. Невский, С. И. Мицкевич, М. Н. Лядов, П. Н. Лепешинский, О. А. Варенцова. Написанные на основании личных воспоминаний и сравнительно небольшого круга опубликованных, а иногда и архивных источников, эти работы в наше время интересны главным образом в историографическом плане. И тем не менее значение первых советских исследований трудно переоценить. Одни из них продолжали ту большую работу по истории революционного движения и Коммунистической партии, которая велась большевиками еще до революции; другие ставили и решали совершенно новые проблемы исторического прошлого, закладывали основы истории советского общества. Не случайно у истоков новой науки стояли люди, делавшие историю с оружием в руках в годы революции и гражданской войны. Именно они могли быть тогда правдивыми исследователями и историками величайших революционных преобразований, происходивших в стране.

В разделе документов и материалов журнал публиковал разнообразные по характеру и тематике источники, хранившиеся в архивах и у частных лиц, по истории партии, о деятельности местных социал-демократических организаций, а также материалы партийных съездов и конференций. Большую научную ценность представляли

публикации по истории борьбы за победу социалистической революции в Москве, Петрограде и на периферии, по истории гражданской войны и интервенции.

Преобладание документальных и мемуарных материалов над исследовательскими — характерная особенность журнала в первые годы его существования. И хотя проблематика издания была еще не широка, а научный уровень не всегда высокий, в нем освещалась важнейшая проблема истории советского общества — социалистическая революция, без глубокого изучения которой невозможно понять ни истории России, ни всемирной истории после 1917 г. В этом плане журнал «Пролетарская революция» сыграл особую роль, что ставит его в первый ряд советских исторических журналов 20-х годов.

Отдел библиографии журнала состоял из обзоров, рецензий и заметок на появлявшиеся исследования и публикации по истории революционного движения, Коммунистической партии и Октябрьской революции. Авторами критических статей выступали В. В. Адоратский, П. Н. Лепешинский, М. С. Ольминский, С. А. Пионтковский, К. А. Остроухова, В. Ф. Владимирова и др. При отсутствии в те годы широко организованной и доступной информации о книжных новинках такого рода материалы приобретали значение своеобразных библиографических справочников о вышедшей исторической литературе как в России, так и за рубежом. Библиографические отделы журналов того времени не только пропагандировали советские исторические работы, популяризировали исторические знания и достижения марксистской науки; они играли важную роль и в борьбе против реакционной антимарксистской историографии.

В разделе «Хроника» публиковались информационные материалы об Истпарте, его отделениях на местах и их деятельности по собиранию и изучению историко-революционных материалов. В настоящее время эти сведения являются ценным источником для изучения истории Истпарта и его отделений на местах, особенно на Украине, в Белоруссии, Крыму, где многие архивные документы безвозвратно погибли в годы Отечественной войны. Эти сообщения и заметки позволяют восстановить картину возникновения и роста нового научного аппарата, без которого невозможно было бы развитие марксистской историографии.

Мы подробно остановились на характеристике журнала «Пролетарская революция», во-первых, потому, что это самый ранний специальный исторический журнал, во-вторых, все последующие марксистские периодические издания в известной мере повторяли его структуру и состав материалов. Подробное знакомство с материалами, публиковавшимися в журнале, позволяет сделать вывод, что это был серьезный научный орган марксистского направления, о чем свидетельствует и высокая оценка научной общественности, которую получил журнал в те годы на страницах советской прессы⁶¹. Опубликованные в «Пролетарской революции» материалы стали основой для изучения истории Октябрьской революции, истории революционного движения и Коммунистической партии.

В 1922 г. начал выходить орган Петроградского истпарта «Красная летопись» (1922—1937 гг.) под редакцией В. И. Невского. В Харькове в том же году появился первый номер журнала Комиссии по изучению истории Октябрьской революции и Коммунистической партии Украины — «Летопись революции» (1922—1933 гг.). Редактором журнала был М. Рубач. Из изданий начала 20-х годов следует отметить три книги журнала истпарта Казани «Пути революции», выходившего в 1922—1923 гг.

От истпартовских изданий заметно отличались органы Центрархива: «Красный архив» (1922—1941 гг.) и «Архивное дело» (1923—1941 гг.). Журнал «Красный архив», выходивший в Москве, своей основной задачей поставил «разоблачение тайн империалистической политики и дипломатии» путем публикации документов, освещающих «тот период русской истории и те стороны этого периода, которые ближе всего к нам по времени и окутаны наиболее густым покровом легенды»⁶². В этом издании публиковались также мемуары; статей исследовательского характера и хроники научной жизни не было; не во всех номерах имелись критико-библиографические отделы. Научный уровень публикации «Красного архива» значи-

⁶¹ С. Пионтковский. Из исторических журналов.— «Печать и революция», 1922, № 2—5. Н. А. Бухбиндер. Рецензия на журнал «Пролетарская революция», 1921, № 1.— «Красная летопись», 1922, № 2—3; В. И. Невский. Рецензия на журнал «Пролетарская революция», 1921, № 2, 4—6.— «Красная летопись», 1922, № 4.

⁶² «Красный архив», 1922, № 1, стр. I—II.

тельно выше, чем других журналов тех лет. Идейное направление и тематику определяли работавшие в нем историки-большевики. Руководителями отделов были: В. В. Адоратский, В. В. Максаков (он же ответственный редактор), М. Н. Покровский, В. П. Полонский (он же ответственный редактор), В. М. Фриче. В работе журнала принимали участие В. И. Невский, С. А. Пионтковский, а также историки немарксистского направления: С. К. Богоявленский, Н. Ф. Лавров, В. Н. Нечаев, В. И. Пичета, С. В. Рождественский, А. Н. Савин, А. А. Шилов, П. Е. Щеголев и др. Если в истпартовских журналах привлечение историков-немарксистов было явлением крайне редким, то в «Красном архиве» они выступали значительно активнее и как публикаторы документов, авторы вступительных статей и составители комментариев, и как авторы рецензий на исторические работы; поле деятельности для историков старой школы было значительно шире. Квалифицированное руководство марксистского ядра во главе с М. Н. Покровским и творческая, товарищеская атмосфера способствовали привлечению лучших представителей дореволюционной науки к разработке вопросов источниковедения и археографии. Совместная работа представителей старых кадров русской исторической мысли и марксистов стала своеобразной формой сотрудничества и перевоспитания старых ученых, повышения квалификации и профессионального мастерства молодых марксистских кадров.

В 1922—1923 гг. на страницах «Красного архива» были помещены материалы по истории международных отношений эпохи империализма и подготовки первой мировой войны, по истории русского революционного и рабочего движения⁶³. Научная ценность материалов определялась не только новизной и актуальностью источников, но и высоким для того времени уровнем издания, в частности, наличием вступительных статей, примечаний, указателей и т. п. Публикации журнала «Красный архив»

⁶³ «Русско-германские отношения». — «Красный архив», 1922, т. 1; «Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем». — «Красный архив», 1922, т. 1—2; 1923, т. 3; «Начало войны 1914 г.» — «Красный архив», 1923, т. 4; «Дневник А. Н. Куропаткина». — «Красный архив», 1922, т. 2; Доклады С. Д. Сазонова Николаю Романову. 1910—1912 гг.» — «Красный архив», 1923, т. 3. В т. 1—4 были опубликованы материалы о П. Г. Занчевском, М. А. Бакунине, А. И. Герцене, Н. П. Огареве, П. А. Лаврове, Н. В. Шелгунове, документы по истории рабочего движения, о зубатовщине и др.

явились значительным вкладом в создание документальной базы советской исторической науки, в разработку новых археографических и источниковедческих принципов.

Для изучения и обобщения опыта архивного строительства в 1923 г. в Москве был создан журнал «Архивное дело». Будучи органом Центрархива, журнал оказывал заметное влияние на разработку проблем научной археографии, архивистики, освещал вопросы охраны и методы описания архивных документов, распространяя и пропагандируя научные взгляды на значение исторических источников. В «Архивном деле» публиковались работы В. В. Максакова, В. И. Пичеты, С. В. Рождественского, С. Н. Валка и других, а также материалы по истории архивного дела в стране. Большой интерес представляют информации о совещаниях, конференциях, съездах по архивному строительству, проходивших в те годы в стране, а также библиографические и критические материалы, публиковавшиеся в каждом номере.

В те же годы в Москве начал выходить журнал Общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев «Каторга и ссылка» (1921—1935 гг.), в редакцию которого входили И. Н. Бороздин, Б. П. Козьмин, Г. М. Крамаров, А. П. Станчинский. Статьи, очерки, документальные и мемуарные материалы, биографические сведения о деятелях и участниках революционного движения, хроникальные и библиографические заметки о литературе и деятельности Общества и его отделений на местах публиковались на страницах этого журнала. Проблематика его с первых же лет стала значительно шире и разностороннее названия. На страницах журнала поднимались вопросы истории революционного движения, как пролетарского, так и более ранних периодов: в первые годы преобладали мемуарные материалы, позднее наряду с воспоминаниями стали чаще появляться статьи исследовательского характера и архивные документы. В журнале выступали не только большевики, но и бывшие народники, эсеры, анархисты и другие представители мелкобуржуазного направления; помещались статьи и очерки участников революционного движения России: В. Н. Фигнер, Л. Г. Дейч, Ф. Кон, М. Сквери и др. Статьи, публиковавшиеся в нем, особенно мемуары, нуждались в критической оценке и серьезной проверке, что было довольно трудно делать при том уровне развития марксистской

историографии революционного движения. Тем не менее все эти материалы представляют большую ценность для изучения идеологии представителей различных периодов, направлений и партий русского революционного движения, эволюции его лучших представителей в сторону марксизма и большевизма в условиях диктатуры пролетариата.

В идейной борьбе 20-х годов, в пропаганде и популяризации марксистской исторической литературы большую роль играли советские критико-библиографические журналы: «Книга и революция» (1920—1923), «Печать и революция» (1921—1930), «Новая книга» (1922—1925). Наряду с освещением общих вопросов идеологии и культуры эти издания помещали статьи, очерки, заметки, рецензии на исторические работы, появлявшиеся в нашей стране и за ее пределами. В этих журналах принимали участие не только марксисты, но и такие историки, как М. К. Лемке, С. Н. Валк, П. Е. Щеголев, А. А. Шилов, Н. С. Тютчев, В. И. Пичета, Я. Л. Барсков, которые имели большой опыт и знания. Совместная работа с историками-марксистами и знакомство с их трудами позволяли этим историкам глубже понять задачи науки в новых условиях и пути ее развития, оценить значение марксистской теории и методологии для исследования. Так приближались они к советской историографии и становились постепенно на позиции марксизма.

Сравнение количества томов марксистских исторических журналов, вышедших в 1918—1923 гг., с буржуазными органами в целом, по годам и по тиражу изданий показывает значительное преобладание журналов марксистского направления. Конечно, вопросы идейной борьбы, развития науки и идеологии не решаются количественными показателями, однако это наблюдение позволяет сделать бесспорный вывод о полном вытеснении к концу изучаемого периода буржуазной исторической периодики новыми научными органами, которые становятся важным фактором формирования марксистской науки. С созданием новой исторической периодики заметно расширялась возможность публикации достижений советских ученых. Новые журналы поместили большое количество разнообразных и ценных исторических источников по малоизученным проблемам исторического прошлого, что имело определяющее значение для исследования. На их страни-

цах находили отражение проводившиеся в те годы дискуссии и обсуждения в научных учреждениях и обществах. Проблемы, которые ставились и решались на страницах новой научной периодики, свидетельствовали о коренной противоположности марксистской историографии буржуазной науке. Объективное сравнение содержания старых и новых журналов показывает, насколько плодотворнее и разностороннее была деятельность марксистских периодических изданий по сравнению с такими журналами, как «Голос минувшего», «Былое», «Дела и дни», «Русский исторический журнал» и др.

Помимо громадной роли, которую новые журналы играли в создании фактографической базы советской исторической науки, их влияние и воздействие на все стороны формирования советской исторической науки, ее проблематику было необычайно велико. Своим содержанием и идейной направленностью они определяли пути развития советской науки, тематику документальных публикаций и исторических исследований.

Новые советские журналы заняли видное место в борьбе против реакционных антимарксистских теорий и схем исторического процесса. Беспощадно разоблачая враждебные марксизму концепции общественного развития, они способствовали утверждению марксизма-ленинизма в исторической науке.

Послеоктябрьский период характеризуется бурным ростом общественных организаций во всех сферах деятельности, включая и науку. Среди широких слоев населения усилился интерес к проблемам общественного развития и особенно к отечественной истории. В отличие от дореволюционных объединений научные общества создавались не представителями академической науки, а участниками революционного движения, коммунистами с большим опытом подпольной работы при активной помощи и поддержке советских, партийных и профессиональных организаций. Деятельность научных обществ не ограничивалась изучением старины, она была значительно шире и разностороннее. Одним из первых возникло Общество бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Мысль об его создании появилась 12 марта 1919 г. на собрании, организованном Ф. Э. Дзержинским, Я. Э. Рудзу-

таким, Е. М. Ярославским в связи со второй годовщиной освобождения политических заключенных из царских тюрем. Тогда же было принято решение об издании воспоминаний бывших политкаторжан, об устройстве ежегодных собраний, посвященных освобождению политических заключенных⁶⁴. 12 марта 1921 г. в Доме Союзов состоялось торжественное открытие Общества⁶⁵. По уставу, утвержденному 21 марта того же года, Общество должно было оказывать помощь своим членам, устраивать лекции, доклады, вечера. Одной из важнейших его задач было проведение необходимых мероприятий по «собиранию, сохранению и опубликованию материалов, касающихся жизни и быта каторги и ссылки в дни царского режима, а именно, имеющих общественное значение мемуаров, записок, дневников, писем, тюремных документов, снимков, рисунков, статей, стихотворений и т. д.»⁶⁶. Общество стало изучать историю русского революционного движения силами самих участников событий, большинство из которых не были историками-профессионалами; оно сумело привлечь значительное количество людей, оказавших заметную помощь историкам в собирании материалов по проблемам, слабо исследованным в дореволюционной историографии. В 1921 г. Общество насчитывало 200 членов⁶⁷. Его членами были В. А. Быстрянский, Н. А. Скрыпник, Б. А. Бреслав, В. Н. Фигнер, Л. Г. Дейч, Ф. Кон, Г. М. Крамаров, И. А. Теодорович, М. Ф. Фроленко и др. Наряду с последовательными марксистами-большевиками в Общество входили бывшие меньшевики, анархисты, народники, эсеры, взгляды которых были далеки от марксистского понимания исторического процесса. Такой разнородный партийный состав отрицательно влиял на развитие исторической науки. Особенно заметно проявилось это в опубликованных Обществом мемуарах, исторических документах и биографических материалах. Однако в целом деятельность Общества была полезной.

В 1921—1923 гг. отделения Общества были созданы в 10 городах: Тбилиси, Ставрополе, Ростове-на-Дону,

⁶⁴ «Хроника из жизни Общества». — «Каторга и ссылка», 1926, № 5 (26), стр. 295.

⁶⁵ Там же, № 2 (23), стр. 279.

⁶⁶ «Устав Общества». — «Каторга и ссылка», 1921, № 2, стр. 98.

⁶⁷ Там же, стр. 96.

Харькове, Киеве, Курске, Иркутске, Чите, Александровске (Запорожье) и Одессе⁶⁸. С 1924 г. Общество стало всесоюзной организацией. В его составе было несколько комиссий: организационная комиссия регистрировала членов Общества, создавала отделения Общества на местах, налаживала связи между ними; клубная комиссия проводила вечера воспоминаний, устраивала концерты, прослушивание и обсуждения докладов и рефератов; литературная комиссия собирала и готовила для публикации материалы по историко-революционной тематике, издавала сборники документов и мемуары по истории царской тюрьмы, каторги и ссылки⁶⁹.

За годы своего существования (1921—1935 гг.) Общество проделало большую работу по собиранию, изучению и публикации исторических источников. С 1921 г. оно издавало сборники «Каторга и ссылка», которые вскоре были превращены в периодический журнал. В 1922 г. совместно с исторической секцией Дома печати оно выпустило «Историко-революционный бюллетень», на страницах которого кроме статей, документов и мемуаров по истории революционного движения публиковались материалы для биографического историко-революционного словаря, информации о деятельности Общества, критико-библиографические и другие заметки. В «Бюллетене» выступали с историческими статьями С. И. Мицкевич, Н. И. Подвойский, В. Н. Сторожев, В. Н. Фигнер, Б. П. Козьмин и др.

В 1922 г. в Москве было создано Общество старых большевиков, находившееся сначала в ведении Истпарта, а затем — Института В. И. Ленина при ЦК ВКП(б). В Общество входили коммунисты с большим партийным стажем. Среди его членов были видные историки: Н. Н. Батурин, М. Н. Лядов, М. Н. Покровский, В. И. Невский, М. С. Ольминский, П. М. Керженцев, С. М. Диманштейн и др.⁷⁰

Общество старых большевиков организовало учет старых членов партии, проводило большую политико-воспи-

⁶⁸ «Хроника. Из деятельности Общества бывших политических каторжан и ссыльно-поселенцев». — «Каторга и ссылка», 1923, № 5, стр. 272.

⁶⁹ «Историко-революционный бюллетень», 1922, № 1, стр. 33—34; «Каторга и ссылка», 1921, № 2, стр. 96.

⁷⁰ «Список членов Общества старых большевиков на 1 мая 1928 г.» М., 1928, стр. 9—30.

тательную работу среди населения, помогало Истпарту в собирании и изучении мемуаров и документов по истории партии. Большое научное значение имела начатая Обществом работа по собиранию биографических материалов о жизни и деятельности видных деятелей партии.

В популяризации истории партии видную роль играли организованные Обществом кружки и курсы. Позднее, с расширением деятельности и созданием филиалов Общество старых большевиков превратилось во всесоюзную организацию, существовавшую до мая 1935 г.

Помимо общественных организаций общесоюзного характера в начале 20-х годов возникали научные общества местного значения. В Петрограде в декабре 1920 г. по инициативе группы преподавателей рабочего факультета при Петроградском университете возникло Научное общество марксистов (НОМ)⁷¹. Оно поставило перед собой задачи: объединить марксистские научные силы, работающие в области философии, истории, социологии, политической экономии и других дисциплин; организовывать курсы и лекции для подготовки кадров марксистов-преподавателей и широкой популяризации идей марксизма; издавать научные и популярные журналы, книги, брошюры и т. п.

Большое число заявлений с просьбой о приеме в члены НОМ, поступившее в 1921—1923 гг. от людей различных специальностей, свидетельствовало о популярности Общества и постоянном росте интереса к марксистской теории. В 1920 г. оно насчитывало 35 членов, в 1921 — 49, в 1922 — 74, в 1923 — 77, в 1924 — 97. Членами НОМ были: В. И. Невский, Г. В. Цыперович, П. И. Лященко, А. И. Тюменев, И. С. Книжник (Ветров), Я. М. Захер, А. И. Молок, С. И. Ковалев и другие историки⁷².

В 1921 г. Общество провело 28 собраний, на которых были заслушаны сообщения по различным вопросам истории марксизма, социологии, философии, русской и всеобщей истории. Мы не располагаем материалами, которые позволили бы восстановить и изучить содержание всех докладов и развернувшихся вокруг них прений.

⁷¹ Общество прекратило существование в 1929 г. (Архив АН СССР, ф. 238, д. 24, л. 30).

⁷² Архив АН СССР, ф. 238, д. 92, л. 66; д. 63, л. 20.

Однако сохранившаяся тематика докладов дает некоторое представление об обсуждавшихся проблемах⁷³.

Проблематика исследовательской работы научного общества свидетельствует о стремлении его членов осмыслить с позиции марксистской теории широкий круг вопросов отечественной и всеобщей истории. Некоторые члены Общества только что приступили к изучению марксистской теории, не овладели еще марксистской теорией и методологией, отсюда проистекали их ошибочные суждения и взгляды по ряду принципиальных вопросов конкретной истории и теории исторического процесса. Об этом свидетельствуют статьи, публиковавшиеся в «Записках НОМ» в 1922—1923 гг.⁷⁴

В процессе совместной творческой работы сформировавшихся марксистов и специалистов, приближавшихся к марксистскому пониманию сущности и закономерностей исторического процесса, росли новые советские кадры по общественным наукам.

Изучение деятельности историков-марксистов 1920—1923 гг. показывает, что основными и важнейшими центрами становления советской исторической науки стали Москва и Петроград. Здесь развернули свою деятельность новые научные учреждения, редакции журналов, вышло наибольшее количество публикаций и исследований. Однако картина состояния и развития советской исторической науки будет неполной, если пройти мимо той громадной работы, которая развернулась на местах.

Архивное строительство, организация истпартотделов, истпрофов и истмолов, деятельность губернских и городских комитетов РКП(б) создавали условия для возникновения марксистской историографии на местах. Об ее первых шагах свидетельствовали публикации документов, вышедшие в начале 20-х годов, и предпринятые попытки

⁷³ В 1921—1923 гг. были заслушаны доклады: М. В. Серебрякова «Энгельс и первое обоснование научного коммунизма», «Роль личности в истории»; Я. М. Захера «Стремление царского правительства к захвату Константинополя и проливов как одна из причин мировой войны (по неопубликованным секретным материалам)»; И. С. Книжника «Этапы духовного развития Лаврова и оценка его учения с точки зрения исторического материализма», «Проникновение марксизма в Россию»; И. Л. Татарова «Возникновение русского марксизма» («Записки Научного общества марксистов», 1922, № 1, стр. 80—81; 1923, № 4, стр. 204—205; 1924, № 6, стр. 201—202).

⁷⁴ В 1922—1923 гг. было издано пять номеров «Записок НОМ». Издание прекратилось в 1928 г.

создания работ по истории рабочего и крестьянского движения, истории местных партийных организаций, истории борьбы за победу и упрочение Советской власти на местах.

Мероприятия Советского государства и Коммунистической партии явились необходимым условием для возникновения и успешного развития советской марксистской исторической науки.

Разрозненные усилия марксистов, работавших до революции в одиночку, были объединены и сконцентрированы в нескольких центрах и направлены на решение общих задач. В этом смысле создание новых научных учреждений, журналов, обществ явилось организационным оформлением марксистского историографического направления, что в значительной мере определило его дальнейшее развитие в Советской республике. Создание новых научных учреждений дало возможность: организовать систематическое проведение научно-исследовательской работы в области истории; приступить к широкому изданию работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, к пропаганде марксистской идеологии в масштабах всей страны, среди всех слоев населения; начать подготовку советских специалистов — историков-марксистов; широко развернуть работу по собиранию, изучению и изданию исторических источников по важнейшим вопросам истории; приступить к выпуску массовой популярной исторической литературы, пропагандировать исторические знания среди широких трудящихся масс. Все это позволило начать наступление на враждебную идеологию на всех участках идеологического фронта за утверждение марксистской теории и методологии в общественных науках, за победу марксизма-ленинизма в русской историографии.

Наряду с созданием политических институтов в первые годы Советской власти развернулась перестройка старой системы образования и всей работы научных и культурных центров. Научные учреждения, появившиеся после Октябрьской революции,— Институт Маркса и Энгельса, Институт В. И. Ленина, Социалистическая академия, Истпарт и другие стали основными центрами изучения и пропаганды марксизма-ленинизма как мировоззрения социалистического общества, центрами формирования советской общественной науки, в том числе и исторической.

С созданием в 1918—1923 гг. советского научного аппарата началось утверждение марксистской методологии и теории во всех областях и сферах исторической науки. В ходе этой работы подготавливались условия для коренного переворота в области историографии, полной замены старой, буржуазной науки новой, марксистской. Борьба за марксистскую методологию и теорию исторического исследования, развернувшаяся в начале 20-х годов широким фронтом во всех областях исторического знания, проходила в трудных и сложных условиях. Размах этой работы, ее глубину и эффективность определяли новые научные учреждения и те марксистские кадры, которые в них работали и воспитывались. Новые организационные формы научного творчества не просто сменяли старые и отжившие, но вместе с собой несли новые теоретические и методологические принципы, новую проблематику, новые, противоположные буржуазной, функции общественной науки.

**МАРКСИСТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА В 1918—1920 гг.**

В обстановке острой классовой борьбы первых послереволюционных лет деятельность историков-марксистов была подчинена защите революционных завоеваний, борьбе за утверждение нового общественного строя. Именно эта задача определила характер и направление их занятий по истории в первые послереволюционные годы.

Историческая литература научно-популярного и агитационно-политического характера заметно преобладает в эти годы над исследованиями и публикациями. Популярные статьи, очерки, брошюры, рассчитанные на широкие читательские круги, выполняли важную общественную функцию, которую в тех условиях не могла выполнить ни одна другая общественная наука. В пропаганде и распространении марксистского материалистического учения общественного развития среди трудящихся масс исторической науке принадлежит ведущая роль в ряду других общественных наук, ибо ее конкретный материал позволяет в доходчивой форме, просто и убедительно объяснять сложнейшие процессы общественного развития. История человеческого общества содержит богатый, доступный широким читательским кругам материал, воспитывающий сознательное отношение к окружающей действительности и понимание необходимости ее революционного преобразования.

В борьбе за массового читателя против антинаучных теорий и объяснений истории прошлого, против пережитков дворянско-буржуазной идеологии популярная марксистская историческая литература способствовала

утверждению и распространению подлинно научных взглядов на человеческое общество и его историю. В этом плане популярные работы М. Н. Покровского, В. И. Невского, В. А. Карпинского, А. В. Луначарского, М. С. Ольминского, вышедшие в первые годы революции, играли важную роль в борьбе против реакционной идеологии и ее носительницы — буржуазной историографии.

Популяризаторская деятельность историков-марксистов в первые годы Советской власти была продолжением той большой работы, которую проводила Коммунистическая партия до революции, находясь в подполье. С первых лет своего существования партия использовала историческую науку и исторические знания в повседневной воспитательной работе по развитию классового самосознания рабочих и крестьян, ненависти к эксплуатации и насилию, чувства классовой солидарности и пролетарского интернационализма, преданности идеям социализма.

Большевистские листовки, газеты и журналы, брошюры и книги, выходявшие до 1917 г., систематически и широко освещали историческое прошлое.

Тематика исторических трудов Н. Н. Батурина, В. В. Вакара, В. В. Воровского, М. Н. Лядова, М. С. Ольминского, А. В. Шестакова и других была исключительно широкой и многогранной.

История революционного движения, антинародная политика царского правительства, история рабочего класса и крестьянства, история передовой общественной мысли и культуры занимали видное место на страницах большевистских изданий как центральных, так и местных партийных организаций¹.

Размах популяризаторской работы партии среди населения во многом определялся успешным развитием марксистской исторической мысли накануне революции. Изучая работы основоположников научного коммунизма, анализируя исторические события, историки-марксисты подчиняли свои исследования главной задаче — борьбе пролетариата за власть. Тесная связь научной мысли

¹ Подробнее об этом см.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. III, М., 1963, стр. 211—217. М. С. Волин. Марксистские листовки начала XX века о крестьянской реформе 1861 г.— «История и историк». М., 1965.

с практикой классовой борьбы, с политико-воспитательными и просветительными задачами партийной работы является характерной чертой марксистской историографии с первых шагов ее развития. Это делало ее в корне противоположной русской официальной науке, существовавшей в университетах и Академии наук, той исторической науке, которая была далека от жизни, враждебна народу и его революционному движению.

Понимая, какое громадное значение имеет массовая историческая литература для народа и его развития, пламенные революционеры, талантливые публицисты и исследователи вкладывали в популярные работы весь свой многогранный талант. Большевистская литература глубоко вскрывала корни исторических явлений и фактов, определяя их классовое содержание и политическое значение. Научный материалистический анализ событий прошлого сочетался с необычайно яркой и доступной для широких масс формой изложения, оставляя глубокий след в сознании и памяти читателей.

Работа Коммунистической партии по пропаганде научных исторических знаний протекала в тяжелых условиях царской цензуры, что налагало определенный отпечаток как на характер, тираж и содержание, так и на форму популярных марксистских изданий. Иносказательность при изложении весьма значительных и важных фактов диктовалась условиями тех лет. Полная или частичная нелегальность деятельности партии большевиков затрудняла пользование библиотеками, не говоря уже об архивах, которые были, как правило, совершенно недоступны для многих революционеров. И все же русские марксисты создали в дореволюционные годы замечательные образцы популярной исторической литературы, которая широко использовалась на занятиях подпольных революционных кружков, для самообразования, в работе большевистских агитаторов и пропагандистов, в подготовке лекций, докладов, бесед среди рабочих, крестьян и интеллигенции. Мы не располагаем в настоящее время источниками для исследования вопросов о тираже изданий, степени распространения этой литературы, отношения к ней различных кругов читателей и т. п.

Однако сам факт ее существования, широта проблематики и разнообразие форм являются важным показателем многогранной деятельности большевистской пар-

тии, руководившей борьбой за победу диктатуры пролетариата.

Дореволюционная марксистская литература, естественно, не могла тогда вытеснить с книжного рынка идеалистическую, религиозно-мистическую, шовинистическую и монархическую продукцию буржуазных историков, литераторов и публицистов. Эта задача встала перед историками-марксистами сразу же после Октябрьской революции, когда пролетариат, взяв власть, стал утверждать свою идеологию.

Под руководством Коммунистической партии рабочий класс перестраивал все стороны экономической, политической и культурной жизни страны. В созидательной работе по строительству нового, социалистического общества одно из ведущих мест принадлежало идеологической работе по воспитанию человека с новым мировоззрением. Основой политического воспитания всех слоев населения стала пропаганда марксизма-ленинизма — идеологии самого передового класса современного общества — пролетариата. Необходимо было немедленно начать публикацию трудов основоположников научного коммунизма. 25 мая 1918 г. на заседании Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин поставил вопрос о переводе и издании материалистической и особенно марксистской литературы². В 1918—1920 гг. массовыми тиражами вышли в свет произведения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Они появились не только в Москве и Петрограде, но и в Казани, Калуге, Пензе, Вятке, Твери и других городах³. Марксистская литература распространялась среди самых широких масс, ее с жадностью читали рабочие, крестьяне и демократическая интеллигенция. О вышедших в свет трудах основоположников научного коммунизма советские газеты и журналы систематически сообщали в статьях, обзорах, раскрывая их значение для развития науки.

Массовыми тиражами издавались сочинения Г. В. Плеханова, К. Каутского, К. Цеткин, К. Либкнехта, Р. Люксембург, Ф. Меринга, П. Лафарга, А. Бебеля и

² М. Н. Покровский. Десять лет Коммунистической академии. — «Вестник Коммунистической академии», 1928, № 28 (4), стр. 7.

³ «Книжная летопись». М., 1918—1921; «Издание и распространение произведений В. И. Ленина». Сборник статей. М., 1960, стр. 17—34.

др. ⁴ Переиздавались дореволюционные книги видных деятелей большевистской партии ⁵.

В. И. Ленин, уделяя громадное внимание пропаганде марксизма, научных знаний об обществе, неоднократно выступал с докладами и речами перед рабочими и крестьянами. 11 июля 1919 г. он выступил перед слушателями университета им. Я. М. Свердлова с лекцией о государстве, в которой рассказал собравшимся о том, что такое государство, каковы его сущность и роль в истории общества.

Придавая большое значение популярной литературе и особенно учебникам для политического воспитания масс, В. И. Ленин неоднократно обращал внимание В. В. Адоратского и М. Н. Покровского на необходимость срочного издания кратких очерков по истории революции. По поручению В. И. Ленина М. Н. Покровский написал популярный очерк по русской истории, а В. В. Адоратский подготовил сборники произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Начали публиковаться документы по истории международных отношений и национальной политике.

В эти же годы В. И. Ленин разработал план монументальной пропаганды. 13 апреля В. И. Ленин подписал декрет СНК «О памятниках Республики», в котором говорилось о немедленной ликвидации памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и создании проектов памятников, «долженствующих ознаменовать великие

⁴ В 1918 г. в Москве и Петрограде были изданы работы К. Каутского: «Возникновение рабочего класса и образование ремесленных цехов», «Ирландия. Культурно-исторический очерк», «Карл Маркс. Биографический очерк», «К. Маркс и его историческое значение», «Экономическое учение К. Маркса», «Происхождение первобытной библейской истории»; работы К. Цеткин: «Борьба за свободу и мир в России», «За большевиков»; работы К. Либкнехта: «Роберт Оуэн», «Революция в Париже в 1848 г.»; в 1919 г. появляются книги П. Лафарга: «Труд и капитал», «Буржуазия и наука»; А. Бебеля: «Интеллигенция и социализм»; Р. Люксембург: «Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия», «Реформа и революция»; в 1920 г. — сочинения Г. В. Плеханова (т. I) и др.

⁵ Н. Н. Батулин. Очерки истории социал-демократии в России. М., 1918 (1-е изд., 1906 г.); В. Д. Бонч-Бруевич. Волнения в войсках и военные тюрьмы. Пг., 1918 (1-е изд., 1906 г.); М. С. Ольминский. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. М.—Пг., 1919 (1-е изд., 1909 г.); П. Орловский (В. В. Воровский). К истории марксизма в России. М., 1919 (1-е изд., 1908 г.); он же. Возникновение рабочего класса. М., 1918 (1-е изд., 1906 г.) и др.

дни Российской социалистической революции»⁶. 7 ноября 1918 г. он выступал на открытии памятника К. Марксу и Ф. Энгельсу, Степану Разину, мемориальной доски борцам Октябрьской революции. В декабре 1918 г. в связи с тринадцатой годовщиной Московского вооруженного восстания В. И. Ленин опубликовал в газете «Коммунар» статью «Подвиг пресненских рабочих» и написал инструкцию по составлению книги для чтения рабочих и крестьян, включив в нее такие темы, как «Империализм и империалистическая война», «Тайные договоры» и др. 19 декабря 1919 г. В. И. Ленин произнес речь на митинге, организованном в связи с годовщиной Декабрьского вооруженного восстания 1905 г.⁷ Октябрьская революция коренным образом изменила условия и задачи агитационно-пропагандистской работы, ее масштабы и формы. В условиях ожесточенной классовой борьбы революционного периода особенно остро встал вопрос разработки истории общественного развития.

Представители буржуазной науки тоже обращались к массам с популярными историческими работами. Преследуя отнюдь не просветительные цели, они проповедовали независимость науки от политики и, в частности, от происшедших в стране событий. Под этой маскировкой буржуазные историки активно защищали отжившие общественные отношения. Идеологов уходящего класса пугала революционная активность масс. Своими работами они старались убедить массового читателя в бессмысленности революционной борьбы и неизбежном поражении народного движения. Прибегая к историческим параллелям и фактам далекого прошлого, буржуазные историки использовали науку для пропаганды своих теорий и схем общественного развития с целью осуждения революции и оправдания отживших порядков. Назовем для примера несколько таких работ: Р. Ю. Виппер «Возникновение христианства» (М., 1918); Н. И. Кареев «Общие основы социологии» (Пг. 1920); Ю. В. Готье «Смутное время» (М., 1921); С. Ф. Платонов «Борис Годунов» (Пг., 1921), «Иван Грозный» (Пг., 1923) и «Смутное время» (Пг., 1923).

⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 692; см. также «Пролетарская революция», 1930, № 7-8, стр. 138.

⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 169—172, 386—387, 402; т. 40, стр. 26—31.

Борьба с буржуазными идеалистическими трактовками исторических событий прошлого и современности являлась тоже своего рода фронтом гражданской войны, так как она была направлена на защиту завоеваний пролетарской революции, на упрочение Советской власти, и в этом плане популярная марксистская историческая литература тех лет сыграла значительно большую роль, чем в любых других общественно-политических условиях. Пропаганда исторического опыта приобретала особо важное значение. Продолжая лучшие традиции дореволюционной большевистской прессы, «Правда», «Известия», «Красная газета», «Беднота» и другие газеты, а также общественно-политические журналы: «Коммунистическая революция», «Коммунистический Интернационал», «Спутник коммуниста», «Коммунистка» печатали статьи, очерки, заметки на различные темы из отечественной и всеобщей истории. Они знакомили русского и зарубежного читателя не только с важнейшими вопросами современного рабочего движения, но и с историей народов России и Запада, с историей их борьбы против гнета и эксплуатации.

23 ноября 1917 г. «Правда», сообщая об отмене тайной дипломатии, писала: «Сегодня мы приступаем к печатанию тайных договоров, заключенных царем и союзным капиталом и подтвержденных российской буржуазией за время ее восьмимесячного господства... Солдаты России, солдаты Англии и Франции узнают, за что проливали они свою кровь, за что отдавали они свою жизнь». С этого времени не только в «Правде», но и в других советских газетах стали систематически печататься документы из царских архивов.

В распространении научных знаний среди народа в первые годы после революции видное место заняли новые научные центры. По положению о Социалистической академии общественных наук в задачи ее учебно-просветительной секции входило «преподавание социальных наук всем желающим, ознакомление широких народных масс с учениями научного социализма и коммунизма, а также распространение просвещения на основе социалистического мировоззрения»⁸. Социалистическая академия систематически устраивала доклады, лекции, митинги, проводила торжественные заседания, посвященные знаме-

⁸ СУ, 1918, № 49, ст. 573.

нательным историческим датам. Сотрудники академии выступали с лекциями по историко-революционной тематике в учебно-просветительных и советских учреждениях, на различных курсах. Так в самые трудные годы гражданской войны и интервенции воспитывалось в народе чувство любви и преданности к социалистическому отечеству. И здесь на помощь советским агитаторам и пропагандистам пришла историческая литература. Было издано массовым тиражом большое количество брошюр и книг, главным образом по истории революционного движения, деятельности крупнейших революционеров и представителей демократической культуры. В Москве в связи с проведением ленинского плана монументальной пропаганды была издана серия биографических очерков и статей о революционерах, писателях, деятелях культуры под общим названием: «Кому пролетариат ставит памятники». В этой серии вышли книги В. Быстрянского «Фридрих Энгельс»; Е. Ярославского «Н. Г. Чернышевский», «Август Бебель», «Отец и сын» (Вильгельм и Карл Либкнехт); И. Степанова «Жан Поль Марат»; Н. М. Лукина «Максимилиан Робеспьер (1758—1794)»; М. Ольминского «Салтыков-Щедрин»; Ю. Стеклова «Степан Халтурин» и «Петр Алексеев» и др.

С первых лет Советской власти одним из распространенных средств пропаганды научных знаний об обществе и его прошлом становятся революционные торжества, связанные со знаменательными историческими датами. На смену религиозным и царистским праздникам пришли новые, ставшие действительно народными и по форме и по содержанию. К юбилейным историческим датам в центре и на местах издавалась популярная литература, на страницах советских газет и журналов помещались исторические статьи, справки, документы, мемуары. В 1918 г. вся страна широко праздновала 100-летие со дня рождения великого пролетарского мыслителя и революционера К. Маркса. В связи с юбилеем была выпущена серия популярных брошюр и очерков о жизни, революционной и научной деятельности выдающегося деятеля рабочего движения с изложением основ марксистского учения⁹.

⁹ А. В. Луначарский. Карл Маркс. Пг., 1918; Ем. Ярославский. К. Маркс и Ф. Энгельс. М. 1918; Ю. Стеков. Карл Маркс, его жизнь и деятельность. 1818—1883. М., 1918, и др.

В 1920 г. к 100-летию со дня рождения Ф. Энгельса появилась серия очерков о верном друге и соратнике К. Маркса¹⁰. В этих брошюрах, как и в других марксистских работах того времени, научный анализ исторических событий сочетался с необыкновенно яркой и доступной формой изложения весьма сложных и малоизученных проблем.

В популярной литературе, вышедшей в 1920 г. в связи с 50-летием со дня смерти А. И. Герцена, раскрывалась его роль в русском революционном движении и в развитии передовой демократической мысли в России.

В 1918—1920 гг. появилось несколько популярных очерков о жизни и деятельности основателя Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленина¹¹. И хотя в этих первых работах о Ленине имелись некоторые фактические неточности, в целом они содержали правильную оценку роли В. И. Ленина в истории партии и революции. Авторы отмечали роль Ленина в создании «Союза борьбы» и «Искры», в организации социал-демократической партии, в борьбе с меньшевиками и их лидерами, рассказывали о громадном вкладе В. И. Ленина в разработку коммунистического учения, о значении его трудов для развития марксистской теории. В очерке В. И. Невского говорилось также о Я. М. Свердлове, М. И. Калининe, Ф. Э. Дзержинском, Г. И. Петровском и других соратниках В. И. Ленина, боровшихся вместе с ним за победу пролетариата. Опровергая клеветнические измышления буржуазных идеологов, а также меньшевистско-эсеровской литературы, искажавшей роль В. И. Ленина, авторы этих небольших очерков популярно, убедительно рассказывали читателю о выдающемся руководителе первого в мире пролетарского государства, о его заслугах перед русским и международным пролетариатом. Ленин — вождь революции и руководитель

¹⁰ В. Быстрянский. Ф. Энгельс (1820—1920). К его характеристике. Пг., 1920; Ш. М. Дволайцкий. Фридрих Энгельс. (Его жизнь и деятельность). М., 1919; И. Агол. Фридрих Энгельс. 1820—1920 (К 100-летию со дня рождения). М., 1920; «Так писал Фридрих Энгельс» (К столетию со дня его рождения). Пг., 1920; И. Логинов. Фридрих Энгельс. Материалы к библиографии его сочинений. Пг., 1920, и др.

¹¹ «В. И. Ленин-Ульянов. Краткая биография», М., 1918; Ем. Ярославский. Великий вождь рабочей революции. М., 1918; В. И. Невский. В. И. Ульянов (Ленин). М., 1920; И. Ходоровский. В. И. Ленин. Великий вождь пролетарской революции. Казань, 1920; А. М[итрофанов]. Вождь деревенской бедноты В. И. Ульянов-Ленин (Биографический очерк). М. [1918—1919], и др.

борьбы партии и народа за защиту революционных завоеваний — вот центральная мысль всей исторической литературы о Ленине. «И только потому, что рабочие стойко бились за волю и землю и за Советы,— писал В. И. Невский,— и только потому, что партия коммунистов-большевиков сама подала пример в бою и в тылу, а призывный голос тов. Ленина звучал неустанно,— мы победили врага»¹².

В условиях ожесточенной классовой борьбы и бесчисленных нападков врагов, стремившихся опорочить революцию в глазах народов всего мира, раскрытие исторического и международного значения первой победоносной пролетарской революции, ее характера, движущих сил и особенностей становилось актуальной задачей советских и партийных кадров, литераторов, журналистов, ученых-марксистов. «Чем дальше отходит от нас этот великий день,— говорил В. И. Ленин в 1921 г.,— тем яснее становится значение пролетарской революции в России, тем глубже мы вдумываемся также в практический опыт нашей работы, взятый в целом»¹³. Правдивого слова о русской революции ждали трудящиеся всех стран, увидевшие в ней свою надежду на освобождение от эксплуатации. В. И. Ленин неоднократно указывал на необходимость изучения истории Октября и популяризации ее опыта среди широких масс. На VIII съезде партии было принято решение о немедленном создании образцовых учебников, о том, чтобы в школах всех типов ввести «популярные очерки истории культуры с научно-социалистической точкой зрения и с особо разработанной частью, посвященной истории Российской великой революции»¹⁴.

Первые популярные работы по истории Октябрьской революции появились уже в годы гражданской войны¹⁵.

¹² В. И. Невский. В. И. Ульянов (Ленин), стр. 29.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 144.

¹⁴ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1954, стр. 450.

¹⁵ Конст. Молотов. Мировая война и революция в России. Омск, 1918; Н. М. Лукин. Как пало царское самодержавие. Пг., 1918; И. Безработный [Д. З. Мануильский]. Две революции. Пг., 1918; К. Самойлова. Что дала рабочим и крестьянам Октябрьская революция. М., 1919; Р. Арский. Пути русской революции. Пг., 1918; К. Новицкий (К. Петровин). Октябрьская революция и контрреволюция. М., 1919; он же. Год революции. Краткий очерк развития Великой русской революции. М., 1918; Б. Бреслав. Характер и этапы Русской революции. Витебск, 1918; В. Быстрицкий. Революция буржуазная и революция пролетарская. Пг., 1920, и др.

Их авторы по свежим следам восстанавливали исторический ход событий в период борьбы за победу социалистической революции, описывали тяжелое положение народа, доведенного до отчаяния войной, разрухой, антинародной политикой царизма, которая привела к революционному взрыву в феврале 1917 г.; показывали, что победа пролетарской революции явилась логическим завершением событий, развивавшихся после февраля, результатом самоотверженной борьбы партии большевиков, последовательно защищавшей интересы народа. Главной, характерной особенностью всей этой литературы было то, что она неопровержимо доказывала социалистический характер Октябрьской революции и раскрывала роль пролетариата как главной движущей силы и авангарда этой революции. Эти очерки были написаны хотя и не на большом, но интересном фактическом материале, в яркой доступной форме, с привлечением материалов из сочинений и выступлений В. И. Ленина, текстов исторических документов (Декретов о мире и земле, воззвания Петроградского Совета 14 марта 1917 г. и др.). Эти работы объединяет общая идея пролетарского интернационализма и уверенность в неизбежности победы мировой социалистической революции.

Популярные книги и очерки по истории Октябрьской революции издавались не только в центре, но и на местах¹⁶. Они в большей мере страдали такими недостатками, как схематизм, краткость изложения и т. п., но все же были первой удачной попыткой популярного изложения исторических событий 1917 г. Таким образом было положено начало распространению знаний о революции и популяризации исторического опыта Великого Октября.

Как уже отмечалось, большинство работ об Октябре носило популярный характер, но поскольку авторы впервые обращались к этой тематике, им пришлось, конечно, проводить и исследования по ряду важных проблем как теоретико-методологического, так и конкретно-исторического характера. К их числу относятся прежде всего такие вопросы: характер и движущие силы революции, ее пред-

¹⁶ В. Кнорин. Революция и контрреволюция в Белоруссии, ч. I. Минск, 1920; Н. Поворов. Октябрьские дни и их подготовка. Минск, 1918; «Два года». Сборник в память второй годовщины Октябрьской революции. Белев, 1919; «Год пролетарской диктатуры». Юбилейный сборник Нижегородского губкома РКП, 1918.

посылки и закономерность; связь пролетарской революции с предшествовавшей историей революционного движения, партия большевиков как руководитель и организатор победы пролетариата, эволюция мелкобуржуазных партий, превращение меньшевиков и эсеров в контрреволюционные силы, историческое значение Октябрьской революции и отличие ее от всех предшествовавших революций; влияние Октября на развитие пролетарской борьбы во всем мире. Недостаточное накопление фактов и необычайно трудные условия гражданской войны и интервенции очень ограничивали разработку этих проблем. Но пути исследования этих сложных проблем, имеющих всемирно-историческое значение, были намечены; была определена дальнейшая разработка их на много лет вперед. Всем своим содержанием, проблематикой, идейной направленностью марксистская литература тех лет противостояла буржуазно-кадетским и меньшевистско-эсеровским трактовкам и оценкам событий 1917 г., и в этом ее большая заслуга в становлении и развитии советской исторической науки. К числу особенно интересных работ по истории Октября, нам кажется, следует отнести очерки В. А. Быстрянского, Д. З. Мануильского, Б. А. Бреслава. В них привлечен весьма значительный для того времени круг источников. В. А. Быстрянский для сравнения Октябрьской революции с французской буржуазной революцией XVIII в. использовал работы К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина, К. Цеткин, Ф. Меринга, А. Олара, Ж. Мишле и А. Токвилля, выступления таких буржуазных ученых, как П. Струве и др. Это дало автору возможность показать в историографическом аспекте отличие буржуазной революции от социалистической, являющейся результатом творчества широких народных масс и совершающейся в интересах большинства населения. Д. З. Мануильский в очерке «Две революции» писал: «Февраль и Октябрь — две исторические даты: февраль ознаменовал собой начало буржуазной революции в России, Октябрь — конец этого начала»¹⁷. В работе содержится подробная характеристика двух революций 1917 г., раскрывается их принципиальное отличие как по результатам, так и по движущим силам. Февральская революция «в области экономической была такой же половинчатой

¹⁷ И. Безработный [Д. З. Мануильский]. Две революции, стр. 7.

и бесплодной, как и в области чистой политики»¹⁸, — отмечал автор. Проследившая развитие событий от Февраля к Октябрю 1917 г., он показал неизбежность свержения буржуазного Временного правительства, неизбежность победы пролетариата. Выступая против меньшевистско-эсеровских газет «День» и «Дело народа», изображавших успех большевизма в России как результат роковой случайности, Д. З. Мануильский на основе исследования конкретной истории развития партии большевиков, меньшевиков и эсеров утверждал в своей книге: «Ни одна политическая партия не пользовалась, пожалуй, ни в одной стране таким влиянием, как большевики». Он показал, что партия большевиков прошла большую революционную школу, которая превратила ее в партию «наиболее популярную и наиболее сильную сейчас в России»¹⁹. Д. З. Мануильский сделал интересное наблюдение: «Милитаристским путем при посредстве своего генерала Бонапарта французская революция пыталась себя утвердить извне при помощи завоеваний, упав в конце концов развалиной под тяжестью своих внешних побед... Все международное значение русской революции не в громе ее внешних побед, а в моральной силе, разлагающей устои европейского милитаризма»²⁰.

Не со всеми утверждениями авторов, писавших в те годы об Октябрьской революции, можно согласиться, многие положения устарели и были с развитием советской исторической науки пересмотрены. Однако не правы те исследователи, которые склонны рассматривать эту литературу только как популярную, не оставившую в науке значительного следа.

В 1919—1920 гг. начала появляться марксистская литература по истории гражданской войны и интервенции. Член партии большевиков с 1898 г., возглавлявший агитационно-инструкторский отдел ВЦИК, бывший редактор газеты «Беднота» и член главной редакции «Правда» В. А. Карпинский написал несколько брошюр по истории борьбы за Советскую власть. В них автор говорит об антинародной сущности правительств Колчака и Деникина, предательской роли меньшевиков и эсеров, о борьбе против немцев и белополяков, приводит интересные факты

¹⁸ Там же, стр. 23.

¹⁹ Там же, стр. 6—7, 12.

²⁰ Там же, стр. 31—32.

из истории самых первых начинаний в социалистическом строительстве молодой Советской республики²¹. О борьбе с контрреволюцией рассказывал член коллегии ВЧК М. Я. Лацис²². Особенно интересны в его книге разделы о важнейших направлениях деятельности ВЧК: борьба с контрреволюционными заговорами, саботажем, спекуляцией, преступлениями по должности, с бандитизмом, кулацкими восстаниями и дезертирами. Автор использовал не только официальные источники, в частности материалы допросов, привел фактические данные о том, кем и как были организованы контрреволюционные заговоры, об участии в заговорах меньшевиков, эсеров и анархистов, о формах борьбы Советской власти с контрреволюционерами и о мерах наказания. В книге имеются диаграммы и цифровые данные о деятельности ВЧК за 1918—1919 гг., интересные не только для широкого круга читателей, но и для исследователя. Это был первый обстоятельный очерк о защите революционных завоеваний рабочих и крестьян, о деятельности одного из важнейших звеньев нового государственного аппарата.

Вопросы истории социалистического строительства уже в те годы начали освещаться на страницах советской печати.

Трудности разработки данной проблемы были связаны с недостатком статистических данных и других нужных источников. Однако основное направление экономической жизни и экономической политики Советского государства в работах тех лет определялось в целом правильно. Впервые были поставлены вопросы о периодизации экономической политики партии и Советского государства, о ее характере и принципах, об истории строительства нового аппарата управления и его деятельности. Были проанализированы также важнейшие ме-

²¹ В. А. Карпинский. Два года борьбы. М., 1919; он же. Что такое Советская власть. М., 1919; он же. Три года борьбы. М., 1920; Вл. Виленский-Сибиряков. Черная година сибирской реакции (интервенция Сибири). М., 1919; М. Павлович (Волонтер). Война с польскими панами (Польско-шляхетская авантюра). М., 1920; он же. Украина как объект международной контрреволюции. М., 1920; Г. Горский. За что воюют рабочие и крестьяне. М., 1919; Т. Равданский. Правда о войне Польши с Советской Россией. М., 1920; Т. Толконников. Французская буржуазия и иуда Врангель. М., 1920, и др.

²² М. Я. Лацис (Я. Ф. Судрабс). Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор двухгодичной деятельности чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности. М., 1920.

роприятия Советского государства в области народного хозяйства. Разработка этих тем и обобщение первого опыта давали возможность приступить к решению такой большой проблемы, как зарождение и развитие новой экономической системы после победы социалистической революции в России. Эти вопросы получили освещение в трудах видных работников хозяйственных органов и экономистов: Б. Книповича, В. Милютина, А. Ломова, Л. Крицмана, Ю. Ларина и др.²³ Эта литература не была исторической. Авторы не ставили перед собой такой задачи. Однако исторический элемент в их работах играл столь значительную роль, что и позднее при исследовании ряда проблем по истории советского общества историки использовали ценный материал данных работ.

Остановимся несколько подробнее на работах видного советского экономиста В. П. Милютина, который был тогда заместителем председателя ВСНХ. Прежде всего они отличаются не только идейным богатством и значительным фактическим материалом, но и глубоким анализом, ценными обобщениями и наблюдениями. Это позволяет рассматривать их как первые серьезные исследования по экономической истории революционной эпохи²⁴. Работы Милютина явились продолжением исследований по экономике России XX в., начатых им еще до революции²⁵. В послеоктябрьских трудах В. П. Милютин делает

²³ Б. Н. Книпович. Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия за три года. 1917—1920. М., 1920; Ларин, Крицман. Очерки хозяйственной жизни и организация народного хозяйства Советской России. М., 1920; Вл. Мещеряков. Организация Народного комиссариата земледелия и земельных отделов. М., 1918; А. Кактынь. Год экономической борьбы и строительства.— «Из деятельности Совета народного хозяйства Северного района». Пг., 1918; В. И. Невский. Как образовалась Советская власть и что ею сделано за три года. М., 1920; М. Майский. Экономическая политика Советской республики. К трехлетию Октябрьской революции. Иркутск, 1920; П. Ф. Кудряшев. Пути советского строительства. 1917—1919. М., 1920; А. Ломов. Разложение капитализма и организация коммунизма. М., 1918; В. Трифонов. Организация народного хозяйства РСФСР. М., 1920, и др.

²⁴ В. П. Милютин. Современное экономическое развитие России и диктатура пролетариата. 1914—1918. М., 1918; он же. Социализм и сельское хозяйство. М., 1919; он же. Народное хозяйство Советской России (Краткий очерк организации управления и положения промышленности Советской России). М., 1920; он же. Два года экономической диктатуры пролетариата.— «Два года диктатуры пролетариата. 1917—1919». Сборник статей. М.—Пг., 1920, и др.

²⁵ В. П. Милютин. О влиянии войны на состояние рабочих сил в России. М., 1914; он же. Роль наемного труда в сельском хозяйстве. Харьков, 1914; он же. Сельскохозяйственные рабочие и война. Пг., 1914; он же. Рабочий вопрос в сельском хозяйстве России. Пг., 1917, и др.

попытку выделить важнейшие этапы экономического развития России в связи с войной и происходившими в стране революционными преобразованиями. «Октябрьская революция 1917 г., — писал он, — провела глубочайшую историческую грань между двумя периодами русской жизни: до Октября 1917 г. и после Октября 1917 г. Два совершенно различных периода по соотношению сил, организации государственной власти и экономической политике»²⁶. В дооктябрьской экономике России автор видит три периода: с объявления войны до середины 1915 г.; с середины 1915 до конца 1916 г.; с конца 1916 до октября 1917 г. На большом фактическом материале в книге раскрывается хозяйственное положение страны и экономическая политика на каждом из этих этапов. Специальные разделы посвящаются экономической политике буржуазии, меньшевиков и эсеров. Автор делает вывод, что в России 1914—1917 гг. имелись все условия для развертывания самой острой классовой борьбы. «Пройденный путь экономического развития вел к одной цели — к замене существовавшей политической и экономической системы, системы, построенной на интересах капиталистов и помещиков, принципиально новой системой, построенной на основе интересов широких масс народа: рабочих и крестьян»²⁷. Автор показывает, что с победой Октябрьской революции открылась новая эпоха в экономической истории России. «Новая общественная формация России — социалистическая — возникла в результате вполне определенного и законосообразного развития. Те поражающие явления, перед которыми в изумлении останавливается буржуазный ученый, имеют свое объяснение в объективных условиях общественного развития последних лет»²⁸. Описывая политику Советской власти, автор на первое место ставит национализацию промышленности, которую характеризует как «логический вывод экономической политики пролетариата, ставшего у власти»²⁹. Исследуя процесс национализации, Милютин выделяет два периода (до июня 1918 г. и после), показывает масштабы и формы национализации, ее темпы и особенности проведения в

²⁶ В. П. Милютин. Современное экономическое развитие России и диктатура пролетариата. 1914—1918, стр. 3.

²⁷ Там же, стр. 16—17.

²⁸ Там же, стр. 40.

²⁹ Там же, стр. 82—87.

различных областях производства. Говоря о последствиях национализации, он пишет: «Через 8 месяцев Советской власти главные отрасли народного хозяйства оказались в руках государства. Совершился полный экономический переворот... Правда, новая система далека, очень далека от совершенства, но когда и где в истории постройка новой общественной системы начиналась сразу же с совершенных форм?» В двух других работах тех лет В. П. Милютин описывает организацию аппарата управления народным хозяйством, излагает основные принципы советской экономической политики в городе и деревне, характеризует советское законодательство 1917—1919 гг. Во всех работах того времени Милютин высказывает мысль, что «только социалистический переворот реально поставил проблему единого народного хозяйства, как организованной системы, сознательно управляемой»³⁰.

Большое количество популярных работ опубликовал в годы гражданской войны В. А. Быстрянский. Член партии большевиков с 1907 г., активный участник октябрьских событий 1917 г. в Петрограде, член редакции «Известий ВЦИК», талантливый пропагандист и популяризатор марксистско-ленинской теории Быстрянский посвятил свои очерки и брошюры актуальнейшим вопросам истории и современности³¹. Его работы охватывают широкий круг вопросов из истории войн, борьбы контрреволюции против революционных масс, выступлений империалистических стран против Советской России, создания Красной Армии и истории развития научного социализма. Все они написаны на основе глубокого знания законов исторического развития и классовой борьбы. Освещая актуальнейшие вопросы современности, автор использовал большой фактический материал из истории России и Запада, дал марксистскую оценку целому ряду исторических фактов и явлений.

Популярные исторические очерки, брошюры, статьи и книги играли важную роль в воспитании и просвещении широких масс населения. Однако они не могли дать

³⁰ В. П. Милютин. Социализм и сельское хозяйство, стр. 7.

³¹ В. А. Быстрянский. Рабоче-крестьянская революция в оценке буржуазной публицистики. М., 1919; он же. Армия империализма и армия революции. Война империалистическая и война революционная. М., 1919; он же. Империалистическая Англия против социалистической России. М., 1919; он же. Контрреволюция и ее методы. Белый террор прежде и теперь. Пг., 1920, и др.

цельного представления и систематизированных знаний малоподготовленному читателю об историческом процессе в целом, его важнейших этапах и тенденциях. Это можно было сделать только с помощью учебников или курсов, охватывающих всю историю России с древнейших времен до XX в. включительно. Историки-марксисты уже в первые годы после революции при всей сложности и трудности решения этой задачи приступили к созданию общедоступных марксистских очерков по русской истории. Результатом первых попыток явились популярные книги М. Н. Покровского и В. П. Полонского³². Очерк М. Н. Покровского отличался оригинальностью и самостоятельностью, а также свойственной автору самобытностью и яркостью изложения. Общей положительной чертой этих работ было популярное материалистическое объяснение исторического процесса; написанные с учетом достижений исторической науки того времени, эти работы давали марксистскую трактовку исторических событий, экономического развития страны, классовой борьбы. Всем своим содержанием «Сжатый очерк» М. Н. Покровского противостоял буржуазно-дворянской историографии «с бесчисленными царями и министрами, только и думающими о разных «реформах» для народного блага»³³. М. Н. Покровский показал, что история России — это прежде всего история широких народных масс, их созидательной деятельности и борьбы за свое освобождение, он вскрыл классовый характер русского самодержавия, его внутренней и внешней политики. При том уровне развития исторической науки, при отсутствии марксистских учебников и курсов по ранним периодам русской истории появление книги М. Н. Покровского имело большое значение и было восторженно встречено общественностью страны³⁴. Работа М. Н. Покровского получила высокую оценку В. И. Ленина, который в письме к автору 5 декабря 1920 г. писал: «Очень поздравляю Вас с успехом: чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга: "Русская история в самом сжатом очерке". Оригинальное строение и изложе-

³² М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, ч. I—II. М., 1920; ч. III. М., 1923; В. П. Полонский. Русская история, ч. I. М., 1920 (2-е изд. вышло в 1924 г.).

³³ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, ч. I—II, стр. 3.

³⁴ См. рецензию В. Н. Сторожева на книги Покровского. — «Печать и революция», 1921, № 1, стр. 107—108.

ние. Читается с громадным интересом. Надо будет, по моему, перевести на европейские языки»³⁵.

Очерк Покровского оказал большое влияние не только на учебную и воспитательную работу, но и на историческую науку. Это необходимо подчеркнуть, потому что в те годы историки-марксисты еще не занимались исследованием истории России ранних периодов и сосредоточивали свое внимание преимущественно на проблемах новой и новейшей истории. Марксистское освещение событий феодальной эпохи мы находим в начале 20-х годов только в книгах М. Н. Покровского и В. П. Полонского.

При изучении популярной марксистской исторической литературы первых послереволюционных лет трудно установить, какими источниками располагал автор той или иной работы. Однако в ряде случаев определить это возможно. К таким источникам прежде всего относится периодическая печать, которая содержала богатый материал по истории борьбы за установление Советской власти. Об использовании трудов В. И. Ленина свидетельствуют пропаганда его идей и ссылки на его сочинения. Нередко фактический материал привлекался из меньшевистско-эсеровской и буржуазной прессы. При наличии правильных марксистских оценок описываемых событий эти сведения были полезны советскому читателю. Однако имелись случаи, когда вместе с фактами авторы по разным причинам переносили в свои работы и ошибочные оценки. Неверные политические взгляды самого автора также не могли не проявиться в трактовке событий и фактов прошлого. Так, в своем интересном очерке о внешней политике Советской власти А. Иоффе — участник брестских переговоров дал ошибочную оценку позиции «левых коммунистов». Из его работы следовало, что Советская власть якобы смогла заключить мир и выиграть время не благодаря ленинским принципам и установкам, а в силу правильности «левокоммунистической тактики»³⁶.

В целом популярная марксистская историческая литература 1918—1920 гг. сыграла важную роль в политическом просвещении и воспитании масс, в распространении марксистской идеологии и научных знаний об обществе

³⁵ В. И. Ленин. Поля. собр. соч., т. 52, стр. 24.

³⁶ А. Иоффе (В. Крымский). Внешняя политика Советской России. С предисловием Фр. Меринга. М., 1918.

и его прошлом. Эти издания широко использовались в сети партийного просвещения. В списках рекомендованной литературы, приложенных к программам по истории партии для советско-партийных школ и школ политграмоты в 1922—1923 гг., постоянно встречаются не только произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, но и популярные работы М. Н. Покровского, Н. Н. Батурина, М. Н. Лядова, К. П. Новицкого и других историков³⁷.

Вторая группа исторической литературы 1918—1920 гг., пожалуй, самая значительная по количеству, представлена изданиями различных видов источников. Некоторые из публикаций могут быть включены в эту группу условно или со значительными оговорками. Это относится прежде всего к материалам по истории советского общества и статистическим сборникам, издававшимся скорее в практических, чем в научных целях. Они содержали настолько ценные сведения, что скоро стали важным источником исторических исследований тех лет и оказали заметное влияние на изучение ряда важных вопросов отечественной истории.

Разработка новой исторической проблематики могла быть успешной только при наличии источниковедческой базы. Но ее в те годы еще не было. Даже самые совершенные дореволюционные публикации, относившиеся преимущественно к истории русского феодализма (X—XVIII вв.), не могли быть использованы историками-марксистами, обращавшимися преимущественно к сюжетам новой и новейшей истории. В этом смысле новая публикаторская работа почти ничего не получила в наследство от дореволюционной русской науки. По истории России XIX—XX вв. в распоряжении историков были меньшевистско-эсеровские и народнические издания, небольшие по количеству и, как правило, тенденциозные по подбору и содержанию материалов. Речь идет, в частности, о сборниках, подготовленных Н. А. Рожковым, Е. Маевским, С. П. Мельгуновым и М. А. Цявловским и др. Это обстоятельство определило и особенности идейной борьбы в области публикации исторических источников по новой и новейшей истории: она развернулась

³⁷ «Вестник агитации и пропаганды», 1922, № 1, стр. 61—66; «Коммунистическая революция», 1923, № 3 (42), стр. 80—81.

главным образом по линии разоблачения не буржуазно-дворянской, а мелкобуржуазной меньшевистско-эсеровской историографии, выступавшей против большевистской концепции истории русского революционного движения, возникновения и развития социал-демократии и большевизма, истории Октябрьской революции и социалистических преобразований. Организация публикаторского дела определялась не только потребностями развития самой исторической науки, но и острой идейной полемикой с противниками большевизма и Советской власти, борьбой за правдивое освещение исторического прошлого России, борьбой за массового читателя и его мировоззрение.

Развитие публикаторской работы в стране в 1918—1920 гг. тормозилось не только отсутствием необходимого опыта, подготовленных марксистских кадров и новых научных центров, способных проводить эту работу, но и отсутствием должного порядка в архивах. Дореволюционные архивы, общества и комиссии не могли справиться с новыми задачами. До тех пор пока не был создан новый научный аппарат, изданием документов занимались преимущественно народные комиссариаты (особенно Наркоминдел и Наркомнац), а также партийные и советские организации. Это в значительной мере определяло и тематику документальных публикаций, и их научный уровень, характер и размах публикаторской работы. Вот почему при изучении первых советских изданий нельзя подходить с общепринятым критерием оценки публикаторских материалов; их политическое и воспитательное значение нередко было значительно выше узко научного, представляющего интерес для историка-специалиста: они были рассчитаны на значительно более широкие круги читателей.

Известно, что с первых дней своего существования Советское государство развернуло борьбу за заключение всеобщего и справедливого мира, разоблачая антинародные захватнические замыслы правительств империалистических государств, участвовавших в войне. Глава Советского правительства В. И. Ленин уделил большое внимание изданию документов по внешней политике и особенно тайных договоров империалистической буржуазии. На II съезде Советов, выступая с докладом о мире, В. И. Ленин заявил, что Советское правительство приступает «немед-

ленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года»³⁸. Началась подготовка к изданию секретных документов бывшего министерства иностранных дел. В архив была послана группа комиссаров во главе с известным участником гражданской войны матросом-большевиком Николаем Григорьевичем Маркиным. За несколько дней он сумел наладить работу по подготовке документов, которые с ноября 1917 г. стали публиковаться в «Правде», «Вечерней правде», «Рабочем и солдате» и других газетах. Под редакцией Н. Г. Маркина выходили «Сборники секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел»³⁹. Первый выпуск открывался призывами: «Пролетарии всех стран! Сбрасывайте с себя ярмо империалистов! Опубликовывайте мрачные договоры народных угнетателей по примеру рабочих и крестьян Российской республики!» Впервые были опубликованы в газетах и сборниках ценнейшие документы по истории международных отношений⁴⁰.

Все эти документы, самые разнообразные по характеру и содержанию (договоры, соглашения, донесения, сообщения, переписка различных государственных деятелей 1904—1917 гг.), содержали яркий обличительный материал агрессивной политики империалистов всех стран, развязавших мировую войну. Они появились в самый разгар борьбы Советского государства за заключение справедливого мира и показали народам всех стран истинных виновников войны, разоблачая тайные захватнические замыслы империалистов. Позднее Народный комиссариат иностранных дел успешно продолжал эту работу; в 1919—1920 гг. была опубликована серия документов, связанных с дипломатической подготовкой первой мировой войны и империалистической интервенции в мо-

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 15.

³⁹ «Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел», вып. 1—7. Пг., 1917—1918.

⁴⁰ Подробнее об этом см.: М. Рабинович. Публикаторская деятельность Николая Маркина. — «Архивное дело», 1939, № 2 (50); М. С. Селезнев. Советская публикация дипломатических документов в конце 1917 — начале 1918 г. — «Археографический ежегодник». М., 1963; М. П. Ирошников. Опубликование Советским правительством в 1917—1918 гг. тайных дипломатических документов. — «Археографический ежегодник». М., 1964.

лодую Советскую республику⁴¹. Наряду с документальными материалами НКВД публиковал статьи по истории внешней политики и международных отношений⁴².

Так уже в годы гражданской войны было положено начало изданию материалов по истории международных отношений и внешней политики крупнейших стран мира, совершенно неизвестных дореволюционной историографии. Опубликованные документы имели большое научное значение и способствовали объективному изучению истории международных отношений нового и новейшего времени. Позднее В. И. Ленин неоднократно указывал на необходимость издания подобных материалов и использования их для разоблачения антинародных военных замыслов империалистических правительств. 8 августа 1920 г. в письме в Госиздат В. И. Ленин советовал привлечь буржуазных специалистов для собирания и издания материалов по внешней политике Антанты. «Подкомиссия из нескольких профессоров должна (под строгим контролем) собирать *все ценное, особенно из буржуазных газет* (которые лучше всего *выдают* своих «соперников»).

Комиссия из *партийных* товарищей будет читать рукописи профессоров и исправлять и *заставлять их исправлять*»⁴³.

⁴¹ «Материалы архива МИД». Приложение к статье М. Н. Покровского «Три совещания». — «Вестник Народного комиссариата иностранных дел», 1919, № 1; «Дипломатия мировой войны». — Там же, 1919, № 2; 1920, № 3; «К проектам захвата Константинополя в 1912—1914 гг.» — Там же, 1920, № 3; «Америка и Россия. Выдержки из американской прессы». — Там же, 1919, № 1; «Русские контрреволюционеры за границей. Керенский в Лондоне». — Там же; «Дипломатия и революция». — Там же, 1920, № 4—5; «Франция в борьбе против Советской России». — Там же, № 8; «К истории интервенции (Правительство Колчака и Соединенные Штаты)». — Там же, № 9-10, и др. Об археографическом оформлении этих изданий см.: М. С. Селезнев. Советская публикация дипломатических документов в конце 1917 — начале 1918 г., стр. 343—346.

⁴² Г. Чичерин. Четыре конгресса. — «Вестник Народного комиссариата иностранных дел», 1919, № 1; М. Н. Покровский. Три совещания. — Там же; Г. Чичерин. Россия и азиатские народы. — Там же, № 2; Вл. Сибиряков-Виленский. Дальневосточный узел. — Там же; М. Васильев. Переписка Вильгельма II с Николаем II. — Там же, 1920, № 3; П. Лапинский. Польша, Антанта и польско-русская война. — Там же, № 4—5; Е. Адамов. Роль Англии в интервенции (По архиву министерства иностр. дел Омского правительства). — Там же, № 6—7; Ф. Ротштейн. Десница и шуйца английской дипломатии. — Там же, № 8; Е. Дзюбинская. «Славяне» на службе у контрреволюции (По документам архива Омского правительства адмирала Колчака). — Там же, № 9-10, и др.

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 261.

1 октября 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял решение об издании материалов по истории первой мировой войны. Эту работу стала выполнять научно-академическая секция Социалистической академии общественных наук. 6 октября была организована специальная комиссия, в которую вошли И. И. Скворцов-Степанов, В. П. Волгин, А. А. Богданов и др. Руководил комиссией М. Н. Покровский. На общем собрании Социалистической академии М. Н. Покровский доложил о начавшейся работе и ее основных направлениях. В 1919 г. к этой работе были привлечены Н. М. Лукин, В. В. Воровский, В. В. Адоратский⁴⁴. В 1918—1920 гг. Социалистическая академия подготовила к изданию письма А. П. Извольского С. Д. Сазонову, доклады С. Д. Сазонова царю (опубликованы в 1923 г.)⁴⁵. С возникновением Истпарта и Главархива в начале 20-х годов публикация документов перешла в эти научные организации, а Социалистическая академия значительно сократила такую работу.

Внешняя политика Советской республики, неуклонная борьба за мир во всем мире, пропаганда мира — вот основная тематика общественно-политической и исторической литературы первых послереволюционных лет. Об этом свидетельствуют многочисленные статьи, обзоры, брошюры по вопросам внешней политики Советского государства, появившиеся в 1918—1920 гг. Широкая публикация документального материала по этим вопросам положила начало созданию источниковедческой базы для изучения проблем новой и новейшей истории. В 1920 г. появилась книга «Мирные переговоры в Брест-Литовске» (т. I), содержащая стенограммы пленарных заседаний и заседаний политической комиссии с 22 декабря 1917 г. по 3 марта 1918 г. В предисловии к этой публикации Троцкий сознательно искажил свою роль в брестских переговорах и таким образом завуалировал свое предательство. Однако сами документы, включенные в сборник, представляют большую ценность для изучения истории Брестского мира, хода переговоров, позиций участвовавших в них стран, внешней политики Советской республики. Они разоблачают и Троцкого, и лживые измышления

⁴⁴ «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 27; ЦГАОР СССР, ф. 3415, оп. 1, д. 5, лл. 24—27; д. 64, л. 3; д. 61, л. 9.

⁴⁵ М. Н. Покровский. Общественные науки в России за четыре года. М., 1922, стр. 13.

буржуазных дипломатов и ученых, извращавших историю переговоров с целью фальсификации истории внешней политики Советского государства. Эти материалы широко используются историками и в настоящее время ⁴⁶.

К изданиям 1920 г. относится «Красная книга» — сборник дипломатических документов по истории русско-польских отношений 1918—1920 гг. Предисловие к сборнику написано народным комиссаром по иностранным делам Г. В. Чичериным. В нем дана характеристика основных принципов внешней политики пролетарского государства. Ноты, сообщения, телеграммы, письма, тексты обращений Советского и польского правительств, опубликованные в сборнике, дают исследователям интересный фактический материал по истории русско-польских отношений в первые два года Советской власти и миролюбивой внешней политики Советского государства.

В годы гражданской войны появились также первые публикации по истории борьбы за установление и упрочение Советской власти. Ценный документальный материал о борьбе с контрреволюцией и деятельности ВЧК содержит «Красная книга ВЧК» (т. I). Она состоит из трех больших разделов: 1. «Союз защиты родины и свободы»; 2. Мятеж левых эсеров; 3. Взрыв в Леонтьевском переулке. Документы сборника (протоколы допросов участников и руководителей контрреволюционных выступлений, белогвардейские приказы, воззвания, инструкции, переписка) интересны для изучения вопросов о планах, средствах и формах борьбы контрреволюции, о ее связях с международным империализмом. Материалы, относящиеся к истории подготовки и организации заговора, вскрывают контрреволюционную сущность левозэсеровской партии. Другая группа документов (материалы заседаний ВЧК, доклад Н. И. Подвойского о подавлении мятежа левых эсеров, протоколы заседаний ревтрибунала, приговоры и т. д.) характеризует деятельность различных советских организаций и их борьбу с контрреволюцией. «Красная книга ВЧК» — одно из ценнейших изданий тех лет по истории борьбы с контрреволюцией.

В 1920 г. по заданию В. И. Ленина Наркомнац готовил к совещанию национальных работников РСФСР сборник

⁴⁶ «История дипломатии», т. III. М., 1965, стр. 75—94; А. О. Чубарьян. Брестский мир. М., 1964, стр. 103, 104, 127, 129, 136.

документов «Политика Советской власти по национальным делам за три года». Госиздат задерживал выпуск материалов. Тогда В. И. Ленин по просьбе Наркомнаца лично вмешался в это, 26 ноября написал в Госиздат: «Прошу непременно издать к сроку и известить меня тотчас»⁴⁷. В конце 1920 г. сборник вышел в свет. В него вошли документы о национальной политике Советского государства (декреты, постановления, воззвания и обращения, протоколы и другие документы СНК, ВЦИК, а также правительств автономных советских республик и областей). Опубликованные материалы освещали широкий круг вопросов по истории национальной политики и социалистического строительства на окраинах в первые годы после революции, общие принципы советской национальной политики, положение трудящихся различных национальностей в условиях диктатуры пролетариата, вопросы организации, структуры и деятельности Наркомнаца и его отделов.

Аналогичные сборники издавали и другие комиссары⁴⁸. В них полностью излагались важнейшие законы и постановления Советского государства в различных областях социалистического строительства, подводились итоги работы советских организаций. Эти сборники, выходявшие тиражами от 1000 до 20 000 экземпляров, состояли обычно из предисловия, в котором указывались цель и характер данного издания, и документов, расположенных хронологически или тематически, с указанием даты происхождения и места первой публикации. Некоторые сборники были снабжены алфавитно-предметными указателями. «Систематический сборник важнейших декретов» был издан по просьбе делегатов III Конгресса Интернационала, которые хотели иметь законодательные материалы первого в мире пролетарского государства. В него вошли: Конституция РСФСР, декреты и законы по аграрному вопросу, рабоче-крестьянской инспекции, о суде, Красной Армии, ВСНХ, здравоохранении, финансах и т. п. Документы располагались тематически, это давало воз-

⁴⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 19, 348.

⁴⁸ «Сборник декретов и распоряжений по финансам (1917—1919)». Пг., 1919; «Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству». М., т. 1, 1918; т. 2, 1920; т. 3, 1921; «Сборник декретов и постановлений рабоче-крестьянского правительства по народному образованию», ч. 1. М., 1919; ч. 2. М., 1920; «Систематический сборник важнейших декретов (1917—1920)». М., 1920.

возможность читателю познакомиться с достижениями Советской власти в различных областях социалистического строительства.

Сборники документов и материалов, изданные в 1918—1920 гг., содержали настолько ценный фактический материал по истории экономического, государственного и культурного строительства в Советской республике, что помимо практического они имели и определенное научное значение, использовались лекторами, агитаторами и историками почти по всем вопросам социалистического строительства.

В публикаторской работе по истории России дооктябрьского периода преобладают издания источников по истории революционного движения и демократической общественной мысли России XIX—XX вв.

В дореволюционных публикациях история классовой борьбы и особенно рабочего движения была отражена крайне слабо и тенденциозно. Это использовали после революции идеологи буржуазии, меньшевики и эсеры. Они развернули активную деятельность и путем грубой фальсификации, искажения фактов старались доказать беспочвенность и незакономерность социалистической революции в России. Идеологи буржуазии намеренно искажали историю большевистской партии и ее борьбы, изображали революцию как заговор небольшой кучки большевиков, оторванных от народа и не выражающих его интересов. Для разоблачения лживых измышлений врагов революции и марксизма, для восстановления исторической правды необходимо было немедленно приступить к изданию историко-партийных документов.

В конце 1918 г. группа московских большевиков (Ем. Ярославский, М. Ф. Владимирский, С. И. Мицкевич, Р. С. Землячка и др.), собрали материалы по истории московской партийной организации. В 1919—1920 гг. были опубликованы три сборника статей и материалов под общим названием «Материалы по истории пролетарской революции». Первый выпуск «Москва в Октябре» состоял из записок и воспоминаний участников революционных событий 1917 г. в Москве. Большинство помещенных в сборнике статей было опубликовано в «Социал-демократе», «Деревенской правде», «Известиях ВЦИК» и других газетах; некоторые статьи появились впервые (И. Скворцова-Степанова, П. Виноградской, Р. Фельдмана и др.).

Воспоминания содержали интересный фактический материал по истории Октябрьской революции в Москве⁴⁹. Во втором выпуске, «На заре рабочего движения в Москве», уделялось большое внимание деятельности Московской партийной организации. Сборник состоял из статей, заметок, воспоминаний, часть которых опубликована 22 октября 1918 г. в газетах в связи с двадцатилетним юбилеем Московского комитета партии. В сборник вошли также две прокламации. В предисловии отмечались основные особенности истории московского пролетариата, революционного движения и деятельности социал-демократической организации в Москве. Статья старого члена партии С. Мицкевича «Очерки истории московской партийной организации», написанная в основном по личным воспоминаниям, на большом фактическом материале, была посвящена распространению марксистской литературы и марксизма, организации и деятельности социал-демократических кружков в Москве, деятельности рабочих-революционеров. Автор показал рост рабочего движения и борьбу московских большевиков с меньшевиками⁵⁰. Статья В. В. Максакова «Пионеры социал-демократии в Москве», в которую включены материалы Историко-революционного архива, содержит обзор событий по годам начиная с 1892 г. В ней освещается главным образом деятельность социал-демократических групп и Московского рабочего союза (до 1898 г.)⁵¹ В сборнике были помещены также воспоминания М. Владимирского, И. Степанова, А. Ульяновой и других членов Московской социал-демократической организации о возникновении и развитии социал-демократического движения в Москве. Наиболее удачным был сборник «Декабрьское восстание в Москве 1905 г.» В предисловии составитель Н. Овсянников давал краткую характеристику революции 1905 г. и ее движущих сил. «Первая российская революция,— писал он,— потерпела поражение, но не прошла бесследно для народных масс. Она дала им опыт революционной борьбы и показала, что только сами массы могут добиться освобождения. Вторая революция учла этот опыт, чем и

⁴⁹ «Москва в Октябре». Иллюстрированный сборник заметок и воспоминаний участников движения. М., 1919.

⁵⁰ «На заре рабочего движения в Москве». М., 1920, стр. 12—53.

⁵¹ Там же, стр. 53—89.

объясняется ее быстрый и прочный успех»⁵². В сборник вошли воспоминания М. И. Васильева-Южина, А. Шестакова, Е. Ярославского, С. Черномордика, Р. Землячки, отрывки из дневника К. Левина о вооруженном восстании в Москве, опубликованного еще в 1906 г., статьи, написанные на основе архивных источников (В. Сторожева. «Декабрьское вооруженное восстание»⁵³ и В. Максимова. «В декабрьские дни»). Кроме того, были опубликованы «Воззвание Московского Совета рабочих депутатов и революционных партий. Ко всем рабочим, солдатам и гражданам» и «Воззвание Всероссийского железнодорожного союза». И хотя часть этих материалов была опубликована ранее, ценность сборника состоит в том, что в нем собраны разбросанные по разным изданиям сведения о декабрьском вооруженном восстании. Материалы, включенные в сборник, освещают широкий круг вопросов: настроение и поведение рабочих и солдат, деятельность Московского комитета партии, подготовка вооруженного восстания, события на Красной Пресне и Казанской железной дороге, деятельность военной организации большевиков, создание Московского Совета, состояние и поведение правящих кругов, мелкобуржуазных партий и др. По мнению известного советского специалиста по истории декабрьского восстания Н. Н. Яковлева, сборник дал в свое время много нового; это была первая значительная советская публикация по истории революции 1905 г.⁵⁴

Кроме материалов по рабочему движению в 1918—1920 гг. вышли публикации по истории народничества, главным образом воспоминания видных участников движения, с интересным фактическим материалом по истории революционного движения второй половины XIX в.⁵⁵

Наиболее ценными для изучения истории освободительного движения являются произведения крупнейших

⁵² «Декабрьское восстание в Москве. 1905 г.» М., 1920, стр. 8.

⁵³ Работа В. Н. Сторожева вышла позднее отдельным изданием.

⁵⁴ Подробнее об этом издании см.: Н. Н. Яковлев. Московское декабрьское восстание 1905 г. в исторической литературе. — «История и историки». Сборник статей. М., 1965, стр. 206—208.

⁵⁵ Л. Г. Дейч. Хождение в народ. Пг., 1919; он же. С. М. Кравчинский. Пг., 1919; он же. Русская революционная эмиграция 70-х годов. Пг., 1920; П. Кропоткин. Записки революционера. М., 1920; И. Д. Лукашевич. 1 марта 1887 г. Пг., 1920; В. С. Свитыч. Надгробное слово Александру II; А. В. Долгушин. Заживо погребенные (Из воспоминаний о политической каторге 80-х годов). Пг., 1920, И. П. Белокопский. Дань времени. М., 1920, и др.

представителей передовой политической и общественной мысли России. В 1918 г. по решению СНК было возобновлено прерванное войной издание собрания сочинений А. И. Герцена под редакцией М. К. Лемке; в 1919 г. вышел очередной IX том, а закончено оно было в 1925 г. В это же время вышло собрание сочинений Н. Г. Чернышевского, В. Г. Белинского, сочинения М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина⁵⁶ и др. Эти издания широко использовались в научно-исследовательской и педагогической работе.

Обзор исторических публикаций будет неполным, если не отметить появление в эти годы первых периферийных изданий по истории революционного движения, Октябрьской революции и социалистического строительства. С 1920 г. в Нижнем Новгороде стали выходить сборники под редакцией молодого историка В. Т. Илларионова под общим названием «Материалы по истории революционного движения». В первый сборник были включены воспоминания Н. А. Семашко, А. Н. Сысина, П. М. Лебедева-Керженцева о революционном движении в Нижнем Новгороде в 1900—1917 гг., статья Илларионова о революционном движении сормовских рабочих. И хотя отдельные вопросы и периоды освещались неравномерно, материал был слабо систематизирован и отсутствовал научный аппарат, этот сборник представляет большой интерес как первый опыт публикации местных историко-революционных материалов.

Из местных изданий следует также отметить сборники по истории борьбы за установление и упрочение Советской власти. В сборнике Калужского губернского комитета РКП(б) «Красный Октябрь» были помещены статьи, очерки и воспоминания о борьбе за установление и упрочение Советской власти в Калуге, о первых шагах социалистического строительства, о работе Калужского городского Совета, о развитии профессионального движения, культурном строительстве, деятельности различ-

⁵⁶ Архив Института русской литературы, ф. М. К. Лемке, д. 37. Черновик письма М. К. Лемке к А. В. Луначарскому от 27. IX 1918 г. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 1—2, 4, 6—7. Пг., 1918; В. Г. Белинский. Собр. соч., т. 1—3. Пг., 1919; М. А. Бакунин. Избранные сочинения, т. 1—II. М., 1919; П. А. Кропоткин. Собр. соч., т. 1—II. М., 1918—1919.

ных советских организаций в губернии за три года⁵⁷. Подобные публикации и сборники свидетельствуют о том, что уже в первые годы Советской власти местные и советские организации уделяли большое внимание изучению опыта социалистической революции и советского строительства. Кроме того, накопление опыта по изданию источников, археографической обработке материалов, составлению научно-справочного аппарата дало возможность впоследствии развернуть публикаторскую работу в больших масштабах и на более высоком уровне. В этом отношении значение первых публикаций, как начала нового источниковедения в нашей стране, неопределимо.

• Как показано выше, в исторической литературе 1917—1920 гг. преобладали массовые популярные издания. Трудные условия военного времени не благоприятствовали созданию значительных монографических исследований, однако было бы неправильно утверждать, что таких исследований вообще не было. Значительная часть их в основном была подготовлена еще в дореволюционные годы. В условиях царского режима многие марксистские работы не смогли увидеть свет, и их издание стало возможным только после победы социалистической революции. Тематика этих трудов, их содержание и источниковедческая база отражают дореволюционный уровень развития марксистской историографии. Как отмечали неоднократно сами авторы, их книги нуждались в серьезной доработке, однако, ввиду громадной потребности в марксистской литературе, пришлось пойти на издание без существенных изменений, внесение которых могло задержать их появление.

Заслуга в создании ранних марксистских исследований по истории первой мировой войны принадлежит М. П. Павловичу-Вельтману. Вопросами международных отношений и внешней политики он начал заниматься с 1900 г. После Октябрьской революции он выступает как сложившийся исследователь с широким кругом научных интересов. В 1918 г. вышла серия очерков М. П. Павловича-Вельтмана под общим названием «Основы импе-

⁵⁷ «Красный Октябрь». Калуга, 1920.

риалистической политики и мировая война»⁵⁸. Работы М. П. Павловича-Вельтмана были для того времени ценны постановкой важного вопроса о возникновении и характере первой мировой войны. На фактическом материале, взятом из русской и иностранной прессы, литературы и царских архивов, автор попытался поставить ряд вопросов из истории подготовки первой мировой войны: о росте военной индустрии накануне войны в различных странах (включая и Россию), о милитаризации бюджетов, росте военных расходов и вооружения, увеличении численности армии, военных флотов всех государств. Автор приводит интересные данные об идеологической подготовке войны правящими классами России, Англии, Франции, Германии и разоблачает агрессивную, антинародную внешнюю политику империалистических стран, развязавших мировую бойню, М. П. Павлович-Вельтман завершил свое исследование подведением итогов войны, показав колоссальные расходы, которые она за собой повлекла, разрушение производительных сил, массовое уничтожение людей и материальных ценностей, упадок народного хозяйства, расстройство финансовой системы, рост внутренних и внешних займов, ухудшение материального положения трудящихся. Некоторые проблемы освещаются им не совсем верно: автор не всегда достаточно глубоко анализирует материал и почти не освещает такие важные вопросы, как тактика различных партий и классов в период подготовки войны, обострение социальных противоречий, рост революционного движения, предательская роль социал-демократии. Непонимание Павловичем-Вельтманом ленинской теории империализма привело к тому, что автор не смог всесторонне раскрыть причины возникновения первой мировой войны.

Труды Павловича по истории международных отношений и внешней политики были широко известны в свое время и получили высокую оценку на страницах советской прессы. Его работами интересовался В. И. Ленин. Как к специалисту по этим вопросам В. И. Ленин обра-

⁵⁸ В нее вошли брошюры: «Мировая война и борьба за раздел черного континента (Монополистический капитализм)». М., 1918; «Азия и ее роль в мировой войне». М., 1918; «Французский империализм и экономическое развитие Франции в XX столетии». М., 1918; «Милитаризм, маринизм и война 1914—1918 гг. (Военные бюджеты и военные силы европейских государств накануне войны)». М., 1918; «Итоги мировой войны». М., 1918.

шался к нему в 1921 г. в связи с изданием учебного атласа, просил его принять участие в подготовке атласа и конкретно перечислял большой круг вопросов, которые должны были получить картографическое решение⁵⁹.

Значительным явлением в марксистской науке тех лет явилась работа видного экономиста, члена РКП(б) Г. В. Цыперовича. Изучением истории монополистического капитала Цыперович начал заниматься еще до революции. В 1916 г. вышел его первый небольшой очерк о синдикатах и трестах. В 1918 г. появилась работа, посвященная синдикатам и трестам России⁶⁰. Цыперович поставил задачу «дать общее представление об основных чертах нашей хозяйственной жизни... для того, чтобы правильно подойти к сложнейшим экономическим проблемам, выдвинутым за последнее время войной и революцией». Зарождение монополистических организаций в России автор относит к концу 70-х — середине 80-х годов XIX в. и отмечает, что с 1900 г. Россия прочно встает на путь монополистических объединений⁶¹. Образование монополистических организаций, отмечает Цыперович, видоизменило формы конкуренции и еще более обострило противоречия капитализма. Рассматривая историю образования и развития важнейших монополий в различных отраслях производства, автор приходит к выводу: «В действительности вся Россия вступила в процесс замены конкуренции монополией, в царство частнохозяйственного монополистического капитала»⁶². Показывая расширение сферы деятельности русских банков, он пишет, что синдикатское движение вплотную подошло к сельскохозяйственному производству. В высокой степени концентрации производства Цыперович видел благоприятное условие для национализации промышленности. Характеризуя положение промышленности от февраля до октября 1917 г., автор пишет: «Предыдущая история частнохозяйственной монополии в России показала совершенно отчетливо, что класс капиталистов в состоянии контроли-

⁵⁹ См. В. И. Ленин. Полн. сбор. соч., т. 52, стр. 234—235.

⁶⁰ Г. В. Цыперович. Синдикаты и тресты. Пг., 1916; *он же*. Синдикаты и тресты в России. Пг., 1918 (переиздана в 1919 и 1920 гг.).

⁶¹ Г. В. Цыперович. Синдикаты и тресты в России, 1918, стр. 4, 21—22, 34—46.

⁶² *Там же*, стр., 117.

ровать и регулировать производство лишь в той мере, в какой и то и другое отвечает их узкоклассовым интересам; и поскольку их политика всегда и всюду определялась именно последними, поскольку их интересы постоянно становились в противовес с интересами масс, постольку из организатора производства капиталистический строй шаг за шагом превращается в его дезорганизатора»⁶³. Отсюда Цыперович приходит к выводу о необходимости рабочего контроля и постепенного перехода к национализации, о возможности использования аппарата монополий в интересах нового государства.

Используя значительное количество фактического материала из литературы и источников, автор сделал ряд интересных обобщений и наблюдений: о горизонтальном и вертикальном объединении предприятий в монополиях, о влиянии революции 1905 г. и классовой борьбы на процесс концентрации производства и образование монополий и др. Заслуживает внимания стремление автора связать хозяйственное развитие страны с социальными изменениями в обществе, с классовой борьбой, историю прошлого с задачами настоящего и будущего социалистического строительства. В целом работу Г. В. Цыперовича, несмотря на наличие в ней спорных моментов и мало доказанных положений, следует рассматривать как начало серьезного исследования по одному из наиболее сложных вопросов экономической истории России периода империализма. С развитием советской науки некоторые положения Цыперовича были подвергнуты пересмотру и уточнению. Следует также отметить, что из марксистских авторов, писавших по вопросам империализма, Цыперович, пожалуй, меньше всех подвергался влиянию популярной в те годы теории Гильфердинга; в своих работах он проводил ленинскую концепцию империализма.

Из работ по истории революционного движения следует указать сборник статей М. С. Ольминского⁶⁴. Он интересен постановкой ряда важных вопросов истории революционного движения XIX — начала XX в. Автор попытался связать рост революционного движения в России с изменениями всех сторон жизни общества; показать, что все изменения в политической области в конечном счете определяются силой экономического развития.

⁶³ Г. В. Цыперович. Синдикаты в тресты в Россия, 1918, стр. 208.

⁶⁴ М. Ольминский. Из прошлого. М., 1919.

В статье «Золотой век народничества и марксизм» М. С. Ольминский пишет о значении народничества и его месте в истории русского революционного движения, об отношении к нему марксизма. Народническим идеалистическим теориям исторического развития автор противопоставил материалистическое объяснение истории, теорию классово́й борьбы и марксистское учение о государстве. Для работ М. С. Ольминского характерен некоторый схематизм, ряд неверных оценок и формулировок. Особенно сильно это проявилось в характеристике, данной декабристам: «Это было движение дворян-землевладельцев, желавших сделать некоторый шаг вперед по направлению к буржуазному строю, но с условием сохранения особых прав и преимуществ за помещиками. Только в этом смысле и возможно признать движение декабристов освободительным»⁶⁵. Эта характеристика, конечно, далека от ленинского понимания исторического значения движения декабристов.

Подводя итоги сказанному выше, отметим, что историческая литература периода гражданской войны невелика по количеству и несовершенна по содержанию, ее источниковедческая база в основном ограничена опубликованными материалами, архивные же источники привлекались очень редко. Однако проблематикой и идейной направленностью первые марксистские работы противостояли дореволюционной и послеоктябрьской буржуазной историографии, отстаивавшей старые традиции и идеалистические концепции. В основу своей научной деятельности историки-марксисты положили изучение актуальнейших проблем истории России, связав свои исторические исследования с задачами идейно-политической борьбы и социалистического строительства.

Окончание гражданской войны и переход к мирной жизни оказали благоприятное влияние на дальнейшее расширение исследовательской работы в области истории. Издание разнообразных исторических источников, приведение в порядок архивных фондов и открытие доступа к ним, организация новых научных учреждений и журналов, подготовка кадров советских историков — все это способствовало развитию научной работы, росту ее масштабов и повышению уровня исторических исследований.

⁶⁵ Там же, стр. 7. Подробнее об этом см.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV, М., 1966, стр. 337, 342.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИИ ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА В 1921—1923 гг.

Основное внимание историков-марксистов в начале 20-х годов сосредоточивалось на освещении и анализе двух тесно связанных между собой периодов отечественной истории: вызревание социалистической революции в России и история советского общества. Исследование пережитого Россией капиталистического строя вытекало из необходимости проникновения в исторические тенденции и традиции российской действительности, установления преемственной связи между двумя эпохами, а главное из необходимости обеспечения успешного строительства социалистического общества в дальнейшем. «Для того, чтобы победить,— говорил В. И. Ленин на IX съезде РКП(б),— надо понять всю глубочайшую историю старого буржуазного мира...»¹ Главными, ведущими при изучении «старого буржуазного мира» являлись, естественно, проблемы возникновения, формирования и развития рабочего класса, революционного движения в России конца XIX—начала XX в., завершившегося победой Великой Октябрьской социалистической революции. Ее разработкой занимались историки с дореволюционным стажем научной деятельности (М. Н. Лядов, В. И. Невский, Н. Н. Батулин, М. С. Ольминский и др.) и выпускники, сотрудники Института красной профессуры, Социалистической академии, Истпарта, Истпрофа (А. М. Панкратова, Д. А. Баевский, К. А. Остроухова, И. А. Меницкий и др.). Буржуазная наука игнорировала историю рабочего движения, а меньшевистская литерату-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 253.

ра намеренно фальсифицировала ее для обоснования своей политической доктрины и тактики.

Без изучения истории революционного движения в России нельзя было всесторонне исследовать проблему возникновения и развития социал-демократии и большевизма, разработать такую важную тему, как закономерность социалистической революции в России, ее подготовленность всей предшествующей историей революционного движения; нельзя было развенчать враждебную марксизму меньшевистскую трактовку истории русского революционного движения.

С окончанием гражданской войны условия научной работы улучшились. Расширили свою деятельность Социалистическая академия и Истпарт, начали функционировать новые учреждения и общества: Институт красной профессуры, Институт Маркса — Энгельса, Общество бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев, Общество старых большевиков, Истпроф и Истмол. Приступили к работе редакции новых исторических журналов: «Пролетарская революция», «Красная летопись», «Красный архив», «Каторга и ссылка» и др. С созданием советской исторической периодики значительно расширилась возможность публикации исторических источников и исследований по различным вопросам русской истории. Все это способствовало активизации работы по изучению и изданию разнообразных исторических памятников, что проявилось в заметном росте количества публикаций, в расширении их тематики, улучшении качества археографической обработки документов.

В изучении истории революционного движения в 20-е годы можно отметить два направления: подготовка и издание громадного числа новых исторических источников; написание статей и первых советских монографических исследований.

В публикации источников особенно много сделал в те годы Истпарт, его центральные (Московское и Петроградское) и местные отделения. Наиболее плодотворно работали: Украинское, Крымское, Донское, Нижегородское, Казанское, Тамбовское, Костромское, Дальневосточное отделения Истпарта. Силами сотрудников Истпарта были подготовлены ценные исторические издания. Документальные публикации, вышедшие в начале 20-х годов, явились важным вкладом в создание новой источниковед-

ческой базы. Почти 90% публикаций тех лет относилось к истории русского революционного движения, главным образом пролетарского периода. Интересные источники были изданы по истории рабочего движения в России², в частности о возникновении и деятельности Российской социал-демократической рабочей партии³, о революции 1905 г. и последующих годах реакции. Большое внимание уделялось изданию воспоминаний руководителей и рядовых участников рабочего движения в России⁴. Публиковались материалы о жизни и деятельности видных участников и руководителей революционного движения в России, об основателе Коммунистической партии В. И. Ленине⁵.

² «От группы Благоева к Союзу борьбы». Ростов-на-Дону, 1921; «1 Мая». Саратов, 1922; «1 Мая». Киев, 1921; «Путь к Октябрю», вып. I—III. М., 1923; «Страницы борьбы». Николаев, 1923; «Борьба за власть», ч. I. Пермь, 1923; «Материалы по истории революционного движения», т. I—IV. Нижний Новгород, 1920; «Из истории рабочего и коммунистического движения в Ярославле». Ярославль, 1922; «Пролетарская революция на Дону», вып. 1—2, Ростов-на-Дону, 1922; «Из прошлого». Баку, 1923; «Путь борьбы», вып. I. Томск, 1923; «Летопись революции» (Харьков), 1923, № 5; «Каторга и ссылка», 1923, № 5; М. Скверн. Из истории революционного движения (К истории Одесского союза 1875 г.). Пг., 1921 и др.

³ «К двадцатипятилетию первого съезда партии (1898—1923)». М.—Пг., 1923; «Из партийного прошлого», вып. I. Калуга, 1922, вып. II, 1923; «Гусевская организация РСДРП—РКП (большевиков)». Владимир, 1923; «Российская Коммунистическая партия (большевиков) в постановлениях ее съездов». Пг., 1921; «История Екатеринбургской социал-демократической организации (1899—1903)». Екатеринбург, 1923; «Летопись революции» (Харьков), 1923, № 2; «Пути революции» (Казань), 1922, № 2; «Протоколы второго съезда РСДРП». Л., 1924; «Третий очередной съезд Российской социал-демократической рабочей партии. 1905 г. Полный текст протоколов». М., 1924, и др.

⁴ П. Н. Лепешинский. На повороте (1880—1905). Пг., 1922; А. И. Шаповалов. По дороге к марксизму. М., 1922; Ф. Н. Самойлов. Воспоминания об яваново-вознесенском рабочем движении (1903—1911), ч. I—II, М., 1922—1924; Ц. Зеликсон-Бобровская. Записки рядового подпольщика (1894—1914), ч. I. М., 1922; ч. II. М.—Пг., 1923; Д. С. Фролов. Пробуждение. Воспоминания рядового рабочего. Харьков, 1923; В. С. Панкратов. Воспоминания. М., 1923; С. Василоченко, Ив. Ставский. Первый бой. М., 1922; А. Марцинковский. Записки рабочего-большевика. Саратов, 1923; В. Бонч-Бруевич, Н. Гусев, Н. Крупская, Ф. Чучин. Как мы учились марксизму. Воспоминания. М., 1923.

⁵ «Федосеев Николай Евграфович. Один из пионеров революционного марксизма в России». М.—Пг., 1923; «Старый товарищ Алексей Павлович Скляренко (1870—1916)». М., 1922; А. Н. Рябинин. Материалы для биографии Р. М. Семенчикова (1877—1911). М., 1922; «Революционная деятельность Конкордии Николаевны Самойловой». М., 1922; А. Елизарова. О жизни В. И. Ульянова (Ленина) в Казани 1877—1898 гг. Приложение. Документы жандармского управления. — «Пути революции» (Казань), 1922, № 2; А. Табейко. Из прошлого товарища Ленина.— Там же, № 3; «Мирской приговор и письмо крестьян дер. Кокушкино к тов. Ленину». — Пути революции. Казань, 1923, № 3, и др.

Все эти издания содержали богатый фактический материал по истории русского революционного движения конца XIX — начала XX в. Они ценны для изучения обстановки в стране, положения и настроения рабочего класса и передовой интеллигенции, роста классового самосознания пролетариата, поворота его передовой части от народнической идеологии к марксизму, для разработки истории создания и деятельности подпольных рабочих кружков и организаций, распространения марксизма в России, возникновения и первых шагов социал-демократической рабочей партии, для исследования форм и методов ее работы среди масс, роста рабочего движения накануне революции 1905 г.

Вышедшие в те годы воспоминания и документы по истории первой русской революции хотя и не дают полного представления о революционных событиях, но по ряду вопросов содержат интересные сведения и факты. Они показывают положение пролетариата накануне революции, формы и средства борьбы восставших, деятельность местных социал-демократических организаций, подготовку и ход вооруженного восстания в Москве, самоотверженную борьбу рабочих на баррикадах, рассказывают о расправе царского правительства с восставшими рабочими⁶.

Особенно большое внимание уделялось изданию источников по истории подготовки и проведения социалистической революции в нашей стране. Были опубликованы ценные материалы по истории рабочего движения и деятельности Российской социал-демократической рабочей партии большевиков накануне революции 1917 г.⁷ Интересный сборник «Памятники агитационной литературы Российской социал-демократической рабочей партии» был выпущен Петроградским истпартом. В него

⁶ «Большевистские тайные типографии в Москве и в Московской области». М., 1923; «Путь к Октябрю», вып. II; «Пролетарская революция на Дону», вып. I. Ростов-на-Дону, 1922; «Сборник Истпарта», 1922, № 1; «Лейтенант П. П. Шмидт». М., 1922; «Лейтенант П. Шмидт». Воспоминания сестры. Пг., 1923; «Революционное прошлое» (Уфа), 1923, № 1; «Революционное былое» (Тула), 1923, № 1; «Пути революции» (Казань), 1923, № 3, и др.

⁷ «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», ч. I. М., 1921; «Путь «Правды»». Тверь, 1923; «Памятники агитационной литературы Российской социал-демократической рабочей партии. Период войны», т. VI, вып. I. Пг., 1923; «Накануне революции». М., 1923; «Летопись революции» (Харьков), 1923, № 2; «Красная летопись» (Пг.), 1922, № 2—3, и др.

вошло 155 документов (прокламации, воззвания, листовки РСДРП, извлеченные из дел департамента полиции). Во вступительной статье В. И. Невского давалась характеристика рабочего движения в России, тактики большевиков и позиции меньшевиков накануне и в начале империалистической войны. В сборнике отражена и деятельность местных социал-демократических организаций; в нем имеются прокламации, изданные в 1914 г. в Астраханской, Екатеринославской, Калужской, Костромской губерниях, в Баку, Киеве, Самаре, Саратове и других городах. Следует отметить высокий археографический уровень этого издания. Весь материал разбит на четыре отдела: 1) прокламации Центрального Комитета и заграничных групп; 2) прокламации, изданные в Петербурге; 3) прокламации, изданные в Москве; 4) прокламации, изданные в провинции (по губерниям и областям). Внутри разделов документы расположены в хронологическом порядке и снабжены примечаниями редакции, в которых содержатся сведения о том, где, когда и кем, по поводу каких событий издан документ, в каком виде и где хранится. Примечания написаны на основании анализа документов, материалов Историко-революционного архива и мемуаров участников революционного движения. Не все примечания в одинаковой мере полны, однако они в то время очень помогали изучению материалов, помещенных в сборнике. Подобные издания были значительным шагом вперед в развитии советского источниковедения и археографии, накапливавших ценный опыт по изучению и изданию исторических документов.

В публикациях начала 20-х годов история революционного движения допролетарского периода занимала значительно меньше места. Среди этих изданий преобладали материалы по истории народничества, особенно воспоминания видных деятелей и участников революционного движения⁸. Наиболее интересный среди этих публикаций сборник «Черный передел»⁹, содержащий статьи из органа социалистов-федералистов за 1880—1881 гг. Продолжалась публикация трудов деятелей революционного движения, а также материалов для изучения их био-

⁸ Л. Дейч. Дмитрий Александрович Клеменц. Пг., 1921; он же. Как я стал революционером. Пг., 1921, он же. За полвека, М., ч. 1, 1922; ч. 2, 1923; В. Фигнер. Запечатленный труд. Пг., 1921.

⁹ «Черный передел. Памятники агитационной литературы», т. I. Пг., 1923.

графий¹⁰. Значительно меньше источников выходило по истории революционного движения начала и середины XIX в.¹¹.

Названные выше публикации исторических документов и мемуаров органически вошли в советскую историческую науку, положив начало широкому изданию источников по истории России и прежде всего по истории революционного движения. Этой литературой широко пользовались исследователи 20-х годов.

Успешно продолжалась работа по изданию материалов по истории международных отношений и первой мировой войны¹². В отличие от публикаций предшествующего периода они были подготовлены преимущественно историческими научными учреждениями и историками-профессионалами.

После заключения Версальского договора в Англии, Франции и особенно Германии появилась многочисленная мемуарная литература, принадлежавшая видным участникам политических событий кануна мировой войны. Авторы этих воспоминаний выступали с целью реабилитации своей прошлой деятельности, с тем чтобы снять с себя и своих правительств ответственность за развязывание войны, оправдаться перед народами своих стран. Возникло несколько различных точек зрения по вопросу о виновниках войны.

¹⁰ М. Бакунин. Исповедь и письмо к Александру II. М., 1921; П. Лавров. Социальная революция и задача нравственности. Пг., 1921; В. И. Засулич. Революционеры из буржуазной среды. Пг., 1921; «Дневник П. А. Кропоткина». М.—Пг., 1923; «Г. В. Плеханов». Материалы для биографии. М., 1922; «Герман Александрович Лопатин (1845—1918)». М., 1922; «Материалы для биографии П. Лаврова». Пг., 1921; «М. Бакунин». Материалы для биографии, т. I. М., 1923 и др.

¹¹ М. С. Лукин. Сочинения и письма. Пг., 1923; М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Пг., 1922; «Декабристы. Судное дело Рылеева». Пг., 1923; «Политические процессы 60-х годов». М., 1923; М. И. Михайлов. Записки 1861—1862 гг. Пг., 1922, и др.

¹² В изучаемый нами период были изданы следующие публикации источников: «Материалы по истории франко-русских отношений». М., 1922; «Русско-германские отношения 1873—1914 гг.». Документы из секретного архива. — «Красный архив», 1922, кн. I; «Доклады бывшего министра иностранных дел С. Д. Сазонова Николаю Романову (1910—1912 гг.)» — «Красный архив», 1923, кн. III; «Переписка В. Н. Коковцова с Эд. Нецлиным» — «Красный архив», 1923, кн. IV; «Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны». М., 1922; «Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем». — «Красный архив», 1922, кн. I—III; «Начало войны 1914 года». Часть ведомственного дневника и переписка. — «Красный архив», 1923, кн. IV и др.

Авторы многочисленных мемуаров пытались обосновать свои, выгодные им и правящим классам их стран, объяснения причин возникновения мировой войны. Палеолог, Пурталес, Вильгельм II старались объяснить причины войны злой волей отдельных стран и их политических руководителей, не пожелавших дипломатическим путем ликвидировать назревший конфликт. Министр иностранных дел Австрии Чернин доказывал, что войну развязали Россия, Сербия и Италия. Германский посол Пурталес тоже изображал в своих мемуарах Россию как главного виновника войны. Для правящих классов западных стран эти объяснения стали средством разжигания шовинизма политически близоруких мелкобуржуазных масс. Фальсификаторские измышления охотно подхватила буржуазная наука всех стран. Необходимо было опровергнуть не соответствующие действительности объяснения, вскрыть истинные причины возникновения войны, разоблачить ее настоящих виновников.

При всей тенденциозности и ограниченности мемуарных источников они содержали ценный фактический материал по истории подготовки и возникновения мировой войны. К тому же воспоминания политических деятелей различных стран дополняли, опровергали, проверяли друг друга, что давало возможность восстановить действительную картину событий. Поэтому у нас в стране были переведены и изданы воспоминания политических деятелей разных стран¹³. Опубликованием разоблачительных документов и этих мемуаров было положено начало научной разработке истории первой мировой войны, особенно вопросов ее дипломатической подготовки и возникновения.

В те годы среди историков-марксистов не было единого мнения по этой важной проблеме, хотя в работах В. И. Ленина очень ясно и четко сказано, что виновни-

¹³ М. Палеолог. Царская Россия во время мировой войны. М., 1923; он же. Царская Россия накануне революции. М.—Пг., 1923; Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. М.—Пг., ч. I, 1923; ч. II, 1924; «Воспоминания Гинденбурга». Пг., 1923; Гр. Пурталес. Между миром и войной. Воспоминания бывшего германского посла в России. М.—Пг., 1923; О. Чернин. В дни мировой войны. Воспоминания бывшего австрийского министра иностранных дел. М.—Пг., 1923; «Записки германского кронпринца». М.—Пг., 1923; Вильгельм Гоенцоллерн. Мемуары. Пг., 1922; Д. Бьюкенен. Мемуары дипломата. М., 1923; М. Эрцбергер. Германия и Антанта. М.—Пг., 1923 и др.

ками войны являются буржуазные правительства всех стран. В ряде трудов, предисловиях к сборникам документов и публикациям на страницах «Красного архива» М. Н. Покровский отстаивал свои неверные взгляды, сводя причины войны к русско-германским противоречиям, причем большую долю вины приписывал русскому царизму. М. П. Павлович-Вельтман видел причины войны в том, что накануне войны 1914—1918 гг. пришли в острое столкновение не только империалистические планы Германии и Англии, но также Германии и России, Германии и Франции, Австрии и России, в результате чего возникла не англо-германская только или даже не англо-германо-франко-русская война, а мировая¹⁴. Однако Павлович не связывал в единое целое ленинское учение об империализме, неравномерности и скачкообразности развития стран. Противоречия между странами он сводил к борьбе за уголь, железо и мировые торговые пути.

Ошибочные точки зрения историков отражены в работах тех лет, в предисловиях к сборникам документов и мемуаров, что необходимо учитывать при использовании и оценке этих изданий. Дальнейшая публикация материалов по истории международных отношений позволила вскрыть ошибки тех лет и дала возможность исследовать и восстановить истинную картину событий первой мировой войны.

В те годы издавались также источники по истории внутренней политики царизма. Среди них первое место занимали мемуары, дневники, переписка крупнейших представителей господствующего класса и бюрократической верхушки, ценные для изучения внутренней политики царизма XIX—XX вв., положения и настроения правящих кругов, разложения и деградации царизма накануне революции¹⁵. Они помимо научных целей

¹⁴ М. П. Павлович. Предисловие к книге О. Чернина «В дни мировой войны», стр. 11.

¹⁵ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I, II. М.—Пг., 1923; А. Лопухин. Отрывки из воспоминаний. М.—Пг., 1923; «К. П. Победоносцев и его корреспонденты». М., 1923; А. С. Суворин. Дневник. Пг., 1923; «Дневник А. А. Половцева». — «Красный архив», 1923, кн. III—IV; «Письма К. П. Победоносцева к Александру III». — Там же; П. Г. Курлов. Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира корпуса жандармов. Пг., 1923; «Переписка Николая и Александры Романовых», т. III. М., 1923; «Убийство Распутина». Из дневника Пуришкевича. М., 1923 и др.

были нужны для борьбы против остатков и пережитков реакционной идеологии среди определенных слоев населения.

Как указывалось выше, материалы о царской тюрьме, каторге и ссылке начали широко печататься уже в годы гражданской войны. Основное место среди этих изданий принадлежало мемуарной литературе, авторами которой были участники революционного движения¹⁶. В публикации материалов по этой мало изученной проблеме большую роль сыграло Общество бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев, его журнал «Каторга и ссылка»¹⁷.

Таким образом, изданные в начале 20-х годов исторические источники вводили в научный оборот большое количество нового фактического материала по русской истории XIX—XX вв. Эти публикации расширили тематику и фактографическую основу советской историографии. Однако некоторые важные вопросы в них были отражены слабо, в частности по истории крестьянского движения, классовой борьбы XVIII и первой половины XIX в. Не публиковались источники по истории революционного движения XVII—XVIII вв. Развитие промышленности, сельского хозяйства, торговли в XX в. освещалось только в статистических изданиях¹⁸.

¹⁶ В. Фигнер. Шлиссельбургские узники. М., 1920; М. Новорусский. Записки шлиссельбуржца. Пг., 1920; И. Генкин. Из воспоминаний политического каторжанина. Пг., 1919; он же. По тюрьмам и этапам. Пг., 1922; В. Ногин. На полюсе холода. М., 1919; «Карийская трагедия 1889 г.». Воспоминания и материалы. Пг., 1920; С. И. Часовенный. Орловская каторжная тюрьма. Пг., 1919; Б. Фроммет. Как расправлялось царское правительство с политическими противниками. М., 1918; В. С. Панкратов. Жизнь в Шлиссельбургской крепости. Пг., 1922; И. П. Вороницын. Из мрака каторги. Уфа, 1922; В. Н. Залеский. Восемь побегов. М., 1923; М. Ольминский. Три года в одиночной тюрьме (1896—1898). М., 1923; А. П. Прибылева. От Петербурга до Кары (80-е годы). М., 1923 и др.

¹⁷ На страницах журнала были опубликованы: «За завесой прошлого». Документы из «охранки». — «Каторга и ссылка», 1921, кн. 2; С. Васильченко. По падам Забайкалья. — Там же; Ф. Кон. На Каре. — Там же, 1922, кн. 3; «Нерчинская каторга». (Воспоминания). — Там же; «Амурская колесная дорога». — Там же; «Бутырская тюрьма». — Там же; «Александровский централ». — Там же; Ф. Кон. От Кары до Иркутска. — Там же и др.

¹⁸ «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», вып. 1—2. М., 1921; «Статистический ежегодник 1918—1920». М., 1922; «Мировое сельское хозяйство». Сборник статистико-экономических сведений за 1913—1920 гг. М., 1922; «Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг.», М., 1922 и др.

Характерным для публикации источников 20-х годов является объективность, подлинно научный подход к исследованию истории. За границей в это время выходили материалы только лагеря контрреволюции, ярко выраженного тенденциозного, антисоветского характера¹⁹.

В буржуазной исторической науке хорошо была разработана (конечно, с позиций буржуазной методологии) критика и принципы издания источников феодального периода (X—XVIII вв.). Новой и новейшей истории уделялось мало внимания, история революционного движения не изучалась совсем. У советской исторической науки в этой области не было опыта старого источниковедения и археографии. Критику источников по истории классовой борьбы и революционного движения, принципы издания приходилось создавать заново. И хотя публикации тех лет страдали серьезными недостатками, тем не менее в этой области были достигнуты значительные успехи. В критике памятников прошлого в общем правильно был определен круг проблем и задачи исследования. Время появления памятника, его автор, характер, из какого лагеря исходит, степень точности сообщаемых фактов, событий, ценность данного источника для науки — все эти сведения обычно помещались в предисловиях, примечаниях и комментариях.

В. И. Ленин, занятый важнейшими государственными делами, находил время интересоваться развитием научно-публикаторской работы в стране. Он требовал большого внимания и серьезного отношения к этому важному делу; он приходил в негодование от всякого рода безответственности и халатности издателей и составителей документальных сборников, требовал немедленного исправления ошибок и сурового наказания виновников. Так было, например, со сборником по истории русско-французских отношений, вышедшим в 1922 г. Познакомившись с ним, В. И. Ленин 15 апреля писал И. В. Сталину для Политбюро: «Только что получил книгу „Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.“».

¹⁹ Выходивший в Берлине «Архив русской революции» (изд. Гессен) справедливо называли в те годы «архивом русской контрреволюции».

Томище в 733 страницы издан с тем бесстыдным истинно советским неряшеством, за которое надо сажать в тюрьму. Нет цены. Нет подписи ответственного лица или лиц. Нет указателя!! Простой *перечень* имен составлен *неряшливо*. И т. д.

Предлагаю:

1) обязать Ганецкого и Карахана найти в 2-х дневный срок всех ответственных за издание лиц;

2) их же — задержать продажу книги;

3) — подготовить листок для вклейки с указанием на нехватящее;

4) — подготовить указатель толковый; одним словом, к четвергу представить в ЦК *краткий* доклад о всех безобразиях — дефектах издания и о способах исправления.

Ленин

Р. С. В „Предисловии” — *неподписанном!* — назван М. Н. Покровский, но ясно, что за *издание*, за его *технику* отвечает не он, работавший над *собираанием* материалов»²⁰. По требованию В. И. Ленина в книгу срочно были внесены исправления.

Историки-марксисты только что приступали к изучению богатого наследия и методики работы К. Маркса и В. И. Ленина над историческими источниками. Там, где изданиям документов предшествовала большая подготовительная работа по выявлению, отбору и археографической обработке материалов, они были совершеннее; например, «Памятники агитационной литературы», «К двадцатипятилетию Российской социал-демократической рабочей партии», «Крестьянское движение 1902 г.» и ряд публикаций на страницах журналов отличаются довольно высоким научным уровнем. Обстоятельные вступительные статьи, продуманное расположение материалов, серьезные примечания и указатели,— все это облегчало использование исторических источников в научно-исследовательской и педагогической работе. Так в процессе подготовки и издания исторических документов накапливался опыт в области источниковедения и археографии, вырабатывались важнейшие принципы публикации исторических источ-

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 240—241.

ников нового типа; развивались новые вспомогательные дисциплины — советское источниковедение и археография.

Историческая литература начала 20-х годов по своему научному уровню была значительно выше изданий предыдущих лет. К этому времени были уже накоплены некоторые навыки источниковедческой и археографической работы, успешно привлекались историки старой школы (В. И. Пичета, С. Н. Валк, А. А. Шилов, М. К. Лемке и др.).

Как уже отмечалось, проблемами истории рабочего класса и его борьбы занимались до революции все видные деятели российской социал-демократии.

Вождь пролетариата, гениальный теоретик большевизма и основатель партии В. И. Ленин в своих трудах исследовал историю рабочего класса в тесной связи с более общими теоретическими вопросами о становлении и развитии капиталистической формации, о ее особенностях в России; исторические сюжеты были подчинены главному вопросу — выявлению всемирно-исторической роли пролетариата и его гегемонии в предстоящей социалистической революции. Можно без преувеличения сказать, что любое произведение В. И. Ленина так или иначе затрагивает проблемы рабочего движения, но наиболее важными его трудами, в которых решались кардинальные проблемы рабочего класса и его борьбы были: «Развитие капитализма в России» (1899), «Новое побоище» (1901), «О статистике стачек в России» (1910), «Роль сословий и классов в освободительном движении» (1913), «Революционный подъем» (1912), «Из прошлого рабочей печати в России» (1914) и др. В. И. Ленин всесторонне исследовал вопросы дифференциации крестьянства, источники и темпы формирования рабочего класса, важнейшие этапы его эволюции, экономическое, политическое и правовое положение пролетариата в условиях самодержавно-помещичьего строя, состав и характер его важнейших отрядов в связи с особенностями социально-экономического и политического развития России. В. И. Ленина интересовали важнейшие закономерности экономической и политической борьбы пролетариата, формы классовой борьбы и их

изменения, роль пролетариата в истории русского освободительного движения и его различных отрядов в борьбе против буржуазии.

В трудах В. И. Ленина содержится глубокий анализ социальных корней и условий возникновения двух тенденций в рабочем движении — революционной и оппортунистической, борьбы между ними. Обобщая опыт революционного движения, Ленин исследовал все важнейшие стороны борьбы рабочего класса в период первой буржуазно-демократической революции в России, его роль как гегемона революции и как союзника крестьянства. К истории рабочего класса дооктябрьского периода В. И. Ленин неоднократно обращался и после победы социалистической революции.

В дореволюционной большевистской социально-экономической и общественно-политической литературе, в трудах В. В. Вакара, В. В. Воровского, А. И. Предкальна, И. И. Скворцова-Степанова, А. М. Стопани, С. И. Черномордика и других, освещались проблемы соединения рабочего движения с социализмом, история рабочих организаций и профессионального движения, соотношение различных форм борьбы рабочего класса, условия его быта и труда, фабричное законодательство. П. А. Джапаридзе и С. Г. Шаумян исследовали проблемы интернационального единства рабочих различных национальностей России и пролетарской солидарности²¹.

Условия развития исторической науки, малочисленность марксистских кадров исследователей не позволили приступить в те годы к изучению всех сторон и сюжетов истории рабочего класса России. Историки тех лет занимались преимущественно проблемами революционной борьбы пролетариата, ее важнейших этапов, историей революционных организаций. В изучении политической истории рабочего класса они опирались на ленинские труды и тот социально-экономический анализ, который в них содержался. Они руководствовались ленинскими теоретическими положениями, методологией и методикой изучения истории рабочего класса и его борьбы, разработанными Лениным.

²¹ «Очерки истории исторической науки в СССР», М., т. III, 1963, т. IV, 1966.

Дореволюционная и послеоктябрьская меньшевистская историография накопила некоторый фактический материал и опыт по данной проблеме (работы А. Е. Ельницкого, Н. Рожкова, К. Пажитного, М. Балабанова и др.). Однако меньшевистская концепция истории рабочего и социал-демократического движения определяла не только идейную направленность этих исследований, но и развитие фактографической основы, подчинив и ограничив ее общей меньшевистской схемой. Историографы меньшевистского направления вопреки уже известным в то время фактам преувеличивали стихийный характер рабочего движения конца XIX — начала XX в., идеализировали значение экономической борьбы пролетариата, умаляли роль рабочих и социал-демократических организаций и их руководство в развитии политических форм борьбы пролетариата. Изучая историю борьбы рабочего класса в отрыве от общественно-политической жизни страны и других слоев трудящихся, в особенности крестьянства, меньшевистские историки игнорировали такие важные вопросы, как формирование союза рабочего класса и крестьянства в ходе совместной борьбы против самодержавия, развитие революционной идеологии рабочего класса, обходили решение такой проблемы, как соединение социализма с рабочим движением, внесение сознательности в пролетарское движение. В искаженном виде они изображали связь большевистской партии с пролетарскими массами, отношение различных отрядов российского пролетариата к большевикам и меньшевикам.

Перед советской историографией встала трудная задача разоблачения меньшевистских концепций и противопоставления им марксистско-ленинского понимания истории пролетарского движения в России. Это определило боевую полемическую направленность первых советских исследований. Историки-марксисты на новом фактическом материале путем его глубокого исследования и обобщения показывали несостоятельность, противоречивость, односторонность и тенденциозность меньшевистской историографии, утверждали своими работами марксистско-ленинскую концепцию истории революционного движения.

Изучение трудов историков-марксистов по истории рабочего класса конца XIX — начала XX в., вышедших

в 1921—1923 гг., позволяет выявить научный уровень этих работ, их фактографическую основу, характерные черты и особенности, и, наконец, то новое, что они давали советской науке в этой важнейшей области отечественной истории. Среди первых советских исследователей истории пролетариата России следует отметить В. И. Невского. В 1922 г. он издал книгу о деятельности рабочего союза, созданного 1897 г. в г. Николаеве²². «Одна из таких организаций — „Южно-русский союз борьбы за освобождение рабочего класса“ — в девяностые годы прошлого века имела очень большое значение в деле объединения революционного социал-демократического движения в южном промышленном районе», — писал В. И. Невский. Для исследования В. И. Невского характерно привлечение широкого круга документальных материалов департамента полиции, хранившихся в Историко-революционном архиве Петрограда. Эта особенность заметно выделяет его труд из всей литературы тех лет. Истории образования и деятельности Южно-русского рабочего союза автор предпослал краткое описание состояния рабочего движения на юге России в 90-е годы XIX в. Характеризуя состав пролетариата, В. И. Невский отмечал: «Николаевский рабочий, очевидно, и представлял собой соединение всех этих слоев южно-русского пролетариата, начиная от высоко развитых, выдающихся одиночек и кончая самым отсталым и неразвитым, выходящим из средней России, — массу, где во всяком случае можно было найти благодарную почву для социалистической пропаганды»²³. Основная часть работы В. И. Невского освещает возникновение, структуру и деятельность Николаевского союза, его связь с другими организациями, с общероссийским социал-демократическим движением. Специальную главу автор отводит характеристике кружков, входивших в союз, особенно подробно останавливаясь на пропагандистской работе. В. И. Невский пытается вскрыть связь Николаевского союза с рабочими организациями Одессы, Киева, Екатеринослава, Херсона и проследить

²² В. И. Невский. Южно-русский рабочий союз в городе Николаеве в 1897 г. М., 1922. Позднее эта работа вышла под названием «Николаевский южно-русский рабочий союз» (Пг., 1923).

²³ В. И. Невский. Южно-русский рабочий союз в городе Николаеве в 1897 г., стр. 3, 17.

объединительные тенденции в рабочем движении 90-х годов.

Характеризуя итоги деятельности Южно-русского рабочего союза, В. И. Невский делал вывод, что «даже при условиях неимоверно тяжелых, при отсутствии людей она (организация.— Г. А.) правильно сумела поставить и разрешить три вопроса: в условиях подпольной работы придать своей организации массовый характер, ибо она фактически вовлекла в сферу своего влияния не только те две-три сотни рабочих, какие формально с нею связаны, а всю массу трудовых рабочих (организацию знали все рабочие), затем она сумела создать такую организацию, главное ядро которой было чисто пролетарским ядром, и, наконец, она правильно поставила и разрешила вопрос о связи одной революционной струи с общим революционным движением, по крайней мере, юга России»²⁴. Книга В. И. Невского в некоторой мере уже устарела и нуждается в серьезных поправках, однако в те годы она была значительным исследованием по истории рабочего движения юга России в конце XIX в. Критика высоко оценивала работу В. И. Невского. Согласившись с утверждением автора, что руководители союза не были еще марксистами, что их теоретические воззрения были еще неопределенными, Фридлянд выступил против Невского, утверждавшего, что «ни о какой политической борьбе за политическую свободу против царского самодержавия и речи быть не могло». К сожалению, рецензент не приводил никаких доказательств в подтверждение своей точки зрения. Однако Фридлянд, как и Невский, считал, что Южно-русский рабочий союз сыграл важную роль в подготовке социал-демократической партии, явившись одним из ее предшественников²⁵.

Книга молодого историка В. Астрова, учившегося тогда в Институте красной профессуры, посвящена одному из ранних оппортунистических течений в истории русской социал-демократии, предшественнику меньшевизма — экономизму. Основной теме автор предпослал краткий очерк экономического развития России конца XIX в., написанный на основе историко-экономической

²⁴ Там же, стр. 54—55.

²⁵ «Печать и революция», 1922, № 2, стр. 289—290

литературы и не являющийся результатом самостоятельного исследования. Основная часть его работы, посвященная вопросам характеристики зарождения и развития этого течения, определению его социальной базы, политических и тактических принципов, явилась итогом самостоятельного исследования и изучения значительного круга источников. Автор широко использовал документы, вышедшие из лагеря экономистов («Credo», «Рабочая мысль», «Рабочее дело» и др.). Методологической основой его работы были сочинения В. И. Ленина, в которых дана оценка этого оппортунистического направления, его ограниченности и опасности для пролетариата и социал-демократии. В этом плане фактический материал книги как бы иллюстрирует ленинские выводы²⁶. Специальный раздел книги, вызвавший в те годы бурную полемику на страницах советской прессы, освещает вопрос о социальных корнях экономизма. Классовую базу экономизма автор видел в значительном приливе в ряды рабочего класса непролетарских слоев, которые неизбежно накладывали «отпечаток консервативности и на самые формы рабочего движения». Эти мелкобуржуазные элементы явились основой того течения в рабочем движении, которое получило название экономизма. «...Мелкобуржуазная психология, в свою очередь, переходила на прочие группы рабочих, ибо непосредственный ее носитель давил своим количеством, и тем усиливала те иллюзии, которые вызывал подъем и успех стачек у всего пролетариата в целом». С другой стороны, оппортунизм вырос на основе так называемой «рабочей аристократии», и «только для этой узкой прослойки рабочих экономизм имел свой настоящий смысл тред-юнионизма»²⁷.

Определяя экономизм как оппортунистическую систему, вскрывая его антиреволюционный характер, В. Астров постоянно обращается к работам В. И. Ленина, противопоставляя экономизму марксистско-ленинскую теорию и тактику. В заключении работы автор показывал, что «меньшевизм так же, как и экономизм опирается на слои рабочих, близкие к мелкой буржуазии, питается мелкобуржуазными настроениями в рабочей

²⁶ В. Астров. «Экономисты» — предтечи меньшевиков. Экономизм и рабочее движение в России на пороге XX века. Изд. 1-е. М., 1923; изд. 2-е, 1924.

²⁷ Там же, изд. 1-е, стр. 37, 39.

среде»²⁸. Сравнением этих двух течений вскрывалась их тесная идейная и историческая связь и преемственность.

Исследование В. Астрова опровергает меньшевистскую трактовку экономизма, нашедшую особенно полное выражение в работах бывшего экономиста и меньшевика Акимов-Махновца²⁹. Астров сумел не только отказаться от меньшевистской трактовки экономизма, но и выступил с критикой меньшевиков по важнейшим вопросам: определение социал-демократии, соотношение экономической и политической борьбы, значение социалистической теории для рабочего движения, роль партии как руководителя пролетариата и др. Опportunитической трактовке роли социал-демократии как «лишь сознательной выразительнице» стихийного рабочего движения автор противопоставил марксистско-ленинское понимание. «Социал-демократия, — писал он, — есть соединение рабочего движения с социализмом, классовой борьбы пролетариата с его классовым сознанием»³⁰. В противоположность меньшевистской характеристике Петербургского союза борьбы как организации, ничем принципиально не отличавшейся от стачечных касс и явившегося родоначальником экономизма, В. Астров, освещая деятельность Союза, подчеркивает, что она «является самой блестящей страницей в истории движения». При этом автор показывает роль В. И. Ленина как руководителя Союза³¹. Ценным качеством работы В. Астрова является антименьшевистская направленность, именно в то время, когда меньшевистская историография, хотя и сдавала одну позицию за другой, но все же продолжала еще отстаивать свои концепции в истории рабочего движения.

Исследование В. Астрова имело и ряд существенных недостатков. Поскольку они были отмечены критикой тех лет, обратимся к полемике, вызванной появлением его книги. В 1923—1924 гг. в советской печати было опубликовано несколько рецензий, в которых по-разному

²⁸ Там же, стр. 131.

²⁹ В. Акимов-Махновец. Очерк развития социал-демократии в России. Пг., 1906.

³⁰ В. Астров. Указ соч., изд. 1-е, стр. 52.

³¹ Там же, стр. 59—60.

оценивались научные качества этой книги³². В заметке, опубликованной в «Спутнике коммуниста» за подписью А. С. (очевидно, А. Слепков), отмечалось, что В. Астров «блестяще справился с поставленной перед ним задачей», что он в живой и увлекательной форме характеризует теоретическую систему и тактику экономизма, удачно раскрывает его социальные корни. Автор рецензии в целом разделял взгляд В. Астрова, что экономизм базировался на полукрестьянских слоях пролетариата, «но если эта сырая, полукрестьянская масса не являлась постоянной базой оппортунизма, то у последнего имелся и постоянный оплот в лице рабочей аристократии, правда, составлявшей очень тонкий слой пролетариата»³³. Рецензенту Н. Н. Батурину книга В. Астрова понравилась «прежде всего основательной и всесторонней проработкой первоисточников», обстоятельным социально-экономическим очерком и анализом всех характернейших документов экономистов. По мнению Н. Н. Батурина, автор менее удачно справился с решением вопроса о социальной основе экономизма и меньшевизма, недостаточно глубоко раскрыл влияние на эти течения «верхушки», или «аристократии», рабочего класса, с одной стороны, и отсталой полукрестьянской массы, с другой. Указав на эти недостатки, Батурин, однако, рекомендовал книгу «как лучшее и наиболее полное пособие по вопросу об экономизме»³⁴.

В заметке, появившейся несколько ранее отзывом Н. Н. Батурина в журнале «Под знаменем марксизма» за подписью Н. Л-р³⁵, содержится отрицательная оценка книги В. Астрова и дается иное понимание вопроса о социальных корнях экономизма: «Экономизм не был вовсе отражением полукрестьянских слоев пролетариата. Экономизм фактически был настроением целиком и полностью той зародышевой рабочей аристократии и полуаристократии, которая тогда имела. Не на Урале, не в Сормове и т. д., а в Питере, Киеве, Польше —

³² «Спутник коммуниста», 1923, № 22; «Печать и революция», 1924, № 2; «Пролетарская революция», 1924, № 2; «Под знаменем марксизма», 1923, № 6—7; «Под знаменем марксизма», 1924, № 3.

³³ «Спутник коммуниста», 1923, № 22, стр. 270.

³⁴ «Пролетарская революция», 1924, № 2, стр. 209—210.

³⁵ Манера полемики и стиль дают основание предполагать, что заметка написана Н. Ленцнером — автором работ о Коминтерне.

вот где экономизм имел социальную базу. И не среди отхожих рабочих и не низших слоев пролетариата, а в экономически (а следовательно и культурно) более высших слоях пролетариата экономизм находил себе адептов»³⁶. С этих позиций он и критиковал книгу В. Астрова, охарактеризовав ее как неудачную попытку дать решение вопроса о классовой основе экономизма. По мнению Н. Л-ра, автор должен был изучить положение «привилегированной» части пролетариата Питера, Москвы и других промышленных центров, выяснить, в какой мере выделились квалифицированные слои рабочего класса, отдифференцировались от общей массы пролетариата, исследовать психологию и идеологию этой среды, организационные формы их объединения и т. п. Н. Л-р справедливо критиковал В. Астрова за то, что он совершенно не осветил политических условий, в которых оппортунизм потерпел крах, не показал разложение экономизма, без чего нельзя понять победы «Искры» на II съезде партии. Н. Л-р считал большим пробелом книги отсутствие в ней материалов о Бунде, «где экономизм принял классические формы, где наиболее ясно видны причины позднейшего перелома, где, наконец, наиболее ярко видна преемственная связь между экономизмом и меньшевизмом»; изучение Бунда позволило бы «вернее и лучше зарисовать и социальную базу экономизма и конкретную картину развития его как с.-д. течения»³⁷. С таких же позиций, но в более резкой форме, критиковал второе издание этой книги и В. Пепел.

В развернувшемся споре о социальных корнях экономизма Н. Н. Батурин защищал взгляд В. Астрова. Критикуя противников своей точки зрения, он еще раз подчеркивал, что экономизм, как оппортунистическое течение, мог опираться, с одной стороны, на отсталые полукрестьянские массы рабочих, а с другой — на высококвалифицированную «верхушку». Батурин решительно отвергал взгляд Н. Л-ра, что «экономизм целиком и полностью» опирался на рабочую аристократию³⁸. Однако слабая сторона суждений Н. Н. Батурина проявилась в том, что он не привел никаких новых фактов и доводов

³⁶ «Под знаменем марксизма», 1923, № 6—7, стр. 290.

³⁷ Там же, стр. 290—291.

³⁸ «Пролетарская революция», 1924, № 2, стр. 110.

для обоснования своей точки зрения. Развивая свои мысли, Н. Н. Батуриин подчеркивал, что оба эти фактора по-разному влияли на возникновение и развитие экономизма (Астров этого не показал), что если «полукрестьянские рабочие массы обнаруживали анархический уклон, то «верхушка» была проводником другого антипролетарского уклона, уклона либерального»³⁹.

С появлением статьи Г. Лелевича в журнале «Пролетарская революция» этот спор превратился в дискуссию о социальных корнях оппортунизма вообще, о его природе и характере влияния на рабочее движение⁴⁰.

Не вдаваясь в подробное описание этой полемики, выходящей за рамки нашей темы, отметим, что Г. Лелевич, выступая против Н. Батурина, доказывал: оппортунизм является выражением мелкобуржуазных тенденций в рабочем движении и что конкретный подход к выяснению социальных корней оппортунизма показывает мелкобуржуазную, а не крупнокапиталистическую природу оппортунизма, хотя на деле оппортунизм «служит крупной буржуазии для подчинения себе рабочего движения»⁴¹. В ответе Н. Батурина Г. Лелевичу подробно излагается его точка зрения на природу оппортунизма⁴². Тогда же В. Астров выступил на страницах «Спутника коммуниста» и журнала «Под знаменем марксизма» с ответом своим критикам⁴³. Продолжая отстаивать свой взгляд, он обращал внимание своих оппонентов на то обстоятельство, что в России вопрос о «рабочей аристократии» стоит иначе, чем в европейских странах. Выступая против Н. Л-ра и других, отрицавших влияние полукрестьянских слоев пролетариата на возникновение оппортунизма, и против Н. Батурина, умалявшего мелкобуржуазный характер экономизма, В. Астров еще раз подчеркивал: «...Современный оппортунизм во всех его видах представляет из себя сложный

³⁹ «Пролетарская революция», 1924, № 2, стр. 113.

⁴⁰ Г. Лелевич. Еще о «социальных корнях» экономизма и меньшевизма (По поводу статьи тов. Батурина). «Пролетарская революция», 1924, № 5; Н. Н. Батуриин. О влиянии крупной и мелкой буржуазии на рабочее движение (Ответ тов. Лелевичу). — «Пролетарская революция», 1924, № 6.

⁴¹ «Пролетарская революция», 1924, № 5, стр. 122, 127.

⁴² Там же, № 6.

⁴³ «Спутник коммуниста», 1923, № 25; «Под знаменем марксизма», 1924, № 4—5.

социальный комплекс, в котором в разных пропорциях и отношениях переплетаются и переливаются друг в друга две указанные мною социальные струи оппортунизма»⁴⁴. Из всех участников дискуссии взгляды В. Астрова оказались близки только к позиции Г. Лелевича, спорившего, однако, с Н. Батуриным.

Характер обсуждения проблем, поднятых в книге В. Астрова, показал, что среди историков-марксистов не было единого мнения по вопросу о социальных корнях оппортунизма, его природе и характере, а также о его особенностях в России. Решение вопроса тормозилось в то время слабой изученностью истории русского пролетариата, количества, степени влияния и особенностей рабочей аристократии в России.

Полемика вокруг книги Астрова весьма характерна для творческих обсуждений исторических исследований начала 20-х годов. Хотя они и страдали такими серьезными недостатками, как слабость аргументации, но нельзя не отметить важности поднимавшихся вопросов, глубоко творческого подхода историков к их решению.

Такой же характер носила дискуссия вокруг книги молодого в те годы историка, слушателя Института красной профессуры С. Айнзафта. Его работа посвящена зубатовщине и гапоновщине⁴⁵. В дореволюционной литературе история «полицейского социализма» описывалась как самими участниками событий, так и историками мелкобуржуазного, главным образом, меньшевистского направления. Эта литература давала исследователю фактический материал, но в ней, как правило, содержались неверное понимание сущности и роли этих организаций в истории рабочего движения, явная переоценка и преувеличение их значения, известная идеализация. В некоторых из этих работ чрезмерное внимание уделялось личности Гапона, его деятельности, степени популярности и другим подобным вопросам, которые нередко оттесняли историю рабочего класса и его борьбы на второй план. Задачи историка-марксиста при изучении этой темы, с одной стороны, несколько

⁴⁴ «Под знаменем марксизма», 1924, № 4—5, стр. 262.

⁴⁵ С. Айнзафт. Зубатовщина и гапоновщина. М., 1922. Первоначально работа была опубликована в журнале «Вестник труда» (1922, № 6) под названием «Полицейское рабочее движение в России»; второе издание, переработанное и дополненное, вышло в 1923 г.; четвертое издание (идентичное) — в 1925 г.

облегчались значительным количеством опубликованных материалов, но, с другой стороны, осложнялись необходимостью преодоления целого ряда сложившихся неверных взглядов на историю «полицейского социализма» в России. При всех серьезных недостатках книга С. Айнзафта явилась первой обобщающей марксистской работой о гапоновщине и зубатовщине. Автор не только собрал и осмыслил значительный фактический материал, но и сделал ряд интересных наблюдений и попыток по-новому подойти к решению некоторых вопросов исследуемой темы. Правильно, с марксистских позиций, определив сущность зубатовщины и гапоновщины, ее цели и задачи, С. Айнзафт, однако, сделал неверный вывод об историческом смысле и месте «полицейского социализма» в истории рабочего движения России. Он утверждал, что «полицейский социализм» явился закономерным явлением в истории русского рабочего движения, его органической частью; без него невозможно было дальнейшее развитие рабочего движения по тому пути, которым оно пошло. Трудно сказать, что привело автора к этому, совершенно не вытекающему из его исследования выводу. В основе этого, как нам кажется, лежало недостаточно глубокое знание предшествующего и последующего периодов истории рабочего движения. Автор не использовал архивные материалы, не все опубликованные источники привлек при подготовке первого и последующих изданий (например, «Красный архив», 1922, № 1, «Красная летопись», 1922, № 1). Недостаточное знакомство с работами В. И. Ленина, содержащими оценку зубатовщины и гапоновщины, помешало автору осмыслить и правильно оценить изученные события; преодолев немарксистскую трактовку «полицейского социализма», он не смог подняться до правильного решения этой темы в целом.

В том же году появились две рецензии на книгу С. Айнзафта. Авторами их были М. Н. Покровский и С. А. Пионтковский⁴⁶. Справедливо отметив основной недостаток работы, М. Н. Покровский допустил ряд искажений авторского текста и недостаточно обоснованных обвинений, хотя в целом дал высокую оценку

⁴⁶ «Вестник Социалистической академии», 1922, № 2; «Печать и революция», 1923, № 2.

книге. Он отмечал новизну тематики, добросовестное изложение фактического материала, освещение истории зубатовщины не только в Петербурге и Москве, как это делалось большинством его предшественников, но и среди пролетариата Минска и Одессы. Покровский упрекал автора в описательности, недостаточной последовательности и противоречивости. По его мнению, крупнейшей методологической ошибкой было игнорирование автором вопроса об объективных условиях подъема рабочего движения в 1904—1905 гг. и недооценка материального положения рабочего класса. Однако М. Н. Покровский несправедливо упрекал С. Айнзафта в непонимании таких категорий, как «сознательность» и «культурность», в недостаточности разработки вопроса о личности Гапона, его участии в революционном движении и связи с полицией. В одной из своих статей о 1905 г. В. И. Невский писал: «...Массовое революционное движение только за несколько часов его шествия до Нарвских ворот очистило его от его охранной скверны, а как только царские пули пронзили иконы и портрет царя, Гапона уже не было, остался только охранник, маленький и ничтожный, самовлюбленный и трусливый.... Героем 9-го января был только сам пролетариат, и в этом величие движения и состоит... Героем движения был только пролетариат, многоликий и единый, ступенчатый и мощный, наивный и самоотверженный, кровью своей оросивший первые шаги к свободе. Вот почему личность и дальнейшая судьба Гапона мало интересны»⁴⁷.

В противоположность С. Айнзафту, утверждавшему, что у петиции, с которой рабочие шли к царю, был коллективный автор, М. Н. Покровский высказал мнение, позднее совершенно отвергнутое наукой, что авторство принадлежало «освобожденцам».

В критике С. А. Пионтковского содержится ряд аналогичных упреков и замечаний. Кроме того, рецензент отмечал, что все внимание С. Айнзафта сосредоточилось на описании целей союзов и их деятельности, в то время как положение рабочего класса, отношение к зубатовщине других рабочих организаций, причины гибели зубатовщины остались невыясненными; что основную причину

⁴⁷ В. И. Невский. Январские дни в Петербурге в 1905 г. (По неизданным архивным материалам). — «Красная летопись», 1922, № 1, стр. 63.

краха зубатовщины С. Айнзафт объяснял внутренней противоречивостью самого явления, усиленно подчеркивая, что социал-демократия не сыграла никакой роли в ее разоблачении и ликвидации. Эту мысль С. Айнзафт обосновывал отсутствием фактов о деятельности социал-демократии в изученных им источниках. С. А. Пионтковский убедительно выступил против утверждения автора, доказывая, что поскольку об этой борьбе знали только те, кто ее вел, то она не получила отражения в дореволюционной литературе и источниках, которыми пользовался С. Айнзафт. Пионтковский отметил, что в архивах имеется ценный материал о борьбе социал-демократии с зубатовщиной, но автор его не использовал.

С развитием исторической науки точка зрения С. А. Пионтковского подтвердилась. «Книга, — писал Пионтковский, — написана марксистом, это ее несомненное достоинство»; однако «марксистский историк не может ограничиваться лишь компиляцией, перед ним стоит задача в самостоятельной разработке материала»⁴⁸.

Второе издание своей книги С. Айнзафт значительно дополнил и расширил, включив ряд новых материалов, в том числе архивных. Однако основной недостаток работы не был исправлен⁴⁹. В предисловии к этому изданию С. Айнзафт, отвечая на критику М. Н. Покровского, снова повторил свой неверный тезис, который был сформулирован более резко и категорично⁵⁰. Серьезная критика, направленная в адрес автора этой книги, свидетельствует о больших требованиях, которые предъявляли историки-марксисты к научной литературе, даже если ее авторами были начинающие исследователи.

Важным и характерным для советской исторической науки начального этапа ее развития было появление первых трудов по истории рабочего класса на периферии, преимущественно в районах развитого рабочего движения. На местных материалах, чаще архивных, чем опубликованных, авторы небольших по объему работ пытались осветить историю революционной борьбы рабочего класса конца XIX — начала XX в., вскрыть ее особеннос-

⁴⁸ «Печать и революция», 1923, № 2, стр. 166, 167.

⁴⁹ Сам автор отмечал, что переработка и дополнения коснулись только фактической стороны событий, а не общей точки зрения. Автор переделал 3-ю, 4-ю и 5-ю главы о зубатовском движении в Москве, Минске и Одессе.

⁵⁰ С. Айнзафт. Зубатовщина и гапоновщина. М., 1923, стр. 21—22.

ти и историческое значение как части общей борьбы российского пролетариата⁵¹. В дальнейшем с расширением деятельности местных отделений Истпарта, архивов, историко-краеведческих музеев и отделений научных обществ эта работа заметно расширилась и в ряде случаев дала весьма ценные результаты (Баку, Иваново-Вознесенск и др.).

Советская марксистская историография рабочего класса России и его борьбы с первых шагов своего развития противостояла меньшевистскому освещению данных вопросов своей концепцией, основанной на марксистско-ленинском понимании исторических закономерностей общественного развития. Нельзя согласиться с В. Я. Лаврычевым, изображающим первую половину 20-х годов как время безраздельного господства меньшевистской историографии в данной области исторической науки⁵². Изучение трудов историков-марксистов тех лет позволяет сделать вывод, что к середине 20-х годов в советской исторической науке сложилась солидная марксистско-ленинская традиция, четко определилась своя, противоположная меньшевистской, проблематика истории рабочего класса; это обеспечило в дальнейшем появление исследований по истории рабочего класса во второй половине 20-х годов.

Заметных успехов добилась марксистская историография начала 20-х годов в изучении истории революции 1905—1907 гг. Работы на эту тему охватывали значительный круг проблем, которые слабо освещались или совсем не освещались в дореволюционных большевистских изда-

⁵¹ Н. М. Добротвор. Первая рабочая демонстрация в Туле. Тула, 1923; П. К. Александров. Очерк рабочего движения Тверской губернии. 1885—1905. Тверь, 1923; В. Смирнов (Малков). На заре рабочего движения в Иваново-Вознесенске. Иваново-Вознесенск, 1921; М. Раstopчина. Очерки по истории революционного движения в Костроме. Кострома, 1922; «Рабочее и профессиональное движение в Нижегородском крае 1869—1917 гг.». Сборник статей. Нижний Новгород, 1923; А. Кийков. Из былого Урала. Материалы по истории революционного движения на Южном Урале и в Приуралье (1905—1916 гг.). Уфа, 1923; П. Каплан. История профессионального движения рабочих печатного дела гор. Харькова, ч. 1. Харьков, 1922; А. Татарчуков. Материалы по истории революционно-социалистического движения в Воронежской губернии, вып. 1. Воронеж, 1922 и др.

⁵² «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV. М., 1966, стр. 402—405.

ниях. Историки-марксисты, приступившие к разработке этой проблемы в первые годы Советской власти, имели солидную идейно-теоретическую базу, что значительно облегчало создание научной истории революции 1905—1907 гг.

Родоначальником научной концепции истории первой буржуазно-демократической революции в России и ее первым историком был В. И. Ленин. В его трудах, обобщавших опыт революционной борьбы народных масс, раскрыты важнейшие составные части марксистского понимания революции 1905—1907 гг., ее природа, характер и движущие силы, роль различных общественных классов в революционной борьбе. В. И. Ленин всесторонне проанализировал социально-экономические и политические предпосылки первой народной революции эпохи империализма, раскрыл роль пролетариата как гегемона революции и роль крестьянства как его союзника, показал задачи социал-демократической партии как руководителя масс в буржуазно-демократической революции, исследовал формы и средства революционной борьбы пролетариата, крестьянства, солдат; раскрыл место всеобщей политической стачки и вооруженного восстания в развитии революции. Ленин глубоко исследовал важнейшие вопросы, в частности значение Советов как органов восстания и формы диктатуры пролетариата, роль союза рабочего класса и крестьянства в период буржуазно-демократической революции; вскрыл причины поражения революции, политику антиреволюционного лагеря и буржуазно-помещичьего государства. Ленин показал своеобразие революции 1905—1907 гг., ее историческое значение как «генеральной репетиции» Великой Октябрьской социалистической революции, ее воздействие на углубление мирового революционного процесса.

Большевистская литература о революционных событиях 1905 г., вышедшая до 1917 г., представлена статьями В. В. Воровского, М. Н. Покровского, С. И. Черномордика и других историков. Они написаны по живым следам исторических событий. Авторы обосновывали и отстаивали марксистское понимание характера и движущих сил революции 1905—1907 гг., ее важнейших сторон и моментов. Эти статьи сыграли важную роль в утверждении марксистской концепции первой буржуазно-демократической революции, они разоблачали либерально-кадет-

ские и меньшевистские взгляды и оценки событий 1905—1907 гг.

Следует отметить, что большевики, изучавшие события 1905 г. до Октябрьской революции, в первые годы Советской власти почти не работали в этой области. Исследованием темы занимались главным образом В. И. Невский, начинающие историки С. М. Дубровский, А. Н. Слепов, С. Г. Томсинский,— в Институте красной профессуры, в семинаре М. Н. Покровского. Статьи В. И. Невского о январских событиях 1905 г. поражают даже современного читателя не только обилием нового фактического материала из Историко-революционного архива, но широким охватом событий, глубоким анализом, ясностью и четкостью изложения. Автор сумел передать в своих работах и драматизм, и противоречивость эпохи начала первой русской революции. Сочетание детального описания фактического хода истории с глубоким пониманием смысла и значения происходивших событий заметно выделяет серию его статей из литературы начала 20-х годов⁵³. На основе ленинского положения о всероссийском характере первой русской революции В. И. Невский описал январские дни 1905 г. не только в Петрограде и Москве, но и в Польше, на Кавказе, в Саратове, Прибалтике, на Украине. Этот широкий территориальный охват описываемых событий (весьма редкое явление не только в литературе тех лет, но и в наши дни) позволил автору путем сравнения сделать интересные наблюдения и выводы относительно характера развернувшихся в стране событий в различных по степени зрелости районах пролетарского движения. В. И. Невский сумел не только показать особенности и специфику рабочего движения тех дней, но и вскрыл их тесную связь, взаимное влияние, основанные на пролетарской солидарности и массовости движения, общности целей борьбы пролетариата разных районов страны. Все его статьи связаны одной целью — показать

⁵³ В. И. Невский. Январские дни в Петербурге в 1905 г. (По неизданным архивным материалам).— «Красная летопись», 1922, № 1, стр. 13—75; *он же*. Январские дни 1905 г. в Москве (По неизданным архивным документам).— Там же, № 2-3, стр. 7—27; *он же* Январские дни 1905 г. в провинции.— Там же, № 4, стр. 52—132; № 5, стр. 85—122; *он же*. Новороссийская республика 1905 г. (По архивным материалам).— «Пролетарская революция», 1923, № 11, стр. 12—41; *он же*. Декабрьская забастовка 1904 г. в Баку.— Там же, 1924, № 2, стр. 46—84; *он же*. Январские дни 1905 г. на Кавказе.— Там же, № 4, стр. 40—64 и др.

пробуждение широких пролетарских масс к сознательному революционному творчеству и громадный размах движения. Работы В. И. Невского оставили заметный след в исторической литературе о революции 1905 г., на них неоднократно ссылаются исследователи и публикаторы источников, высоко оценивая их научное значение. Позднее, продолжая работать над этой темой, В. И. Невский подготовил ряд ценных трудов, которые явились значительным вкладом в советскую историографию⁵⁴.

В ином плане была написана статья С. М. Дубровского, в которой сделана попытка дать общую характеристику крестьянского движения в годы первой русской революции⁵⁵. Автор не ставил перед собой задачи создания истории крестьянского движения; работа написана скорее в социологическом, чем в историческом плане. Недостаток фактического материала сказался в некотором схематизме работы, хотя в целом она дает правильное представление о характере и масштабах массового крестьянского движения 1905—1907 гг. Автор анализирует причины крестьянского движения, участие различных крестьянских слоев (бедняков, середняков, кулаков) в развернувшейся борьбе, направленность крестьянских выступлений, их формы, степень сознательности и организованности, тактику борьбы крестьян, причины поражения. В результате исследования этих проблем он приходит к выводу, что крестьянство не могло своими силами совершить революцию; успех крестьянского движения был неразрывно связан с победой рабочего класса, а поскольку пролетариат потерпел поражение, крестьянские выступления были подавлены; главную роль в ликвидации крестьянского движения играла неудача рабочей революции⁵⁶. И хотя не все утверждения автора достаточно обоснованы (определение характера революции в городе и деревне, например), по ряду вопросов в статье содержатся глубокие и интересные характеристики и наблюдения. Позднее С. Дубровский продолжил исследование этой темы.

⁵⁴ В. И. Невский. Январские дни в Петербурге в 1905 г. Харьков, 1925; *он же*. 9 января. М.—Л., 1925; *он же*. Рабочее движение в январские дни 1905 г. М.—Л., 1931; *он же*. Советы и вооруженное восстание в 1905 г. М., 1932.

⁵⁵ С. Дубровский. Аграрное движение 1905—1907 гг. — «Труды Института красной профессуры», т. I. М., 1923, стр. 179—207.

⁵⁶ Там же, стр. 202.

Характеристике социально-экономических процессов в деревне в годы революции 1905—1907 гг. посвятил свои статьи А. И. Тюменев⁵⁷.

С первых лет развития советской историографии в теме «Революция 1905—1907 гг.» важное место занимает вопрос о Советах и их функциях как органах пролетарской власти. Ему посвятил свою работу слушатель Института красной профессуры Н. Бабахан⁵⁸. Написанная на сравнительно небольшом количестве источников, эта книга давно устарела, но представляет значительный интерес для тех, кто исследует вопросы советской науки начального этапа развития.

Если в брошюре первого историка Советов Б. Кнунянца описывалась только деятельность Петербургского Совета, то в книге Н. Бабахана поставлена более сложная и трудная задача. Автор пытается дать общий очерк развития Советов в 1905 г., исходя из ленинского определения их сущности как органов революционной борьбы пролетариата. Не все сюжеты темы получили правильное и глубокое раскрытие, некоторые проблемы освещены поверхностно и схематично. Автор допустил ряд ошибок и фактических неточностей, неправильно, например, его утверждение, что Н. Ф. Самойлов был членом I Государственной думы. Однако важнейшие вопросы решены с марксистских позиций. В оценке характера и движущих сил революции, роли Советов в революции 1905 г. Н. Бабахан опирается на ленинские работы. В книге отмечалась громадная роль трудов В. И. Ленина, и в частности, его вывода о Советах как органах диктатуры пролетариата; подчеркивается полная противоположность взглядов большевиков и меньшевиков на Советы и их роль в борьбе пролетариата за власть; правильно оценивается деятельность большевиков в революции 1905 г. и их тактика в Советах. В этом плане работа Н. Бабахана противостояла меньшевистской и троцкистской оценке 1905 г., проводившейся в дореволюционной и ранней послеоктябрьской литературе по истории

⁵⁷ А. И. Тюменев. Между двумя революциями (Из экономических итогов революции 1905 г.). — «Красная летопись», 1923, № 5; он же. Революция 1905 г. и расслоение сельского населения. — «Вестник Социалистической академии», 1923, № 5; он же. Закон 9 ноября и политика насаждения хуторов. — Там же. № 6.

⁵⁸ Н. Бабахан. Советы 1905 г. М., 1923.

революции 1905 г. Автор в своей книге дал марксистско-ленинскую трактовку характера и движущих сил первой буржуазно-демократической революции в России. С появлением книги Н. Бабахана в советской исторической литературе началось обсуждение вопроса, какой Совет рабочих депутатов был первым — Петербургский или Иваново-Вознесенский. Ссылаясь на воспоминания Н. Ф. Самойлова об иваново-вознесенском рабочем движении 1903—1905 гг., Н. Бабахан выступил против утверждений Д. Сверчкова о том, что Петербургский Совет рабочих депутатов был первым⁵⁹.

Определяя историческое значение Советов, Н. Бабахан делал неверный вывод, утверждая, что «диктатура пролетариата, где бы и когда бы она ни была провозглашена, отныне выльется только в формы советской государственности; тому порукой уроки прошлого и объективные условия настоящего исторического момента»⁶⁰.

Значительный интерес представляет попытка автора поставить вопрос о зарождении идеи Советов в среде пролетариата на основе предшествовавшего опыта создания и деятельности различных рабочих организаций. Однако вывод, к которому пришел Н. Бабахан, не соответствует действительности; он был подвергнут критике в более поздней марксистской литературе о Советах⁶¹.

Ошибочный вывод Н. Бабахана созвучен другому теоретическому положению, проникшему в его книгу под влиянием меньшевистской и троцкистской литературы, в которой содержались попытки доказать, что инициатором создания Совета рабочих депутатов была Петербургская группа РСДРП (группа меньшевиков). Н. Бабахан писал, что меньшевики, сыграв важную роль в создании Совета, не поняли его исторического смысла и значения, они были «далеки от понимания настоящей роли и значения Советов в 1-й русской революции, как органов борьбы за власть и диктатуру пролетариата и крестьянства», «это свое непонимание роли Советов, перешедшее

⁵⁹ После выхода книги Н. Бабахана спор продолжался еще много лет между В. И. Невским, П. О. Гориним и др.

⁶⁰ Н. Бабахан. Указ. соч., стр. 6.

⁶¹ П. Горин. Очерки по истории Советов рабочих депутатов. М., 1925, стр. 2; В. И. Невский. Советы и вооруженное восстание в 1905 г., стр. 12.

его враждебность к ним, меньшевики ярко и полно выявили в 1917 г.»⁶². В таком изложении получается, что меньшевики создали организации, смысла которых не понимали, а в своей практической деятельности рассматривали их как органы самоуправления. Это противоречит другим утверждениям Н. Бабахана, а именно, что первым Советом рабочих депутатов был Иваново-Вознесенский, где меньшевики не играли никакой роли, что Советы 1905 г. как боевые революционные органы были созданы революционным творчеством пролетариата, что «Совет был подлинным детищем рабочих масс, он дышал и жил представляемой и организуемой им массой»⁶³.

В книге Н. Бабахана приводятся интересные выдержки из буржуазной прессы, которые свидетельствуют о том, что «несмотря на всю ненависть крепостников к кучке пролетариев», они совершенно правильно оценивали роль Совета как органа, «ведущего борьбу за власть и являющегося зародышем новой власти взамен отмирающей власти самодержавия»⁶⁴.

Н. Бабахан совершенно не привлекал архивных источников, что привело его к неверному выводу при сравнении Петербургского и Московского Советов. Как отмечал в рецензии А. Слепков, Н. Бабахан не смог показать Московский Совет, во главе которого стояли большевики, как руководителя и непосредственного организатора декабрьского вооруженного восстания. По мнению А. Слепкова, отсутствие в книге анализа классовых отношений в революции 1905 г. не позволило автору достаточно глубоко показать роль Советов в революции 1905—1907 гг.⁶⁵

Другая группа исследований, подготовленная в семинаре М. Н. Покровского по истории революции 1905—1907 гг. в Институте красной профессуры, относится к вопросу создания и деятельности Государственной думы⁶⁶. Среди них обращает на себя внимание небольшая

⁶² Н. Бабахан. Указ. соч., стр. 86—87.

⁶³ Там же, стр. 92.

⁶⁴ Там же, стр. 90.

⁶⁵ «Спутник коммуниста», 1923, № 23, стр. 253—254.

⁶⁶ А. Слепков. К эволюции положения о I Государственной думе.— «Труды Института красной профессуры», т. I (Статья в виде главы вошла в его монографию о I Государственной думе); Томсини (С. Г. Томсинский). Борьба классов и партий в I Государственной думе.— Там же; он же. Борьба классов и партий во II Государственной думе. М., 1924.

монография А. Слепкова о I Государственной думе⁶⁷. Перед автором стояла трудная задача овладения обильным фактическим материалом, опубликованным до 1917 г. Дореволюционная литература о думе создавалась авторами, принадлежавшими к различным политическим направлениям и партиям, что нашло свое отражение в оценке первого русского парламента. Если в кадетской литературе сознательно фальсифицировался состав Думы для того, чтобы скрыть ее буржуазно-помещичий характер, то меньшевистские авторы расценивали Думу как «центр революционного народного движения», как «орган революционной борьбы», доказывая, что большинство в Думе принадлежало городскому пролетариату, крестьянству и трудовой интеллигенции⁶⁸.

Критическое изучение и преодоление антимарксистских взглядов и оценок могло быть под силу только исследователям, овладевшим марксистской теорией и методологией. Большевистская литература, вышедшая до революции (работы В. В. Воровского, А. Г. Шлихтера и др.), носила, как правило, не исторический, а публицистический характер. Изучение Думы в историческом аспекте началось фактически только в начале 20-х годов.

Исследование А. Слепкова было подготовлено в историческом семинаре М. Н. Покровского в Институте красной профессуры в конце 1922 — начале 1923 г. Созданная на основе глубокого изучения и всестороннего анализа большого числа разнообразных источников, монография давала марксистское освещение не только истории создания и деятельности I Государственной думы, но, что особенно ценно, и раскрывала содержание развернувшейся в ней борьбы. Эта работа правдиво освещала действительный состав Думы, борьбу классов и партий в ней и вокруг нее.

Книга открывается интересной главой, посвященной эволюции положения о Государственной думе, в которой анализируются важнейшие законодательные документы и материалы Петергофского и Царскосельского совещаний. Особая ценность раздела в том, что автор впервые

⁶⁷ А. Слепков. Классовые противоречия в I Государственной думе. М., 1923.

⁶⁸ М. Б-ов, Ф. Дан. Рабочие депутаты в I Государственной думе. Пг., 1907.

в литературе рассматривает историю выработки положения о Думе в тесной связи с происходившими в стране событиями, с революционной борьбой трудящихся масс, оказывавших влияние на политику правящих классов и деятельность совещаний.

Во второй главе, посвященной социальному составу Государственной думы, в противоположность идеологам буржуазии, изображавшим Думу как истинно народное демократическое учреждение, А. Слепков доказывает, что сословный состав Думы не может служить характеристикой ее классового содержания. Поэтому он предлагает положить в основу исследования проблемы «не старые юридические пережитки феодализма, а классовый признак, критерием которого является положение в производстве и определяемое им участие в распределении общественного продукта...»⁶⁹. Поскольку партийность отражала социальную принадлежность членов Думы, А. Слепков, используя данные кадета Бородина, оговорив их неполноту и недостаточность для характеристики динамики политического состава Думы, дает описание классовой структуры Думы в нескольких составленных им таблицах и диаграммах. Полученные данные позволили автору сделать такой вывод: «Дума оказалась буржуазной по составу. Самая актуальная сила в революции — пролетариат — была вне Думы. Ясно поэтому, что анализ парламентской борьбы не может дать еще картины действительных классовых отношений России первого десятилетия XX века»⁷⁰. Изучая материалы обсуждения Думой ответа на тронную речь, вопросов об амнистии, о продовольствии и особенно аграрного, А. Слепков показал позиции кадетов, трудовиков, социал-демократов, выявил особенности этих позиций, классовое содержание тактики. Свое исследование автор заканчивает характеристикой Выборгского воззвания. В противоположность дореволюционной литературе, восторгавшейся революционностью этого воззвания, А. Слепков раскрывает истинное значение документа: «Выборгское воззвание не вызвало ни революционного выступления масс, ни широкого отклика в стране, ни заметных политических и экономических результатов... воззвание было продуктом

⁶⁹ А. Слепков. Классовые противоречия в I Государственной думе, стр. 44.

⁷⁰ Там же, стр. 54.

раздражения, минутного настроения, а не проявлением революционной тактики...»⁷¹.

Исследование А. Слепкова характеризуется продуманным изложением материала, глубокими обоснованными выводами и наблюдениями, сделанными на основе всестороннего анализа источников. Это позволило автору пересмотреть ряд сложившихся мнений, в частности, оценку трудовиков как идеологов кулачества, вскрыть несостоятельность кадетско-меньшевистской литературы, намеренно искажавшей историю и классовую сущность I Государственной думы.

Подводя итоги своей работы, автор пришел к заключению: «Такая Дума — без представительства руководителя революции пролетариата, с таким трусливым гегемоном, как кадетская партия — не имела авторитета в глазах революционной массы и не внушала страха самодержавию. И ее легко устранили. Меньше всего жалеть об этом мог и должен был рабочий класс, меньше всего он был заинтересован в поддержке этой Думы не „народного гнева“, как ее величали кадеты, а Думы кадетской подлости и мелкобуржуазного хвостицизма»⁷².

Всем своим содержанием работа А. Слепкова была направлена против меньшевистско-кадетской литературы, идеализировавшей Думу и преувеличивавшей ее заслуги в истории борьбы с самодержавием.

Высокую оценку получила в те годы работа С. Г. Томсинского о II Государственной думе, созданная тоже в семинаре М. Н. Покровского в Институте красной профессуры. В ней раскрывалась классовая позиция борющихся в Думе партий, отношение различных классов русского общества к Думе, соглашательская тактика меньшевиков, предававших интересы пролетариата⁷³.

Ценный фактический материал по истории рабочей печати в России за 1878—1907 гг. содержался в книге Д. А. Баевского, подготовленной в Коммунистическом университете им Я. М. Свердлова в качестве пособия для самостоятельного изучения истории партии студентами

⁷¹ А. Слепков. Классовые противоречия в I Государственной думе, стр. 105—106

⁷² Там же, стр. 115.

⁷³ В. Невский. Рецензия на книгу С. Г. Томсинского «Борьба классов и партий во II Государственной думе». М., 1924. — «Печать и революция», 1924, № 4, стр. 219—220.

комуниверситетов, совпартшкол и лекторами. Она характеризуется широкими хронологическими рамками, насыщенностью интересным фактическим материалом. Автор собрал и описал не только большое число большевистских легальных и подпольных изданий (газет, журналов, статей и брошюр, документов рабочих союзов и групп 1870—1890 гг., группы «Освобождение труда»), но и печать экономистов, легальных марксистов, меньшевиков. В специальном разделе показано значение большевистской печати в годы революции 1905—1907 гг. Автор отмечает: «Партия через агитационную печать просовывала свои щупальцы во все слои населения. Рабочий класс и его партия были руководителями общенациональной борьбы с самодержавием. Пробуждая и призывая к восстанию одних, обеспечивая себе поддержку средствами и людьми других и нейтрализуя третьих, агитационная печать была могучим орудием в руках возглавляющего революцию пролетариата»⁷⁴. С большим интересом читаются разделы, посвященные технике большевистской печати, роли рабочих масс в ее создании и распространении. В исследовании Д. Баевского, как и в других марксистских работах тех лет, приводятся полностью и скупорами тексты листовок, прокламаций, различных газет, выдержки из статей и брошюр видных деятелей рабочего движения, отрывки из мемуарной и научной литературы. «История русской рабочей печати,— писал в заключении Д. Баевский,— неотделима от истории печати социал-демократической так же, как история рабочего класса в России неотделима от истории партии. Лишенный элементарных гражданских прав, русский рабочий в подполье ковал свою рабочую печать. Наперекор всем преследованиям эта печать росла и крепла и верно выполняла свое дело коллективного пропагандиста, коллективного агитатора, а главное коллективного организатора русского революционного пролетариата»⁷⁵. В некоторых разделах работы Д. Баевского есть формальное описание отдельных памятников, без глубокого и всестороннего анализа их содержания; преобладает описательный элемент над исследовательским, мало обобщений по отдельным периодам и направлениям, имеют-

⁷⁴ Д. А. Баевский. История рабочей печати в России. Пособие по истории РКП, вып. I. 1878—1907 гг. М., 1923, стр. 277.

⁷⁵ Там же, стр. 301.

ся фактические неточности. Тем не менее его работа в целом явилась первым значительным вкладом в марксистскую литературу по истории рабочей печати России в конце XIX — начале XX в. и истории большевистской партии. Это отмечал и В. И. Невский, резко критиковавший работу Д. Баевского за фактические ошибки и неточности, за пропуск нескольких памятников рабочей печати⁷⁶.

Тогда же предпринимались попытки изучения истории событий, которые происходили на местах в годы первой русской революции. Особенно разносторонней и плодотворной была деятельность местных истпартов, успешно проводивших большую работу по собиранию, изучению и публикации историко-революционных материалов о событиях 1905—1907 гг. В мемуарах, документальных публикациях, статьях и очерках на эту тему освещались различные вопросы, связанные с конкретным ходом развития событий в годы революции: настроение рабочих масс и демократической интеллигенции, деятельность местных рабочих организаций, возникновение и деятельность Советов рабочих депутатов, деятельность комитетов РСДРП, крестьянское движение, карательная политика буржуазно-помещичьего правительства и др.⁷⁷. Если в изданиях, выходивших в центре, можно уже четко разграничить мемуарно-документальные публикации и исследовательские работы, то в литературе, появлявшейся на периферии, это разграничение, как и по другим вопросам (история революционного движения и Коммунистической партии), провести пока еще трудно. Однако анализ опубликованных в те годы материалов позволяет все же сделать вывод о начавшихся исследованиях по истории рабочего движения XIX—XX вв. и особенно революции 1905—1907 гг. В конце изучаемого нами перио-

⁷⁶ «Печать и революция», 1924, № 4, стр. 208.

⁷⁷ «Декабрьское восстание в освещении охранного отделения». — «Пролетарская революция на Дону», вып. 1. Ростов-на-Дону, 1922; «Декабрьское восстание 1905 г. в Ростове-на-Дону (Из донесений германского консула)». — Там же; В. Т. Илларионов. Исторические этюды. Революционная хроника сормовских рабочих. — «Материалы по истории революционного движения», вып. 1. Нижний Новгород, 1920; Воспоминания Н. А. Семашко, П. М. Лебедева-Керженцева, Г. И. Юрлова, И. М. Олимпиева о событиях в Сормове в 1905 г. — Там же; «Из времен подполья». — «Красная быль», кн. 2. Самара, 1923; Н. Добротвор. 1905 год в Туле по газетным материалам. — «Революционное былое», № 1. Тула, 1923; А. И. Иванов. Крестьянское движение во Владимирской губернии в 1905—1906 гг. Владимир, 1923 и др.

да эта работа особенно активизировалась в связи с подготовкой к празднованию двадцатилетия революции 1905—1907 гг.

Как сообщала 6 декабря 1923 г. газета «Правда», Истпарт наметил обширную программу осуществления документальных публикаций по истории революции. Она включала издание большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий» за 1905 г., протоколов III съезда РСДРП с дополнениями, второе издание томов собрания сочинений В. И. Ленина с его работами, посвященными революции, публикацию «Известий Советов рабочих депутатов» за 1905 г. В. И. Невскому Истпарт поручил подготовить двухтомную историю революции 1905 г.

Значение первых советских исследований по истории революции 1905—1907 гг. определяется не только тем, что они давали принципиально иную по сравнению с меньшевистско-кадетской литературой трактовку важнейших событий XX в., вводили новый исторический материал, содержали интересные наблюдения и оценки исторических фактов. Оно определяется также тем, что работы эти в известной мере наметили пути и проблематику исторических исследований в этой области, поставив в центре внимания историю широких народных масс и их борьбу, историю массовых организаций и прежде всего Советов, политику правящих классов и т. п. Они выдвинули на первый план такие вопросы, без изучения которых нельзя было решить общую проблему характера и движущих сил революции, ее размаха и степени зрелости, ее исторического места и значения в борьбе пролетариата России за социальное освобождение.

История рабочего движения накануне и в годы первой мировой войны исследовалась в двух работах молодого историка, слушателя Института красной профессуры И. А. Меницкого. Его первый очерк представляется незавершенным этюдом по истории пролетарской борьбы 1912—1914 гг. Сам автор очень скромно оценивал свой труд, в котором стремился «дать материал для последующей работы историка», а рабочему — книжку для чтения, «меньше всего скучной и легко читаемой»⁷⁸. На материалах периодической прессы различных идейных направлений, министерских отчетов, документальных

⁷⁸ И. А. Меницкий. Русское рабочее движение и РСДРП накануне войны (1912—1914 гг.). М., 1923, стр. 3.

сборников и мемуарной литературы И. Меницкий раскрывает характер и размах забастовочного движения пролетариата накануне первой мировой войны, соотношение экономической и политической борьбы, историю расправы правительства с рабочим классом. Он отмечает, что рост рабочего движения ускорил процесс развития и укрепления пролетарских организаций, пробудил и оживил социал-демократическое подполье. В книге показывается усиление влияния и популярности большевиков, их отношение к войне; значительное внимание уделяется борьбе большевиков против меньшевизма и ликвидаторства, корни которых, по мнению автора, уходят в экономизм⁷⁹. Книга И. Меницкого, посвященная мало изученному периоду 1912—1914 гг., была ценна скорее своей новизной, чем глубоким и всесторонним освещением поставленных вопросов. Не случайно она вызвала справедливую критику со стороны О. Варенцовой и В. Владимировой. Рецензенты отмечали противоречивость и недостаточную обработку фактического и статистического материала; указывали, что использование для характеристики забастовочного движения данных только официальной статистики привело автора к преуменьшению размаха этого движения в 1913 г. Отмечались и другие недостатки, в частности некоторое отождествление меньшевизма и ликвидаторства, недостаточно четкое разграничение политических и экономических стачек, отсутствие упоминания о большевистской газете «Звезда» и т. п.⁸⁰

Вторая работа И. Меницкого о рабочем движении периода войны явилась значительным шагом вперед⁸¹. Заметно расширился круг изученных источников. Автор привлек материалы охранного отделения Историко-революционного архива. Участие автора в подпольной работе большевиков Москвы в годы войны позволило донести до читателя обстановку тех лет, ярче и рельефнее охарактеризовать революционную борьбу пролетариата и ее условия. Книга, как отмечал сам автор, была направлена против тех, кто отрицал активную деятельность боль-

⁷⁹ И. А. Меницкий. Русское рабочее движение и РСДРП накануне войны (1912—1914 гг.), стр. 59.

⁸⁰ «Печать и революция», 1924, № 1; «Пролетарская революция», 1924, № 1.

⁸¹ И. А. Меницкий. Рабочее движение и социал-демократическое подполье Москвы в военные годы (1914—1917 гг.). М., 1923; *он же*. Революционное движение военных годов (1914—1917). М., т. 1., 1925; т. II, 1924.

шевиков в годы войны. В работе убедительно показано, что несмотря на тяжелое положение большевистской организации в начале войны и разгром их печати, большевики не бездействовали; они выпускали листовки, развернули с мая 1915 г. широкую агитационную работу среди масс.

Особенностью этой работы И. Меницкого является привлечение большого количества исторических документов, что придает ей характер своеобразной хрестоматии: читатель мог ознакомиться не только с описываемыми событиями, но и с подлинными памятниками. Это делало исследование доступным и интересным для широких читательских кругов.

В тесной связи с историей пролетарского движения изучалась в 20-е годы история русской социал-демократии и история большевизма. В дореволюционные годы вопросы истории Коммунистической партии впервые стали исследоваться В. И. Лениным и его соратниками. Ленин постоянно указывал на необходимость глубокого и всестороннего изучения «пройденного рабочим движением пути», обобщения накопленного опыта, подведения итогов деятельности партии. Изучение истории партии диктовалось также необходимостью разоблачения идейных противников марксизма и большевизма и всемерной пропаганды идей партии среди трудящихся масс. В. И. Ленин писал: «Не может быть сознательным рабочим тот, кто относится, как Иван Непомнящий, к истории своего движения»⁸². Разработав марксистское учение о партии нового типа, В. И. Ленин заложил теоретические основы историко-партийной науки. Ленинские труды содержат глубокий научный анализ всего пути, пройденного Коммунистической партией с момента ее возникновения, дают всесторонние характеристики и оценки важнейших сторон и направлений ее деятельности в различные исторические периоды, определяют важнейшие вехи ее идейной и политической борьбы.

Отмечая особенности развития историографии партии большевиков, известный советский историк М. С. Волин пишет: «Идеология марксистской партии рабочего класса России и ее историография тесно связаны. Вместе с партией складывалась и развивалась ее историогра-

⁸² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 133.

фия»⁸³. У истоков партийной историографии стояли видные деятели большевизма. С этим связана еще одна особенность историко-партийных исследований — значительная роль в них мемуарного элемента: мемуарные материалы становятся органической частью исторических исследований, а исследовательский элемент является составной частью мемуарных трудов большевиков-литераторов. Работы В. В. Воровского, М. Н. Лядова, Н. Н. Батурина, Н. А. Семашко, М. С. Ольминского, С. Г. Шаумяна и других освещали различные вопросы истории рабочего движения и марксизма в России, истории создания партии и важнейшие этапы ее организационного и идейно-теоретического оформления, вопросы борьбы с идейными противниками большевизма. Первые историки партии успешно выступили против фальсификаторских извращений меньшевистских историографов (Ф. Дана, В. Акимова-Махновца), намеренно искажавших историю рабочего движения в России и большевизма.

В дореволюционные годы началась публикация исторических документальных и мемуарных источников о возникновении и развитии большевизма. Тогда же историки-большевики, выполняя указания В. И. Ленина, приступили к изучению истории местных партийных организаций и истории социал-демократических организаций национальных районов. Однако в условиях самодержавно-помещичьего строя и нелегального положения партии эта важная работа не могла проводиться в нужных размерах и формах. Только после победы социалистической революции появились реальные возможности для исследования всех без исключения проблем историко-партийной науки.

В первые годы после Октябрьской революции остро встал вопрос о научной разработке истории большевизма. Необходимо было восстановить яркую картину самоотверженной борьбы ведущего отряда рабочего класса России, раскрыть те сложные, еще никем не проторенные пути, полные трудностей и лишений, которыми шла партия к победе первой в истории социалистической революции. Подвести итоги борьбы, выявить ее закономерности, проанализировать успехи и недостатки — все это можно было сделать только на основе глубокого исследо-

⁸³ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. III, стр. 180.

вания истории прошлого. Изучение исторического опыта имеет громадное значение для дальнейшего развития партии, ее успешной борьбы с идейными противниками, для зарубежных коммунистических партий, борющихся за освобождение трудящихся от капиталистического гнета.

В. И. Ленин в своих трудах послеоктябрьского периода и особенно в работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» (1920 г.) уделил большое внимание обобщению исторического опыта борьбы Коммунистической партии, характеристике ее стратегии и тактики на отдельных этапах развития. Только на основе научной разработки истории партии можно было создать литературу, необходимую для воспитания членов партии для политико-просветительной работы среди широких трудящихся масс. Все противники марксизма, все идеологи буржуазии, и в частности меньшевики и эсеры, прилагали отчаянные усилия, чтобы в искаженном, фальсифицированном виде представить массам историю большевизма. С этой целью они приступили к изданию документов и материалов. В 1918 г. под редакцией С. П. Мельгунова и М. А. Цявловского вышел сборник под названием «Материалы по истории общественного и революционного движения в России» (документы по истории большевизма с 1903 по 1917 г. бывшего Московского охранного отделения). Не вникая в сущность большевизма и его историю, составители сборника взялись «объективно» освещать историю на материалах охранки, которые по своему характеру крайне тенденциозны, ограничены и не могут быть единственным источником для изучения истории РСДРП. Обойдя молчанием специфику помещенных в сборнике документов, публикаторы пытались создать впечатление их научности и достоверности. Специальный раздел предисловия они посвятили секретным сотрудникам охранки и провокаторам, работавшим в РСДРП. Освещая предательскую деятельность провокаторов Малиновского, Брандинского, составители пытались вызвать интерес к теме, не имеющей прямого отношения к истории партии, создать у неопытного читателя неверное представление о большевизме. Антибольшевистская направленность этого сборника при всех попытках составителей создать видимость объективности и научности, обнаруживается ярко при первом же знакомстве с его содержанием. Та-

кой же фальсификаторский характер носили и меньшевистские сборники, выходившие в те годы. В искаженном виде освещалась история социал-демократической партии, борьба большевиков против меньшевиков в работах Л. Мартова, Н. Суханова, Н. Рожкова, В. Чернова и др. История возникновения и развития Коммунистической партии становилась одним из центральных вопросов идейной борьбы; необходимо было разгромить идейных противников большевизма, вскрыть политический смысл фальсификаторских измышлений врагов партии и Советской власти, приступить к созданию действительно научной, марксистской истории Коммунистической партии.

В первые годы Советской власти уделялось очень большое внимание публикации документов и мемуаров, необходимых для объективного и всестороннего изучения истории партии. Как указывалось выше, особенно плодотворна была деятельность Истпарта, который подготовил и издал ряд интересных сборников документов по истории партии и мемуаров участников рабочего движения. Эти первые публикации положили начало всестороннему и подлинно научному изучению истории Коммунистической партии. Большую работу по созданию источниковедческой базы историко-партийной науки начали проводить Архив Октябрьской революции, Общество старых большевиков, Институт Ленина. Богатый фактический материал, опубликованный в те годы, опровергал антибольшевистские писания буржуазной и меньшевистско-эсеровской историографии и показывал, что Российская коммунистическая партия выросла на базе мощного рабочего движения, она является авангардом пролетариата и выразительницей интересов широких слоев трудящихся России.

В 1923 г. вся страна широко праздновала двадцатипятилетие возникновения партии. Центральные и местные партийные организации широко отмечали этот юбилей организацией лекций, докладов, выставок историко-революционных материалов. В связи с этой датой ЦК РКП(б) опубликовал обращение к трудящимся, в котором содержались характеристика и оценка пройденного пути. «История РКП,— отмечалось в обращении,— есть история русского рабочего класса. И эта история показала, на что способен пролетариат, когда он сумеет создать свою самостоятельную пролетарскую партию, не

сворачивающую со своего пути и бесстрашно осуществляющую свою историческую миссию»⁸⁴.

«Возникновение партии,— говорилось далее,— было подготовлено деятельностью Петроградского „Союза борьбы“, основанного Лениным, образованием группы „Освобождение труда“, Северно-русского и Южно-русского рабочих союзов. Рабочий класс России и его Коммунистическая партия — единственные законные наследники лучшего, что было в героической эпохе „Земли и воли“ и „Народной воли“. Имена Степана Халтурина, Петра Алексеева, Андрея Желябова, Софьи Перовской и Александра Ульянова, с одной стороны, Ивана Бабушкина, Шелгунова, Николая Баумана, Якова Свердлова — с другой, одинаково дороги рабочим России. Теоретическое наследие Плеханова-революционера рабочие коммунисты чтут, как лучшую страницу своего собственного прошлого». В обращении говорилось, что преданность делу рабочего класса Коммунистическая партия доказала своей деятельностью: она организовала всероссийскую газету «Искра», руководила борьбой рабочих в 1905 г., встав во главе московских пролетариев в дни вооруженного восстания, «которое сыграло в истории освободительной борьбы пролетариата не меньшую роль, чем восстание парижских коммунаров 1871 года». Далее в обращении отмечалось, что в мрачные годы революции, в борьбе с меньшевиками и эсерами, с оборончеством партия закаляла и укрепляла свои ряды; в 1917 г. она повела пролетариат в победоносный бой с самодержавием и буржуазией, руководила борьбой за установление и упрочение Советской власти. Созданная российским пролетариатом Коммунистическая партия стала главной силой и душой международного рабочего движения и Коммунистического Интернационала, примером борьбы для рабочих всех стран. «Пусть назовут нам другое имя на всем земном шаре, которое столь же близко и дорого миллионам трудящихся всего мира, как имя вождя и учителя нашей партии — Владимира Ильича Ленина. Пусть назовут нам другую партию в мире, которая так связана с трудящимися массами своей страны, как наша партия»⁸⁵. Обращение ЦК заканчивалось призывом

⁸⁴ «Известия ЦК РКП(б)», 1923, № 2(50), стр. 6.

⁸⁵ Там же, стр. 7.

теснее сплотиться вокруг Российской Коммунистической партии. Этот документ, содержащий марксистскую характеристику важнейших этапов развития Коммунистической партии был фактически ее краткой историей.

В специальном постановлении «О двадцатипятилетием юбилее партии» всем губкомам и обкомам РКП(б) предлагалось отметить день 14 марта «открытыми общими собраниями, которые провести в торжественной обстановке, поставить доклады об итогах двадцатипятилетней работы и очередных задачах». В клубах и на предприятиях намечалось провести вечера воспоминаний из истории организации, о ее выдающихся деятелях; выпустить специальные номера газет и журналов, посвященные юбилею, привлечь для этого партийных работников и рабочих, уделив главное внимание истории и деятельности местных организаций. Предлагалось провести соответствующие занятия в марксистских кружках и ячейках, организовать широкие митинги беспартийных рабочих⁸⁶.

Юбилей партии был широко отмечен на страницах газет и журналов, специальными изданиями документов, популярной и научной литературы⁸⁷, лекциями, докладами, митингами. Активное участие в торжествах принимали советские историки.

Празднование знаменательных дат способствовало распространению марксистской идеологии и популяризации исторических знаний среди широких масс населения. В партийных документах и постановлениях давались марксистские оценки важнейшим событиям русской истории; они являлись основой не только для агитационно-пропагандистской, но и для научно-исследовательской работы; нацеливали историков на разработку наиболее важных и мало изученных проблем.

⁸⁶ «Известия ЦК РКП(б)», 1923, № 3(51), стр. 204.

⁸⁷ В связи с юбилеем вышли в свет: «К двадцатипятилетию первого съезда партии (1898—1923)»; М. Н. Лядов. 25 лет Российской Коммунистической партии большевиков, Бахмут, 1924; «История Екатеринославской социал-демократической организации». Екатеринослав, 1923; «Гусевская организация РСДРП—РКП (большевиков). 1898—1923». Владимир, 1923; Н. Скряпник. Рабочий класс и рабочая партия. Харьков, 1923; «Первый съезд РСДРП». Сборник статей. Киев, 1923; «I съезд партии». М., 1923; «II съезд партии». М., 1923; «III съезд партии». М., 1923; «Четвертый съезд партии (объединительный)». М., 1923 и др.

Изучение истории партии в начале 20-х годов проходило в двух направлениях. Первая группа работ — это общие очерки типа лекционных курсов, посвященные истории партии со времени ее возникновения. Эти работы преследовали более всего учебные и политико-воспитательные цели. Однако в концепционном отношении их значение не менее важно, чем литературы более специальной, посвященной локальным темам. Вторая группа работ — это главным образом статьи и небольшие монографии, посвященные отдельным периодам, сторонам и моментам истории подготовки и возникновения социал-демократии, истории съездов, деятельности местных большевистских организаций и т. п. Если в общих курсах ведущую роль играла компилятивная сторона, то в этих работах преобладал элемент самостоятельной творческой разработки. Эти исследования, освещавшие конкретные темы, послужили позднее основой для создания обобщающих работ и курсов по истории партии. В группе исследовательских работ необходимо отметить статьи: М. С. Ольминского, В. И. Невского, М. Н. Лядова, О. А. Варенцовой, написанные на основе значительного круга источников, личных воспоминаний, а нередко и архивных материалов⁸⁸.

Из общих очерков по истории партии заметно выделяется работа А. С. Бубнова, выдержавшая несколько изданий⁸⁹. Видный партийный работник, член партии с 1903 г., активный участник подготовки и проведения вооруженного восстания в Петрограде, один из руководителей Истпарта А. С. Бубнов оказал заметное влияние на становление этой области марксистской историографии. А. С. Бубнов поставил перед собой задачу наметить основные этапы в развитии партии и дать их краткое обоснование. Историю Коммунистической партии он делил на три периода. Первый — создание социал-демократической партии как пролетарской партии, ставящей

⁸⁸ М. Ольминский. Общий очерк эпохи. — «Из эпохи «Звезды» и «Правды», ч. I, стр. 9—164; В. И. Невский. Партийная организация в Харькове в 1912 г. — Там же, ч. II. М., 1922, стр. 9—50; он же. К вопросу о первом съезде РСДРП. — «Пролетарская революция», 1921, № 1; М. Лядов. Третий съезд РСДРП. — Там же, № 3; О. А. Варенцова. Объединительный съезд РСДРП. — 1922, № 4; П. Н. Лепешинский. От кружковщины к партии. После съезда (1903—1904). — «Протоколы II съезда РСДРП», Л., 1924.

⁸⁹ А. С. Бубнов. Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России, изд. 1-е. М., 1921; изд. 2-е. Краснодар, 1923.

«ближайшей задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой». Этот период, по мнению А. С. Бубнова, наметился во второй половине 70-х годов (с «Южно-русского рабочего союза» и «Северно-русского рабочего союза») и заканчивался II съездом партии в 1903 г. Это был, как говорит автор, путь «от рабочего кружка, только еще начинающего освобождаться от народнической теории, к с.-д. рабочей партии»⁹⁰. Второй этап автор относит к 1903—1917 гг.; его содержание он определяет как «возникновение и развитие большевизма; борьба внутри с.-д. партии и рабочего движения двух тенденций, двух направлений, двух партий — революционной пролетарской и оппортунистической мелкобуржуазной, т. е. подготовка элементов Коммунистической партии как партии, ставившей своей непосредственной задачей борьбу за социализм». И третий период — после февраля 1917 г. автор характеризует как период деятельности Коммунистической партии, «борющейся за власть и строящей пролетарское государство»⁹¹. В характеристике трех периодов автор старался найти наиболее важное и существенное, что определяло внутреннее содержание каждого из них.

Книга А. С. Бубнова ценна была прежде всего тем, что в ней давалась четкая периодизация истории партии со времени ее возникновения, основанная на ленинском учении. Обращает на себя внимание стремление автора показать связь партии с рабочим движением. Он писал: «Революционная пролетарская партия росла вместе с развитием рабочего движения. В течение десятилетий русский рабочий вел упорную борьбу с царизмом — этим отвратительным пережитком старого докапиталистического порядка. В условиях этой борьбы и складывалась социал-демократическая партия»⁹². Фактографическая база этой работы была еще не широкая. Поэтому автор не смог глубоко и всесторонне осветить историю партии в связи с развитием рабочего движения, а последнее — с социально-экономическим процессом. Однако сама попытка обосновать научную периодизацию истории Коммунистической партии, дать характеристику важнейших этапов ее развития и борьбы за победу социалистической

⁹⁰ А. С. Бубнов. Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России, изд. 2-е., стр. 3.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же, стр. 4.

революции в нашей стране в связи с историей пролетарского движения заслужила в те годы высокую оценку.

Начало 20-х годов отмечено появлением нескольких общих курсов, по истории партии, в их числе «Очерки по истории РКП» В. И. Невского. Эти работы подготовлены в процессе чтения лекций в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова в 1920—1921 гг. и исследований Невского в Историко-революционном архиве. Автор прекрасно понимал несовершенство своих «Очерков», объясняя это трудными условиями, в которых приходилось работать, и слабой изученностью истории партии: «...Мы еще так мало изучили нашу историю, у нас еще так мало освещены важнейшие моменты нашей истории, мы еще так мало издали материалов и документов, что еще далеки от того времени, когда можно будет написать историю нашей партии»⁹³.

Книга охватывает период подготовки и возникновения социал-демократической партии, начиная с 70-х годов XIX в. до I съезда партии включительно. В пространном введении (около 100 стр.) освещается история России с XVIII в.: экономическое развитие, революционное движение и передовая общественная мысль домарксистского периода. Схематизм введения, фактические ошибки, неверные оценки и формулировки отражают в равной мере как слабую изученность этих вопросов в марксистской историографии того времени, так и недостаточную осведомленность автора в фактической стороне описываемых событий. Будучи хорошо подготовленным марксистом и эрудированным историком, В. И. Невский не смог, однако, в своей работе дать историю России за два столетия, связать в единое целое экономические, историко-революционные и идеологические проблемы. И в теоретическом и в конкретно-историческом отношениях очерки получили слабыми. Фактическая канва событий оказалась явно недостаточной, а отдельные положения и высказывания ошибочными. Особенно сильно это проявилось в характеристике крупнейших представителей передовой общественной мысли в России. Можно определить, писал В. И. Невский, «два направления русской общественной мысли 60 и 70-х годов — как направление либерально-монархическое, в центре которого стоял Герцен и его едино-

⁹³ В. И. Невский. Очерки по истории Российской Коммунистической партии, ч. I. Пг., 1923, стр. V.

мысленники, придававшие герценовскому мировоззрению монархический оттенок, и как социалистическое, в центре которого стоял Бакунин и его молодые последователи в России. Между ними возвышался «Современник», руководителем которого был Чернышевский и откуда вышел «Великорус», как представитель направления либерально-демократического»⁹⁴. Утверждение В. И. Невского обнаруживает не только незнание автора с деятельностью и мировоззрением крупнейших революционеров и идеологов, но и с соответствующими оценками и характеристиками, данными К. Марксом и В. И. Лениным. Особенно резкой критике подверглись уже в то время экономические разделы введения, в которых автор допустил грубые ошибки⁹⁵. Однако даже очень строгие рецензенты (А. С. Бубнов, Н. Н. Батулин) признавали, что самым ценным качеством работы является обширная фактографическая основа; автор использовал не только все материалы, опубликованные Истпартом за четыре года, но и впервые привлек ценный архивный материал для освещения истории возникновения социал-демократической партии. Разделы книги, написанные на архивном материале, оказались наиболее удачными.

Работа В. Невского получила резко отрицательные отзывы на страницах советской печати. М. С. Ольминский, М. Н. Лядов, Н. Н. Батулин, А. С. Бубнов, хотя и отмечали ряд положительных моментов, в целом дали резкую критику недостатков «Очерков»⁹⁶. Усиленное подчеркивание промахов и ошибок этой работы, на наш взгляд, объясняется тем, что книга должна была стать учебным пособием по истории партии, но в таком виде она могла принести большой вред читателю. Поэтому М. Ольминский, ознакомившись с книгой до выхода ее в свет (как заведующий Истпартом), снял с нее гриф Истпарта и первый выступил с отрицательным отзывом. К письму М. Н. Лядова, опубликованному в 1924 г. в «Пролетар-

⁹⁴ В. И. Невский. Очерки по истории Российской Коммунистической партии, ч. I, стр. 57.

⁹⁵ Подробнее об этом см.: Н. Н. Батулин. По поводу книги тов. В. И. Невского. — «Пролетарская революция», 1924, № 8—9.

⁹⁶ М. Ольминский. В. Невский. «Очерки по истории Российской Коммунистической партии», ч. I, 1923. — «Пролетарская революция», 1924, № 5; Н. Н. Батулин. Указ. соч. Письмо М. Н. Лядова к М. С. Ольминскому и примечание Ольминского см. в журнале «Пролетарская революция», 1924, № 8—9; А. С. Бубнов. История без философии. — «Основные вопросы истории РКП». Сборник статей. М., 1924.

ской революции», он дал примечание, в котором говорилось: «. Книжкой В. И. Невского нельзя пользоваться ни для пропаганды, ни в качестве справочника без риска впасть в самые грубые ошибки как фактического, так и теоретического характера. Истпарт предостерегает от пользования этой книжкой»⁹⁷.

Не останавливаясь на недостатках книги В. Невского, которые получили достаточно широкое освещение в указанных выше рецензиях, отметим, что если М. Ольминский, Н. Батурин, М. Лядов критиковали Невского за обилие фактических ошибок и искажений в датах, фамилиях, характеристиках отдельных деятелей, небрежности и неряшливости, то выступление А. С. Бубнова носило принципиально иной характер. Самой слабой стороной книги В. Невского А. С. Бубнов считал отсутствие единой схемы, охватывающей всю сумму фактического материала, осмысливающей данный исторический процесс как единое и неразрывное целое⁹⁸. По мнению А. С. Бубнова, В. Невский не смог ответить на ряд принципиально важных вопросов, без решения которых нельзя дать научное освещение истории партии. К их числу он относил: установление органической связи между рабочим движением 70 и 90-х годов и их сравнительное изучение, раскрытие связи рабочих организаций 70-х годов с характером пролетарского движения тех лет и т. д. Автор, по мнению Бубнова, должен был ответить на вопросы, почему в 80-е годы задача создания пролетарской партии в России была неосуществима, почему группа «Освобождение труда» не смогла стать организатором партии. Большую часть своей критической статьи А. С. Бубнов посвятил защите периодизации истории партии, изложенной им в «Основных моментах», которую В. Невский подверг сомнению, не приведя никаких доводов ни за, ни против схемы Бубнова.

Из всех критиков работы В. Невского А. С. Бубнов был единственным, кто сделал практический вывод: «И давно пора Истпарту, продолжая работу по сборанию и проверке материала, в качестве очередной задачи поставить перед собой разработку методологии. Этим же необходимо заняться и Институту Ленина. Тогда

⁹⁷ «Пролетарская революция», 1924, № 8-9, стр. 163.

⁹⁸ А. С. Бубнов. История без философии, стр. 85.

партия революционного пролетариата нашей страны будет иметь книгу, излагающую и объясняющую ее единственную в мире, замечательнейшую историю»⁹⁹.

Другие обобщающие работы по истории партии, появившиеся в те годы, хотя и не имели недостатков, свойственных книге В. И. Невского, но были настолько бедны фактическим материалом, что лишь при полном отсутствии учебников и пособий по истории партии могли быть рекомендованы массовому читателю. Литература тех лет свидетельствовала о том, насколько трудно было при том уровне развития историко-партийной науки, состоянии источниковедческой базы и отсутствии конкретных локальных исследований создать научный курс истории РКП(б). Перед историками партии 20-х годов стояла трудная задача создания конкретных работ и публикаций такого характера, которые бы давали возможность приступить к написанию научной истории партии со времени ее возникновения. В конце изучаемого периода это была одна из самых сложных проблем, ставшая перед молодой советской исторической наукой, которую ей предстояло решить в ближайшем будущем.

В тесной связи с потребностями исследовательской работы 20-х годов развивалась марксистская биобиблиография. Историки-марксисты тех лет рассматривали свою деятельность в области биобиблиографии как важную составную часть исследования истории революционного движения, русской социал-демократии и Коммунистической партии. Для восстановления действительной картины самоотверженной борьбы революционеров XIX—XX вв., глубокого и всестороннего исследования вопросов о составе движения, его руководителях и рядовых участниках как представителей широкого массового движения требовалось изучение их жизни и деятельности, мировоззрения и идейной эволюции. Многие из историков 20-х годов сами были активными участниками борьбы против самодержавно-помещичьего строя; они видели в этой работе свой гражданский и партийный долг перед товарищами по борьбе, отдавшими свои силы и жизнь делу революции.

Собирание и изучение биографических материалов об участниках русского революционного движения конца

⁹⁹ А. С. Бубнов. История без философии, стр. 85.

XIX начала XX в. начали проводить с первых лет своего существования Истпарт, Архив Октябрьской революции, Общество бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев, Общество старых большевиков и их отделения на местах, губернские комитеты партии, советская и партийная общественность. Результаты их деятельности систематически публиковались на страницах советской прессы. Сотрудники Московского губархива подготовили два сборника биографических материалов под названием «Братская могила» об участниках революционного движения в Москве¹⁰⁰. Эти публикации создавались на документальных материалах Историко-революционного архива и библиотеки Социалистической академии, периодических изданий и литературы. Составители широко использовали воспоминания соратников и товарищей по революционной борьбе, хорошо знавших погибших. В это же время вышли биографические материалы о деятелях русского социал-демократического движения под редакцией В. И. Невского¹⁰¹ и трехтомное издание Л. Лежавы и Г. Русакова, посвященное участникам Великой Октябрьской социалистической революции¹⁰². В 20-е годы ценные материалы систематически публиковались на страницах советских исторических журналов: «Пролетарская революция», «Красная летопись», «Каторга и ссылка», где имелись специальные отделы, посвященные биографиям революционеров.

Вся эта литература была только первым опытом разработки историко-биографического жанра. Она создавалась в условиях, когда еще плохо были изучены архивные коллекции, испытывался большой недостаток в мемуарных материалах, отсутствовали какие-либо справочные пособия. Поэтому неизбежны были ошибки, фактические неточности, неполнота собранных и опубликованных сведений об отдельных деятелях революционного движения. И тем не менее эти издания явились важным шагом по пути изучения истории революционного движения проле-

¹⁰⁰ «Братская могила». Биографический словарь умерших и погибших членов Московской организации РКП, вып. 1. М., 1922, 204 стр. (203 биографии); вып. II. Пг.—М., 1923, 264 стр. (100 биографий).

¹⁰¹ «Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение за период с 1880 до 1905 г.», вып. I (А—Д). М.—Пг., 1923.

¹⁰² «Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 гг.», т. 1—3. М.—Пг., 1923; изд. 2-е, 1924; изд. 3-е, 1925.

тарского периода. Справочники во многом облегчили работу историков революционного движения в 20-е годы, ими широко пользуются исследователи и в настоящее время.

Как уже отмечалось, историки начала 20-х годов исследовали исторические предпосылки пролетарской революции в России главным образом в плане выявления роли классов и партий в революции, а также развития форм и масштабов революционной борьбы трудящихся масс. Особое внимание уделялось изучению руководящей роли Коммунистической партии. Проблемы социально-экономических предпосылок социалистической революции разрабатывались менее интенсивно. Наблюдалось даже значительное сужение размаха работы по проблемам социально-экономической истории России в сравнении с дореволюционной исследовательской деятельностью марксистов. Вероятно, это в какой-то мере связано с тем, что социально-экономическое обоснование пролетарской революции было разработано по сравнению с другими проблемами более детально и всесторонне. К тому же создание фундаментальных исследований по социально-экономической проблематике требовало значительно большего времени. В условиях социалистического строительства при обостренной идейной борьбе перед учеными-марксистами того времени встали новые задачи, и вопросы дореволюционного развития России, естественно, отошли на второй план. В. П. Милютин, А. Г. Шлихтер, И. И. Скворцов-Степанов, изучавшие проблемы развития капитализма, стали изучать теперь историю экономического строительства советского периода. Единственным, пожалуй, исследователем, кто продолжил после революции свои прежние начинания в области экономической истории России, был А. В. Шестаков, подготовивший в процессе занятий в Институте красной профессуры две работы по истории аграрного развития России¹⁰³.

В разработке экономической истории России марксистская историография, как известно, имела богатые традиции. В трудах В. И. Ленина и его идейных сорат-

¹⁰³ А. В. Шестаков («Никодим»). Капитализация сельского хозяйства России. М., 1923; он же. Наемный труд в сельском хозяйстве России, ч. I—II. М., 1924, стр. 234.

ников глубоко и всесторонне раскрывались кардинальные вопросы экономической истории России. Проблема аграрного строя России накануне революции 1917 г. стала предметом острой полемики между марксистами, неонародниками, эсерами, а также другими представителями различных идейных направлений в связи с выработкой и обсуждением перспектив дальнейшего развития сельского хозяйства страны в советских условиях. Активными участниками этой идейной борьбы стали советские историки, оказавшие своими работами заметное влияние на ход и исход дискуссий 20-х годов и утверждение марксистско-ленинской концепции аграрной истории России.

В плане ленинской теории развития капитализма в России А. В. Шестаков рассматривал проблему капитализации сельского хозяйства России после 1861 г. Он исследовал вопросы эволюции крестьянского хозяйства в пореформенный период, сохранение пережитков феодальной эксплуатации и их влияние на развитие страны, характер капиталистической эволюции сельского хозяйства России, ее связь с внутренним и внешним рынком, положение крестьянства и т. п. Продолжая свои дореволюционные исследования о роли крестьянства в революции 1905—1907 гг., Шестаков всесторонне изучал проблему наемного труда в сельском хозяйстве и его эволюцию в условиях капиталистического строя России. Анализ источников пополнения наемных рабочих, влияния механизации на образование резервной армии труда в сельском хозяйстве, положения сельскохозяйственных рабочих, изучение условий их труда, быта, заработной платы, государственного законодательства позволили автору раскрыть причины, характер, формы и масштабы борьбы сельскохозяйственных рабочих, начиная с 70-х годов XIX в. до 1905 г., исследовать стачечное движение сельскохозяйственных рабочих в 1905—1907 гг. и его особенности в различных районах страны, отношение правящих классов и различных партий к их борьбе, значение работы большевиков среди масс и др. При всех недостатках, свойственных этим трудам Шестакова (преувеличение степени капиталистического развития страны, некоторая компилятивность и схематизм в освещении истории XVI—XVIII вв. и т. п.), нельзя не признать весьма удачного и нужного для того времени освещения

названных выше сюжетов по истории наемного труда в России. Работы А. В. Шестакова выгодно отличались от трудов Н. А. Рожкова, В. И. Пичеты и других историков, игнорировавших проблемы положения крестьянства и его борьбы в XIX—XX вв. П. Г. Рындзюнский справедливо считает, что исследования Шестакова имели «актуальное значение в борьбе с пережитками народничества, эсеровской идеологии, в частности, с так называемой трудовой потребительской теорией крестьянского хозяйства»¹⁰⁴.

В связи с необходимостью выработки научной оценки перспектив и выявления важнейших тенденций развития сельского хозяйства в условиях советского строя изучалось в те годы состояние производительных сил сельского хозяйства накануне революции, влияние войны на сельскохозяйственное производство¹⁰⁵.

Оценивая первые советские исследования по истории рабочего движения в России XIX—XX вв., следует учитывать, что эти работы явились основой для создания М. Н. Покровским первого советского обобщающего исторического труда по истории России конца XIX — начала XX в. В III части «Русской истории в самом сжатом очерке» М. Н. Покровский писал, что он использовал доклады С. М. Дубровского, А. Н. Слепкова, С. Г. Томсинского и других, подготовленные в семинаре Института красной профессуры. «Очерк» М. Н. Покровского и его лекции по истории русского революционного движения конца XIX — начала XX в. были заметным явлением в жизни советской науки 20-х годов не только потому, что их автором был крупнейший историк-марксист, но и потому, что при всех свойственных этим работам недостатках они явились новым важным шагом вперед по пути разработки марксистско-ленинской концепции истории революционного движения¹⁰⁶.

Нет необходимости подробно останавливаться на творчестве М. Н. Покровского послеоктябрьского перио-

¹⁰⁴ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV, стр. 331.

¹⁰⁵ Б. Н. Книпович. Главнейшие черты сельскохозяйственной эволюции Европейской России в 1916—1921 гг. М., 1923. Подробнее об этом см.: К. Н. Тарновский. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии.— «Исторические записки», т. 78.

¹⁰⁶ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, ч. III. М., 1923; он же. Счерки по истории революционного движения в России XIX—XX вв. М., 1924.

да, поскольку в советской литературе последних лет появилось большое количество работ, посвященных анализу научного наследия этого ученого, сильных и слабых сторон его исторических исследований, их значения в истории советской науки¹⁰⁷. В статьях С. М. Дубровского, Е. А. Луцкого, О. Д. Соколова, Н. Н. Яковлева и других содержится научная оценка исторических трудов М. Н. Покровского и правильно отмечается ошибочность его исторической концепции, выразившейся в формуле «борьба торгового капитала с промышленным», которую он, объявив «стержнем русской истории», положил в основу объяснения развития русского революционного и рабочего движения. Это неверное положение не помешало, однако, М. Н. Покровскому правильно осветить основные направления развития русского революционного движения на рубеже XIX—XX вв., вскрыть его характер и масштабы, показать его значение в подготовке революционных боев пролетариата в 1905—1907 гг. Выступив с решительной критикой меньшевистско-троцкистских оценок рабочего движения и первой русской революции, М. Н. Покровский сумел поставить ряд важных проблем и обратить внимание современных и прежде всего начинающих исследователей на изучение таких вопросов, как источники формирования пролетариата, массовое рабочее движение 60—70-х годов, история рабочих организаций 70—90-х годов, развитие пролетарского сознания и роль В. И. Ленина в разработке пролетарской идеологии, изменения в характере рабочего движения на рубеже XIX—XX вв. Постановка этих вопросов оказала заметное влияние на дальнейшее развитие марксистских исследований по этой тематике. Как правильно отмечают И. Ф. Угаров и Н. Н. Яковлев, понимание М. Н. Покровским важнейших проблем первой русской

¹⁰⁷ С. М. Дубровский. Академик М. Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки.— «Вопросы истории», 1962, № 3; М. Е. Найденов. М. Н. Покровский и его место в советской историографии.— «История СССР», 1962, № 3; Е. А. Луцкий. Развитие исторической концепции М. Н. Покровского.— «История и историки». Сборник статей. М., 1965; О. Д. Соколов. Об исторических взглядах М. Н. Покровского.— «Коммунист», 1962, № 4; он же. В. И. Ленин и формирование большевистских взглядов М. Н. Покровского.— «Вопросы истории», 1963, № 8; он же. Революционер, ученый, государственный деятель.— «Вопросы истории КПСС», 1964, № 1; он же. Михаил Николаевич Покровский. 1868—1932.— «История СССР», 1967, № 1; «Очерки истории исторической науки в СССР», т. III—IV и др.

революции — ее движущих сил, роли пролетариата, значения октябрьской стачки и декабрьского вооруженного восстания, роли крестьянства как союзника пролетариата и других — было в основном ленинским и противостояло буржуазно-меньшевистским, троцкистским и каутскианским интерпретациям исторических событий 1905—1907 гг.¹⁰⁸

Переломная эпоха конца XIX — начала XX в. давала исследователям-марксистам богатый материал для широких социологических обобщений. В работах М. Н. Покровского, подготовленных в первые годы Советской власти, как и в других его трудах, проявилось стремление ученого к постановке проблем большого теоретико-методологического значения. Эта черта свойственна и Покровскому-ученому, и Покровскому-педагогу. В III части «Русской истории в самом сжатом очерке», в курсах по истории революционного движения и историографии¹⁰⁹, несмотря на некоторые неверные положения, М. Н. Покровский выступает как инициатор изучения историками роли революции в мировой истории, отличия Октябрьской революции от предшествующих революций, связи истории революционного движения с социально-экономическим и общественно-политическим развитием страны, закономерностей исторического процесса, основных этапов развития русского революционного движения, изучения значения исторического опыта масс в революционной борьбе и др. М. Н. Покровский пытался поставить некоторые методологические проблемы исторического значения: предмет исторической науки и ее задачи, связь истории с современностью, противоположность материалистического объяснения истории идеалистическим теориям, классовый характер домарксистской историографии, о преимуществах материалистической теории общественного развития и др. Защищая материалистический монизм, М. Н. Покровский формулировал основные требования марксистской исторической критики и критики исторических источников. Одним из первых М. Н. Покровский начал изучать темы: «К. Маркс как историк» и «В. И. Ленин как историк». Как руководитель исторического фронта и талантливый педагог

¹⁰⁸ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV, стр. 414—417.

¹⁰⁹ М. Н. Покровский. Борьба классов и русская историческая литература. Пг., 1923.

М. Н. Покровский оказал своими работами большое влияние на исследовательскую деятельность историков 20-х годов и прежде всего на тех историков, которые у него учились.

Вместе с тем следует сказать, что ошибки, допускавшиеся М. Н. Покровским, уже в начале 20-х годов вызвали серьезную критику со стороны историков. Так, в 1924 г. журнал «Под знаменем марксизма» поместил интересную рецензию молодого историка Н. Н. Рубинштейна на книгу М. Н. Покровского «Очерки по истории революционного движения в России XIX—XX вв.»¹¹⁰ Автор справедливо упрекал М. Н. Покровского в чрезвычайном увлечении «искусственными схемами», «излишним конструктивизмом». Рубинштейн выступил против некоторых неверных положений и оценок, содержащихся в «Очерках»: попытки представить Пестеля как идеолога крестьянства, стремление «вывести из рабочего движения весь народнический социализм», оправдание тактики террора народовольцев и др. Рубинштейн отмечал наличие в работе М. Н. Покровского элементов модернизации, выразившихся, в частности, в разделении народников на большевиков и меньшевиков; он писал также, что «факты упорно не укладываются в схему тов. Покровского»¹¹¹. Однако Рубинштейн выступил в защиту определения М. Н. Покровским русского самодержавия как «политически организованного торгового капитализма». Другой критик М. Н. Покровского А. Слепков, оценивая эту же работу, подверг сомнению правильность теории «торгового капитала» и определения социальной природы самодержавия, отмечал неверное понимание Покровским сущности империализма и спорность его отдельных положений по вопросам истории внешней политики¹¹². К этому же времени относится интересное выступление историка старой школы А. Н. Савина с критикой взглядов М. Н. Покровского по вопросам внешней политики царской России¹¹³.

Приступив к созданию научной концепции истории России, советские ученые поставили во главу угла своей работы исследование важнейших проблем дооктябрьского

¹¹⁰ «Под знаменем марксизма», 1924, № 12.

¹¹¹ Там же, стр. 320.

¹¹² «Большевик», 1924, № 14, стр. 113—122.

¹¹³ «Россия и Запад». Сборник статей. Пг., 1923.

периода развития страны: история рабочего класса и его борьбы, первой буржуазно-демократической революции, возникновения и развития Коммунистической партии; проблемы социально-экономической истории страны в пореформенный период и в эпоху империализма. Главным в разработке этих тем было выяснение социально-экономических и политических условий вызревания и победы социалистической революции в России как первой победоносной пролетарской революции, открывшей эпоху всеобщего обновления мира. По сравнению с дореволюционными изданиями и литературой 1918—1920 гг. заметно обогатилась проблематика по истории России кануна пролетарской революции, возросли масштабы научно-исследовательской работы, повысился ее уровень. Продолжая лучшие традиции дореволюционной большевистской историографии, ученые тех лет утверждали своими трудами материалистическую, марксистско-ленинскую концепцию отечественной истории, противопоставив буржуазно-дворянской и меньшевистско-эсеровской историографии принципиально противоположную интерпретацию исторического процесса. Объектом изучения стали не цари и министры, а широкие народные массы, их революционное творчество, не редкие, исключительные и оригинальные события прошлых эпох, а ведущие закономерности и тенденции исторического развития человечества, его прогрессивное поступательное движение.

Достижения советских историков в этой области определялись прежде всего большим количеством исторических публикаций, подготовленных и вышедших в первой половине 20-х годов. Издание исторических источников, введение в научный оборот весьма значительного по объему нового фактического материала — это первый реальный итог развития советской науки к концу изучаемого периода. Наряду с большим количеством статей и очерков, опубликованных на страницах новых исторических журналов, появились первые монографические исследования, принадлежащие перу историков-профессионалов. Если в дореволюционной большевистской литературе исторические книги и монографии были явлением весьма редким, то теперь эта форма научного творчества заняла ведущее место. Исследования С. М. Дубровского, Д. А. Баевского, И. А. Меницкого, С. Г. Томсинского и

других историков тех лет свидетельствовали о том, что историки-марксисты получили новое пополнение, подготовленное уже в советских вузах, и что в этой области отечественной историографии появилась марксистская профессиональная историческая школа.

Научные изыскания историков-марксистов тех лет не охватывали еще все исторические периоды дореволюционного развития России: совсем не изучалась история русского феодализма, крайне редкими были в марксистских трудах сюжеты классовой борьбы XVII—XVIII вв. Историю первой половины XIX в. стали изучать только с 1922—1923 гг. в связи с подготовкой к празднованию столетнего юбилея восстания декабристов.

Говоря об итогах развития начального этапа советской науки, следует отметить новые явления в отраслевой структуре отечественной историографии. Потребности исследовательской работы по названной выше тематике вызвали к жизни вспомогательные исторические дисциплины. В эти годы закладывались основы советского исторического источниковедения, археографии, библиографии, архивистики по проблемам истории России эпохи капитализма, которые стали развиваться на основе марксистско-ленинской теории.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО
ОБЩЕСТВА в 1921—1923 гг.

С первых лет развития советской науки история России послереволюционного периода становится центральной темой марксистских исследований. Важнейшие проблемы этой новой области знания были сформулированы в трудах основателя Советского государства и его первого руководителя В. И. Ленина, явившегося родоначальником научной истории социалистического общества. Ленинское учение о социалистической революции, классовой борьбе и диктатуре пролетариата, о государстве и пролетарской демократии, о закономерностях возникновения и формирования социалистической формации явилось ценным вкладом в марксистскую теорию и стало идейной базой историографии Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и интервенции, истории строительства нового общества.

В. И. Ленин — первый историк Великой Октябрьской социалистической революции¹. Уделяя большое внимание изучению русской революции, Ленин указывал, что

¹ Вопрос о разработке В. И. Лениным истории Октябрьской революции освещался в статьях: М. Е. Найденова «Великая Октябрьская социалистическая революция в советской историографии» («Вопросы истории», 1957, № 10 и в сборнике «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции», М., 1957); В. Г. Русяковой «Борьба с фальсификацией и вульгаризацией истории Великой Октябрьской социалистической революции» («Ученые записки Академии общественных наук», вып. 40, М., 1958); Е. Н. Городецкого «Первые труды В. И. Ленина по истории Октябрьской революции» («История и историки». Сборник статей, М., 1965); в «Очерках истории исторической науки в СССР», т. IV (М., 1966, стр. 23—137); А. Г. Черных «Борьба В. И. Ленина за марксистскую концепцию истории Великой Октябрьской социалистической революции». Автореферат докт. дисс. Владивосток, 1966.

«...у этой истории больше всего надо учиться, в ее ход и в ее классовое значение больше всего надо вдумываться»². В ленинских работах, положивших начало научной историографии Октябрьской революции, было поставлено и нашло свое решение огромное количество вопросов и сюжетов этой большой и сложной темы. Раскрывая социально-экономические и политические предпосылки революции в России, В. И. Ленин обосновал ее историческую закономерность и неизбежность, показал, что Октябрьская революция была подготовлена всем ходом исторического развития страны в предшествующий период. Она явилась закономерным явлением, обусловленным суммой внутренних и внешних причин. В. И. Ленин решительно выступил против меньшевиков и эсеров, против западноевропейских оппортунистов во главе с Каутским, отрицавших социалистический характер Октябрьской революции. Ленин дал глубокий и всесторонний анализ движущих сил, показал расстановку всех классов и их роль на различных этапах борьбы за победу социалистической революции в нашей стране.

Отмечая глубоко народный характер революции 1917 г., активное участие в ней самых широких трудящихся масс, проснувшихся к сознательной политической жизни, В. И. Ленин показал возрастающую роль народных масс в истории. В 1918 г. в статье «Главная задача наших дней» он писал: «Тогда, сто с лишним лет тому назад, историю творили горстки дворян и кучки буржуазных интеллигентов при сонных и спящих массах рабочих и крестьян. Тогда история могла ползти в силу этого только с ужасающей медленностью.

Теперь капитализм поднял много и много выше культуру вообще, культуру масс в частности. Война встряхнула массы, разбудила их неслыханными ужасами и страданиями. Война подтолкнула историю, и она летит теперь с быстротой локомотива. Историю творят теперь самостоятельно миллионы и десятки миллионов людей. Капитализм дорос теперь до социализма»³.

Революционная эпоха характеризуется острой борьбой различных политических партий. В работах В. И. Ленина содержится исчерпывающий анализ

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 215.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 81, 82.

классовой природы кадетов, меньшевиков и эсеров, их программы и тактики, характеристика их поведения в революционный период. В. И. Ленин показал эволюцию меньшевиков и эсеров, ослабление их влияния на массы и превращение их в контрреволюционные партии. Только партия большевиков на всех этапах борьбы оставалась верна пролетариату, социалистической революции, марксистской теории. Ленинские работы содержат глубокий и всесторонний анализ стратегии и тактики большевистской партии в период подготовки и проведения пролетарской революции, раскрывают направляющую и организующую роль партии в борьбе за победу социализма в нашей стране.

Огромная заслуга принадлежит В. И. Ленину в разработке научной периодизации истории революции 1917 г., основанной на задачах и движущих силах развития. Он определил важнейшие этапы революции, дал им всестороннюю и исчерпывающую характеристику.

В. И. Ленин показал коренное отличие Октябрьской социалистической революции, уничтожившей всякую эксплуатацию, от всех революций прошлого, сменявших одну форму эксплуатации другой. В. И. Ленин раскрыл в своих работах международный характер Октябрьской революции, ее всемирно-историческое значение.

На основе научного анализа характера Октябрьской революции были определены задачи, которые встали перед народом и Коммунистической партией после завоевания власти: подавление внутренней контрреволюции, организация отпора международному капиталу, социалистическое строительство.

Труды В. И. Ленина являются ценнейшим источником для изучения истории революции. Они содержат глубокий анализ, всестороннюю характеристику и политическую оценку событий, фактов, отдельных лиц; дают не только богатейший теоретический, но и фактический материал для исследования исторических событий 1917 г.

Велика роль В. И. Ленина и в создании марксистской концепции истории гражданской войны и интервенции 1918—1920 гг. Определяя характер этой войны, В. И. Ленин показал, что со стороны врагов Советской власти война была грабительской, захватнической, несправедливой, направленной на восстановление власти буржуазии, свергнутой революцией. *«Наша война, — писал*

В. И. Ленин,— является продолжением политики революции, политики свержения эксплуататоров, капиталистов и помещиков. Поэтому наша война, как она ни бесконечно тяжела, привлекает к нам симпатии рабочих и крестьян»⁴.

В. И. Ленин вскрыл классовые корни событий 1918—1920 гг., показал роль различных классов и партий в них, дал характеристику важнейших этапов гражданской войны и интервенции, раскрыл значение Коммунистической партии как руководящей силы советского общества, проанализировал причины победы молодой Советской республики и ее историческое значение.

В докладах, речах и статьях, написанных в те годы, В. И. Ленин всесторонне исследует историю Советского государства, его внешнюю и внутреннюю политику. Для решения практических и политических задач Ленин постоянно обращается к опыту социалистического строительства первых лет Советской власти. В статьях «О „левом“ ребячестве и о мелкобуржуазности» (1918), «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» (1919) и др. Ленин анализирует социально-экономическую структуру России после победы пролетарской революции, показывает, какие перемены произошли в области промышленности, сельского хозяйства, торговли, раскрывает суть переходного характера экономики России, наличие в ней различных общественно-экономических укладов. На основании этого анализа В. И. Ленин сделал вывод, что существующие экономические отношения в России не являются социалистическими (преобладает мелкобуржуазный уклад), но сохраняя в своих руках командные высоты в народном хозяйстве, опираясь на социалистический сектор, пролетариат сможет построить социалистическое общество. В. И. Ленин выявил роль основных классов России в этот период, расстановку, соотношение и изменение их сил. Ленин показал особенности и трудности социалистического строительства в России, начавшегося в условиях крайней разрухи и голода, в обстановке ожесточенной классовой борьбы против контрреволюции и интервенции, в условиях преобладания мелкобуржуазной стихии и низкого уровня культуры трудящихся масс.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 406.

Основополагающими для историка советского общества являются ленинские указания по вопросам развития новых экономических отношений, строительства советского государственного аппарата, начального этапа культурного строительства, по истории первой Советской конституции, создания Красной Армии и др. Много внимания Ленин уделял анализу международных отношений, истории внешней политики крупнейших капиталистических стран и миролюбивой политике Советского государства⁵.

В. И. Ленин постоянно напоминал о необходимости глубокого и объективного изучения истории Великой Октябрьской социалистической революции и строительства нового, социалистического общества. Ленинские труды стали теоретической основой для изучения истории советского общества, они определили важнейшие направления исследовательской работы в этой области советской науки, ее проблемно-тематическую структуру. Борьба за творческое овладение ленинской исторической концепцией, за утверждение марксистско-ленинской методологии и методики исследования проблем рождения и формирования нового общественного строя стала основным содержанием научной деятельности историков-марксистов с первых лет Советской власти. При изучении раннего периода историографии советского общества следует учитывать, как нам кажется, ряд особенностей, связанных с возникновением и развитием этой важной области исторического знания. Молодая советская наука имела в своем распоряжении богатое идейное наследие, которое во многом не только облегчало работу первых исследователей советского общества, но и способствовало ускоренному развитию этого направления отечественной истории. Однако изучение истории советского общества начиналось в условиях слабого развития источниковедческой базы, необходимой для проведения широких исторических исследований. При оценке этой стороны развития науки следует в то же время учитывать, что в отличие от других, более ранних эпох истории советского общества имели большое количество готового для использования материала в

⁵ Подробнее об этом см.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV, стр. 23—137, 506—508.

виде текущей периодической печати, государственного законодательства, партийной и советской документации. Этих материалов было, конечно, недостаточно, поэтому сразу же после революции началась публикация других типов исторических источников.

Первые немногочисленные публикации исторических документов по советской тематике (о внешней политике Советской республики, о борьбе против контрреволюции, о деятельности советского государственного аппарата и др.) и начавшаяся в 1919 г. работа по комплектованию архивных коллекций по истории советского периода еще не отвечали тем требованиям, которые предъявлялись наукой. Этим объясняется такая черта первых трудов по истории советского общества, как относительная бедность фактическим материалом, редкое привлечение архивных источников.

Другая особенность историографии советского общества связана с тем, что она возникла и развивалась на первом этапе как составная часть общественно-политической мысли тех лет и всего комплекса наук, охватывающих марксистское общественное сознание. Если исторические дисциплины, изучавшие проблемы старого буржуазного мира, уже выделились к тому времени в самостоятельную область исторического знания, то изучение истории советского общества велось еще в общей системе экономических, социологических, правовых проблем формирования новой формации. Так, вопросы социалистического строительства в первые годы Советской власти исследовали и историки (С. М. Дубровский), и экономисты (В. П. Милютин, Б. Н. Книпович, Л. Н. Крицман), и правоведы (П. И. Стучка, Е. Б. Пашуканис). История гражданской войны и иностранной интервенции разрабатывалась общими усилиями военных специалистов, участников сражений, деятелей Советского государства (С. И. Гусев, В. А. Антонов-Овсеенко, Б. М. Шапошников, И. И. Скворцов-Степанов и др.). Вопросами истории внешней политики Советского государства занимались дипломатические работники, советские государственные и общественные деятели — непосредственные участники общественной жизни того времени (Г. В. Чичерин, И. М. Майский, Б. Е. Штейн). Работа этих исследователей во многом облегчалась тем, что они хорошо знали обстановку, были свидетелями и участниками

исторических событий тех лет. Однако вместе со своим политическим опытом они иногда вносили в эти работы некоторые элементы субъективизма, что также необходимо учитывать при оценке этой литературы.

Если вся марксистская наука 20-х годов сильно страдала из-за недостатка хорошо подготовленных профессиональных кадров историков-марксистов, то в области изучения истории советского общества эта потребность была особенно велика. Научные кадры по этой специальности создавались вместе с организацией исследовательской работы по этой проблематике, в процессе научной работы. По мере развития советской исторической науки, в частности истории советского общества, росли новые специалисты, совершенствовалось их профессиональное мастерство, вырабатывались принципы и традиции, постепенно ликвидировались недостатки и исправлялись слабые стороны, связанные с названными выше причинами.

Проблемами истории советского общества в первые годы после революции занимались такие ведущие научные центры, как Социалистическая академия, Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова, Истпарт со всеми его отделениями на местах, Институт красной профессуры, Центрархив, Архив Октябрьской революции и др. В 1922 г. Истпарт обратился к общественности страны с призывом, в котором говорилось: «Истпарт... считает необходимым теперь же приступить к широкой постановке исторической работы за минувшее четырехлетие (с февраля 1917 г. по февраль 1921 г.), к подведению первых итогов революции. Необходимость таких итогов вызывается не только интересами научного характера, но и требованиями практической — советской и партийной работы»⁶. Намеченная Истпартом программа исследовательской работы охватывала широкий круг проблем по истории подготовки и проведения Октябрьской революции, гражданской войны и интервенции, по вопросам советского, партийного, экономического и национального строительства как в центре, так и на местах. Истпарт предлагал приступить к подготовке монографий на предложенные темы. При этом отмечалось: «Монографии не должны носить характера ни апо-

⁶ «Пролетарская революция», 1922, № 4, стр. 360

логии (особенно ведомственной), ни агитационной литературы. Может быть не всегда окажется возможным говорить все, но то, о чем возможно говорить, должно быть обследовано и высказано с возможной полнотой, беспристрастием и с оценкой строго марксистской»⁷.

Как уже отмечалось, в 1918—1920 гг. появились популярные очерки по истории первой в мире социалистической революции, рассчитанные на массового читателя. В этих очерках особенно сильно проявилось противоречие между разработкой теории революции и слабой изученностью конкретного материала. И хотя авторы в большинстве были свидетелями и участниками событий, основной недостаток их работ заключался в фактографической бедности. Перед новыми научными центрами, возникшими в начале 20-х годов, встала задача восстановления фактической канвы событий. Ее решали большим коллективом и в первую очередь новые научные учреждения и архивы, исторические журналы «Пролетарская революция», «Красная летопись» и др.

Если для периода 1918—1920 гг. характерны интенсивное соби́рание исторических материалов, публикация мемуаров и документов, издание популярных очерков, то в начале 20-х годов вся эта работа дополняется широкой исследовательской деятельностью в области истории Октябрьской революции.

Основное внимание было обращено на накопление конкретного фактического материала, проверку его точности и достоверности, на выделение из всей суммы фактов наиболее важных и существенных для исследования истории подготовки и проведения Октябрьской революции. В 1921—1923 гг. вышло несколько сборников по истории Октябрьской революции в Москве и Петрограде⁸, содержащих главным образом воспоминания активных деятелей и рядовых участников борьбы за победу социалистической революции. Особенно богатый фактический материал был опубликован по истории

⁷ Там же.

⁸ «Октябрьское восстание в Москве». М., 1922; «Октябрьские дни в Москве и районах». М., 1922; «Октябрь на Пресне». М., 1922; «Октябрьские дни в Сокольниках». М., 1922; «От Февраля к Октябрю». М., 1923; «Железнодорожники и революция». М., 1923; «Путь к Октябрю», вып. I—III. М., 1923; «Пролетарская революция», 1922, № 10 (весь номер посвящен Октябрьской революции); «Красная летопись», 1923, № 6, 8 и др.

революции в Москве. Мемуары охватывали широкий круг вопросов: подготовка и проведение революции в Москве и ее районах, близлежащих уездах, городах, настроение рабочих и солдат, их участие в вооруженном восстании, деятельность Советов, Военного бюро, Военно-революционного комитета и т. п. Эти источники давали возможность приступить к восстановлению подлинной конкретной картины борьбы за власть Советов в Москве, они показывали руководящую роль партии большевиков, деятельность центральных и местных партийных организаций по сплочению трудящихся масс, самоотверженную борьбу московского пролетариата. Авторы воспоминаний иногда приводили сохранившиеся у них документы. В статье Яна Грунта⁹ приводились тексты листовок Коломенского комитета РСДРП за 1917 г., протокол заседания Совета рабочих и солдатских депутатов от 26 октября 1917 г., манифест Коломенского Совета.

В сборник «Октябрьское восстание в Москве» вошли доклад Г. А. Усиевича в Московском Совете (7 ноября 1917 г.) о деятельности Военно-революционного комитета, белогвардейские приказы и донесения за октябрь 1917 г., содержавшие интересные сведения о состоянии и деятельности контрреволюции¹⁰, разнообразные документы из архива Московского ВРК за октябрь 1917 г.¹¹

Широко развернутая местными отделениями Истпарта работа по изданию исторических памятников о событиях 1917 г. приносила свои плоды¹². В этих публикациях большее место, чем в центральных изданиях, занимали такие документы, как приказы, резолюции, воззвания местных военно-революционных комитетов. Таким образом, публикация первоисточников в 20-е годы, уже давала в руки исследователей материал для создания статей и книг по истории Октября. Они стали важным элементом острой идейной борьбы, которая шла в то вре-

⁹ «Путь к Октябрю», вып. III.

¹⁰ «Октябрьское восстание в Москве». Сборник документов, статей и воспоминаний. М., 1922, стр. 7—20, 76—90.

¹¹ Там же, стр. 155—261.

¹² «Рабочая революция на Урале». Екатеринбург, 1921; «Пролетарская революция на Дону», вып. I, II. Ростов-на-Дону, 1922—1923; «Революция в Крыму», вып. I, II, [б. м.], 1923; «Пять лет пролетарской борьбы». Саратов, 1922; «Революционная борьба в Гомельской губернии». Гомель, 1921; «Октябрьская революция. Первое пятилетие». Харьков, 1922; «Красная летопись», Симбирск, 1923; «Из партийного прошлого», вып. II. Калуга, 1923 и др.

мя вокруг вопроса о революции; опровергали лживые измышления белоэмигрантской и меньшевистско-эсеровской историографии, отрицавшей социалистический характер Октябрьской революции и участие в ней широких народных масс, которые под руководством большевистской партии боролись за подготовку и проведение революции. Фактографическая база расширялась, и это давало возможность усилить аргументацию основных теоретических положений о том, что социалистическая революция явилась необходимым и закономерным явлением в истории России; ее победа была подготовлена всем ходом развития русского революционного движения, самоотверженной борьбой рабочего класса и деятельностью большевиков. Развитие источниковедческой базы способствовало также развенчанию враждебной историографии, многочисленных разглагольствований милюковых, черновых, сухановых и им подобных о том, что Октябрьская революция якобы явление случайное, ненормальное в истории России, и ее победа недолговечна.

С июня 1921 г. Истпарт начал работу по собиранию материалов для хроники Октябрьской революции. Инициатором этого важного дела был В. И. Ленин. В 1920 г. он дал указание М. Н. Покровскому и В. В. Адоратскому по написанию очерков революции или хроник важнейших событий¹³. После получения от Ленина этого задания составление хроники было включено в план работы Истпарта и проходило под наблюдением ЦК РКП(б). В декабре Оргбюро ЦК РКП(б) назначило М. Н. Покровского и В. В. Адоратского ответственными за эту работу, указав на необходимость уделить особое внимание изучению истории Октября и изданию общедоступной хроники событий. Хроника должна была охватывать период с февраля-марта 1917 г. по июль 1921 г. Она создавалась на материалах периодической печати и литературы. Для собирания материалов было привлечено около 15 сотрудников Истпарта. Они работали над темами: экономика и хозяйственное строительство, финансы, продовольствие и аграрный вопрос; организация Советской власти в центре и на местах; законодательство; контрреволюция; армия; внешняя политика и на-

¹³ «Ленинский сборник», XXXVI, стр. 101—102; «Пролетарская революция», 1930, № 7-8, стр. 138.

циональный вопрос; РКП(б); Интернационал; профессиональное движение; народное образование; печать; массовое движение¹⁴ и пр.

В 1923 г. первые хроники революции 1917 г. вышли в свет¹⁵. «Хроника», подготовленная В. В. Максаковым и Н. В. Нелидовым, охватывала события с 16 января до 13 января 1918 г. Ее цель составители определяли так: «Дать по возможности исчерпывающий проверенный перечень наиболее важных событий, могущих служить справочником для лекторов партшкол, учащихся высших учебных заведений и рядового партийного работника»¹⁶. Основным источником «Хроники» были газеты; составители привлекли некоторые архивные материалы, в частности, журнал заседаний Временного правительства, черновики некоторых протоколов исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов и бюро ЦИК, октябрьские резолюции ЦК РКП(б). В «Хронике» были использованы сочинения В. И. Ленина (т. 14 и 15), сборники «Мирные переговоры в Брест-Литовске», «Октябрьское восстание в Москве», «Октябрьские дни в Москве и районах», «Москва в Октябре 1917 года», журнал «Пролетарская революция» (№ 3, 5, 6) и др. Важнейшие события излагались по дням в хронологической последовательности и в очень сжатом виде. Были также включены тексты из статей и речей В. И. Ленина.

В том же году вышли три тома более полной хроники революции. Каждый том состоял из двух частей. Первая часть содержала изложение наиболее важных событий из истории экономической, политической, международной жизни России, внутренней и внешней политики царизма и Временного правительства, рабочего и крестьянского движения, деятельности РСДРП(б). Во вторую часть входили различные документы, относящиеся к событиям января — июня: манифест ЦК РСДРП(б) 27 февраля 1917 г., приказ № 1 Совета рабочих и солдатских депутатов от 1 марта 1917 г., акт об отречении

¹⁴ «Бюллетень Истпарта», 1921, № 1, стр. 24.

¹⁵ В. Максаков и Н. Нелидов. Хроника революции, вып. I. М.—Пг., 1923; Н. Авдеев. Революция 1917 г. (Хроника событий). М.—Пг., 1923, т. I. Январь — апрель; т. II. Апрель — май; В. Владимирова. Революция 1917 г. (Хроника событий), т. III. Июнь — июль. М., 1923.

¹⁶ В. Максаков и Н. Нелидов. Указ. соч., стр. 3.

Николая Романова, декларация Временного правительства, опубликованная 3 марта 1917 г., нота министра иностранных дел Милюкова от 18 апреля; резолюции Апрельской конференции РСДРП(б) и др. Это придавало хронике хрестоматийный характер и делало ее более ценным для того времени изданием.

Источниковедческая база трехтомной «Хроники» была значительно шире. Кроме того, в ней не только излагался ход событий, но давались характеристика и оценка важнейших из них. В I томе подробно описывается заседание Всероссийского совещания Советов конца марта — начала апреля 1917 г. Большое внимание авторы уделяли проверке дат сообщаемых сведений. Правда, «Хроника» имела все же некоторые фактические неточности, причем ссылки на источники отсутствовали, сведения по провинции носили случайный и отрывочный характер, не всегда указывалась партийная принадлежность лиц, выступавших на конференциях и съездах, включались наряду с важными мелкие факты. Несмотря на все это, издание явилось значительным вкладом в историческую литературу о событиях 1917 г.; была проделана большая работа по собиранию, изучению, критическому отбору и анализу большого фактического материала. Эти концентрированные сводки фактического материала были в равной мере полезны для исследователей, преподавателей, лекторов и студентов. Не случайно они получили высокую оценку научной критики тех лет¹⁷.

Одновременно с публикациями и хрониками в 1921—1923 гг. стали появляться марксистские исследования по отдельным проблемам истории советского общества. Авторы этих работ ставили и пытались решать сложные проблемы из истории разрушения старого и создания нового общественного строя; систематизировали довольно значительный фактический материал и делали свои обобщения. Конечно, ошибок было немало, но нельзя забывать того, что в те годы делались только первые шаги по изучению большой и крайне трудной темы. Это была первая научная продукция историков-марксистов начала 20-х годов по истории Октября. Как отмечает Е. Н. Горюцкий, «научное историографическое значение этих ра-

¹⁷ «Печать и революция», 1924, № 1, стр. 222—223.

бот заключается в том, что они нанесли первые сокрушительные удары по буржуазной фальсификации истории социалистической революции и явились первыми попытками освоения и разработки ленинской концепции Октября»¹⁸.

Обширная литература об Октябрьской революции вышла в связи с пятилетием установления Советской власти. Очерки, посвященные событиям 1917 г., были подготовлены Я. Яковлевым, Л. Крицманом, Г. Лелевичем, И. Флеровским и др.¹⁹ От популярных работ на эту тему, появившихся в 1918—1920 гг., они отличались не только объемом, но и более углубленным освещением событий, более четкой постановкой вопросов, решение которых связывалось с критикой П. Миллюкова К. Каутского, Л. Мартова, Ф. Дана и других идейных противников Октябрьской революции. Наряду с освещением характера Февральской и Октябрьской революций, их движущих сил и исторического значения в исследованиях 1922—1923 гг. поднимались такие проблемы, как закономерность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, классовая сущность Временного правительства и корниловщины, отличие буржуазно-демократической революции от пролетарской, особенности социалистической революции в России, соотношение демократических и социалистических элементов в первых мероприятиях Советского государства и др. Л. Крицман видел специфическую черту русской революции в том, что ликвидация капиталистических отношений осложнялась необходимостью уничтожения феодально-крепостнических форм эксплуатации крестьянства, он попытался рассматривать Октябрьскую революцию как мировое явление, выдвинув ошибочный тезис, что в русской революции имелись черты колониальной революции²⁰. В целом его трактовка Октябрьской революции

¹⁸ *Е. Н. Городецкий*. К характеристике историографии Великой Октябрьской социалистической революции. — «История СССР», 1960, № 6, стр. 89.

¹⁹ *Я. Яковлев*. Об историческом смысле Октября. М., 1922; *Л. Крицман*. Русская революция. — «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1; *Г. Лелевич*. Октябрь в Ставке. Гомель, 1922; *И. Флеровский*. Октябрьская революция и НЭП. М., 1922; «Борьба за Советы — органы пролетарской диктатуры». — «Пять лет власти Советов». М., 1922; «Завоевание власти на местах». — Там же; «За 5 лет, 1917—1922». М., 1922; «Пролетарская революция», 1922, № 10; «Красная летопись», 1922, № 3 и др.

²⁰ *Л. Крицман*. Русская революция. — «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1.

как соединения двух революций — социалистической революции рабочего класса и буржуазно-демократической революции крестьянства — является весьма характерной для литературы тех лет, не усвоившей еще ленинской идеи о решении Октябрьской социалистической революцией походя, мимоходом задач буржуазно-демократической революции.

Соотношению социалистических и буржуазно-демократических элементов в Октябрьской революции большое внимание уделял Я. Яковлев. Анализируя первые мероприятия Советской власти, он оценивал одни из них («Декларация прав народов России») как буржуазно-демократические, другие как социалистические. В своей книге он пишет, что декрет о земле по своему содержанию «лежит еще в плоскости буржуазно-демократической революции, но в то же время, нанося удар частной собственности на средства производства, он открывает ворота борьбе за социализм»²¹. Такой же характер, по его мнению, носили декрет о мире, провозглашавший революционный выход из войны, положение о рабочем контроле²².

Разоблачению деятельности мелкобуржуазных партий в период Октябрьской революции были посвящены работы В. А. Быстрянского и Я. А. Яковлева, в которых на основе документальных материалов показано превращение меньшевиков, эсеров и анархистов в организаторов и активных деятелей контрреволюционных выступлений против Советской власти²³. Эти работы положили начало изучению новой темы, которая стала успешно разрабатываться в 20-е годы. Наряду с решением основной проблемы — эволюции мелкобуржуазных партий в революционный период — авторы уделяли большое внимание их истории за все годы существования. Яковлев в своем исследовании отмечал, что «узкая задача» дать характеристику теоретических позиций и практических действий русского анархизма «превращается

²¹ Я. Яковлев. Об историческом смысле Октября, стр. 16

²² Там же, стр. 17.

²³ В. А. Быстрянский. Меньшевики и эсеры в русской революции. Пг., 1921; Я. Яковлев. Русский анархизм в Великой русской революции. М., 1921. Первые небольшие работы на эту тему появились уже в 1918 г.; Г. Устинов. Меньшевики, правые эсеры и контрреволюция. М., 1918; он же. Крушение партии левых эсеров. М., 1918.

в значительной мере в очерк развития всего русского анархизма»²⁴. Он дал глубокий анализ развития анархизма с момента его возникновения до гражданской войны. Привлечение большого количества различных типов источников позволило Яковлеву раскрыть важнейшие стороны мировоззрения и тактики анархистского течения²⁵. Ярко и образно рассказывает автор об участии анархистов в контрреволюционной агитации, заговорах, восстаниях, направленных на свержение Советского правительства.

Характеристике социальной базы мелкобуржуазных партий посвятил свое исследование В. А. Быстрянский. Он убедительно показал, что идеология и практика меньшевиков и эсеров является разновидностью мелкобуржуазного социализма и международного оппортунизма. «Роль его в настоящую историческую эпоху, в момент решительной схватки между трудом и капиталом не только консервативна, но и прямо реакционна. Представители мелкобуржуазного социализма становятся простыми орудиями контрреволюционной буржуазии в ее борьбе против поднимающегося к власти рабочего класса»²⁶. Все эти работы о мелкобуржуазных партиях, появившиеся в начале 20-х годов, давали правдивое освещение подлинных действий и замыслов мелкобуржуазной контрреволюции и способствовали развенчанию мелкобуржуазных воззрений, имевшихся еще среди определенных слоев населения России.

В 1923 г. в издании Истпарта появилась работа С. А. Пионтковского²⁷. Активный сотрудник Истпарта, участник создания Архива Октябрьской революции, профессор кафедры истории партии Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, заместитель главного

²⁴ Я. Яковлев. Русский анархизм в Великой русской революции стр. 4.

²⁵ В книге Я. Яковлева широко использована анархистская пресса: «Анархия» (орган Московской федерации анархистов), «Буревестник» (орган Петроградской организации), «Вестник анархии» (Брянской), «Набат» (Украинской), «Набат» (Одесской) и др., сочинения М. А. Бакунина и других теоретиков анархизма. Кроме того, в работе использованы материалы Реввоенсовета и штаба Южного фронта, сводки местных продовольственных комитетов.

²⁶ В. Быстрянский. Меньшевики и эсеры в русской революции, стр. 5.

²⁷ С. А. Пионтковский. Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход. Популярно-исторический очерк. М. — Пг., 1923. Тогда же была подготовлена им «Хрестоматия по истории Октябрьской революции» (М., 1923).

редактора журнала «Пролетарская революция» С. А. Пионтковский становится одним из зачинателей марксистской историографии Октября. Автор скромно определил свой труд как популярный, однако широкий круг вопросов, глубокое освещение ряда проблем, солидная для того времени источниковедческая база — все это говорит о том, что исследование Пионтковского является серьезной попыткой дать изложение общей концепции истории Октября. Предпосылки и закономерность революции в России, влияние мировой войны на народное хозяйство и развитие рабочего движения, характер и движущие силы революции, борьба партии за власть, ее деятельность как руководителя и организатора вооруженного восстания, борьба за Советскую власть в Петрограде, Москве и на периферии, сопротивление контрреволюционных сил, первые мероприятия Советской власти — таковы вопросы, получившие освещение в его книге.

Если в большинстве работ тех лет вопрос о предпосылках социалистической революции решался главным образом в плане ее подготовленности развитием революционного движения в России, борьбой рабочего класса и деятельностью партии большевиков, то С. А. Пионтковский пытается решить эту проблему, обратившись к характеристике экономического состояния страны, степени ее зрелости с точки зрения развития монополистического капитализма в России. Хотя автор не дал четкого определения времени вступления России в империалистическую стадию, в целом он правильно характеризовал важнейшие явления в экономической жизни страны кануна Октябрьской революции²⁸. С. А. Пионтковский отмечал, что ни меньшевики, ни эсеры не поняли глубочайших причин Октябрьской революции, дали ей совершенно неправильную оценку как революции буржуазной; это определило их поведение в период между февралем и октябрём 1917 г., и в послеоктябрьский период, когда они активно выступили в лагере контрреволюции, против Советской власти.

Особенно удались автору, на наш взгляд, разделы, посвященные борьбе партии большевиков за массы

²⁸ С. А. Пионтковский. Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход, стр. 3—25.

накануне Октября. Помимо описания событий в центре, автор дал специальную главу о борьбе за Советскую власть на периферии и на фронте. Это была первая попытка охватить в одной работе события на территории всей страны. При том уровне науки и слабой изученности фактов о революционных событиях на местах эти разделы носили, конечно, несколько поверхностный характер, однако в них имеются интересные наблюдения, подтвердившиеся позднее. Так, своеобразие и успехи социалистического переворота С. А. Пионтковский связывал с социальным составом населения в различных районах страны²⁹. Свои наблюдения и выводы автор подтверждает ссылками на работы В. И. Ленина и на документальные или мемуарные источники.

Вместе с тем в книге С. А. Пионтковского есть серьезные методологические ошибки и противоречия. Особенно сильно они проявились в определении характера Октябрьской революции: «С одной стороны, это пролетарская, международная революция, с другой стороны,— это революция мелкобуржуазная»³⁰. И далее: «...Двуликость Октября сказывалась не только в том, что он уничтожил пережитки феодализма и творил буржуазную революцию, а и в том, что наряду с этим он вырастал в революцию социалистическую, выявлял свою пролетарскую сущность»³¹. Развивая свою точку зрения, которая не соответствует ленинской характеристике Октябрьской революции как социалистической, попутно решавшей задачи буржуазно-демократической революции, С. А. Пионтковский делит все мероприятия Советской власти на две группы. К первой он относит буржуазно-демократические преобразования (декрет об уничтожении сословий, Декларация прав народов России); ко второй — социалистические (рабочий контроль, учреждение СНК и т. п.). Исходя из этой неверной методологической посылки, Пионтковский утверждал: «Двойственный характер Октябрьской революции, делавшей шаги к социализму, но не ставившей социализм в порядок дня, приводил к тому, что пролетариату и крестьянству приходилось принимать двойственную позицию, с

²⁹ С. А. Пионтковский. Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход, стр. 102.

³⁰ Там же, стр. 79.

³¹ Там же, стр. 115.

одной стороны, уничтожая буржуазную систему отношений, с другой, сохраняя ее,— это сказалось в декрете о рабочем контроле, это сказалось и в декрете о национализации банков»³². Это положение, выдвинутое в книге С. А. Пионтковского, противоречит историческим фактам и высказываниям В. И. Ленина о характере проводившихся Советской властью мероприятий.

В условиях отсутствия марксистских учебников по истории Октября книга С. А. Пионтковского была тем не менее едва ли не основным учебным пособием и выдержала несколько изданий³³.

Более узкой теме посвящены вышедшие в 1923 г. «Очерки» К. И. Шелавина о событиях февраля — июля 1917 г. В первую часть этой книги вошли пять глав: 1. От февраля к Октябрю. 2. Апрельское выступление и РСДРП(б). 3. От апреля к июлю. 4. РСДРП(б) и июльские дни. 5. «Победители» и «июльское дело». Автор «Очерков» поставил своей задачей показать, что июльское выступление пролетариата и развернувшиеся события не были вызваны «преступной агитацией большевиков» и заговорами, как утверждали тогда кадеты, меньшевики, эсеры и прочие враги социалистической революции. «Июльские дни 1917 г. неизбежно вытекали из всего развития русской революции, начиная с момента свержения самодержавия в феврале-марте 1917 г., неизбежно вытекали из всей сложившейся в течение первых месяцев революции обстановки и соотношения сил различных классов, участвовавших в ней»³⁴.

Это была первая историческая работа о событиях, совершавшихся между февралем и октябрём 1917 г. Поскольку книги Яковлева, Быстрянского и Лелевича совершенно не касались данной проблемы, нельзя не признать серьезных трудностей, которые Шелавину пришлось преодолеть. Не все стороны темы освещены глубоко и всесторонне; тексты исторических документов нередко приводятся без указания источника. Бесспорным достоинством работы является то, что при освещении важнейших вопросов этого периода автор постоянно

³² Там же, стр. 120.

³³ С. А. Пионтковский. Октябрьская революция, ее предпосылки и ход. Популярно-исторический очерк, изд. 2-е. М., 1924; изд. 3. М., 1926. В 1927 г. она была издана в Париже на французском языке.

³⁴ К. Шелавин. Очерки русской революции 1917 г., ч. I, Пг., 1923, стр. 3.

обращается к ленинским работам, используя ленинские характеристики Временного правительства, соглашательской тактики меньшевиков и эсеров в Петроградском Совете. Автор рассказывает о том, как по мере разочарования во Временном правительстве, которое не могло удовлетворить требования рабочих, крестьян и солдат, усиливалось недоверие к соглашательской политике мелкобуржуазных партий, как росли симпатии масс к большевикам, выступавшим против антинародной политики Временного правительства. В «Очерке» использованы периодическая пресса 1917 г., большевистские партийные документы, мемуары и буржуазная литература об Октябрьской революции, в частности П. Милюкова. Автор показывает роль В. И. Ленина в описываемый период развития революции, раскрывает значение Апрельских тезисов и VII (Апрельской) Всероссийской конференции большевиков и их борьбу против меньшевиков, перешедших на позицию защиты интересов буржуазии. В книге освещается деятельность большевиков в феврале — апреле 1917 г., последовательно борющихся за интересы пролетариата, и показывается, как умелой тактикой борьбы за массы партия в сравнительно короткий срок смогла добиться заметного влияния и популярности среди самой активной и революционной части петроградского пролетариата и солдат, несмотря на гнусную клевету, к которой прибегали контрреволюционеры, чтобы опорочить авангард пролетариата. Подробно описывая июльские события 1917 г., К. Шелавин показывает, что они были результатом взрыва стихийного недовольства масс³⁵. В последней главе книги освещается так называемое июльское дело, сфабрикованное против большевиков и не имевшее под собой никакой реальной почвы.

Работа К. Шелавина была направлена против П. Милюкова и его «Истории второй русской революции» (т. I, вып. I. София, 1921), которая, как убедительно показал автор, состоит из грубых подтасовок и фальшивок.

Наряду с охарактеризованными выше работами отдельные вопросы истории социалистической революции освещались в литературе по истории гражданской войны и интервенции, по истории социалистического строи-

³⁵ К. Шелавин. Очерки русской революции 1917 г., ч. I, стр. 145.

тельства, о которых речь будет идти ниже. Ценность этих исследований определялась тем, что в них в отличие от литературы 1918—1920 гг. история Октябрьской революции излагалась в тесной связи с дореволюционным и послеоктябрьским периодами развития страны. Это позволяло авторам глубже и убедительнее раскрыть предпосылки социалистической революции в России и показать ее последствия для дальнейшего развития страны.

Нельзя не отметить еще одну особенность марксистской историографии Октябрьской революции, свойственную также книгам о гражданской войне и интервенции. Если в центре (Москва, Петроград) появлялись общие очерки по данным проблемам, охватывающие, как правило, страну в целом, то на периферии почти не было работ такого характера. В изучении Октября на местах преобладали более локальные и узкие темы, которые решались на местных материалах, силами сотрудников Истпарта, партийными и советскими работниками — участниками и свидетелями событий 1917 г.³⁶ В статьях и очерках, небольших брошюрах и книгах по истории борьбы за Советскую власть описывался, как правило, конкретный ход событий в данном городе, губернии, крае. В центре внимания историков стояли такие вопросы, как соотношение классовых сил в этом районе накануне Октября, состояние местных органов власти в период между февралем и октябрём, состав и деятельность Советов, работа большевистских партийных организаций и борьба против контрреволюционных сил, создание революционных пролетарских органов управления на местах. В этой литературе содержится ценный фактический материал, интересные наблюдения и оценки. Слабость ее в том, что описываемые события почти не связаны с общей борьбой пролетариата во всей стране, о которой в те годы на местах знали еще очень мало. Перед историками Октябрьской революции, работавшими в начале 20-х годов, стояла задача объединения общих усилий в изучении этих великих событий. Необходимо

³⁶ А. Бочков. Три года Советской власти в Казани. Хроника событий 1917—1920 гг. Казань, 1921; М. Майоров. Из истории революционной борьбы на Украине (1917—1919). Киев, 1922; Г. Ладеха. Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар, 1923; М. Лебедев. Красная Армия в борьбе за Советскую власть (Краткая история гражданской войны. 1918—1920 гг.). Киев, 1922 и др.

было расширить и укрепить научные связи, усилить помощь со стороны марксистских кадров, работавших в центре, улучшить организацию взаимной информации о научно-исследовательской и публикаторской работе. Видную роль в этом сыграли новые советские исторические журналы и те историки-марксисты, которые в них сотрудничали.

Второй большой темой, привлекавшей внимание марксистов с первых лет существования Советского государства, была история гражданской войны и иностранной интервенции 1918—1920 гг.

Уже в ходе гражданской войны разворачивалась работа по собиранию различных типов источников, относящихся к истории 1918—1920 гг.; ее начали проводить Комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг. при Всероссийском Главном штабе, Архив Красной Армии, Военно-научное общество Академии Генерального штаба Красной Армии и др.³⁷ Более широкий размах эта работа приобрела с возникновением Истпарта и Архива Октябрьской революции. В инструкциях и обращениях Истпарта неоднократно отмечалось, что изучение истории Октябрьской революции и Коммунистической партии, истории становления и укрепления нового общественного строя невозможно без глубокого исследования событий гражданской войны и интервенции. Тогда же Истпарт наметил основные линии монографического изучения этой темы, определив конкретно круг проблем, среди которых были темы по истории создания Красной Армии, борьба против буржуазно-помещичьей контрреволюции, интервенции и др.

Появившиеся в начале 20-х годов публикации документов и мемуаров явились значительным достижением молодой советской науки и историков, работавших в этой области. Большое количество ценных материалов публиковалось на страницах журналов «Пролетарская революция», «Летопись революции», «Красная летопись». Специальные сборники исторических документов и статей были посвящены военным событиям на фронтах гражданской войны, истории партизанского движения в районах, временно захваченных белогвар-

³⁷ И. Л. Шерман. Советская историография гражданской войны в СССР. 1920—1931. Харьков, 1964 стр. 8—17.

действиями и интервентами, подпольной работе большевистских организаций и борьбе широких народных масс с внутренней контрреволюцией и интервентами³⁸. Постановка этих вопросов свидетельствовала о правильности общего направления в собирании и накоплении фактического материала по данной проблеме.

Авторы первых работ о гражданской войне и интервенции не ставили перед собой цели дать исторические очерки по всем вопросам этого периода. Создавая свои труды по живым следам событий, они пытались проанализировать и обобщить опыт, накопленный в боях за Советскую власть, в различных областях военной и политической деятельности, стратегического, оперативного и тактического руководства, строительства Красной Армии, путей и принципов ее формирования. Решение всех этих вопросов было подчинено задаче защиты социалистического отечества, укрепления и развития вооруженных сил Советского государства, обобщения накопленного опыта для защиты социалистического отечества и для международного рабочего движения. В этом исследователи 20-х годов видели основную цель своей работы по изучению истории гражданской войны и интервенции. Большинство очерков, статей, брошюр было посвящено проведению отдельных военных кампаний и операций, деятельности различных армий, соединений, частей, созданию Красной Армии и Красного Флота. Некоторые работы на эту тему появились как отчеты к съездам Советов³⁹.

³⁸ «Гражданская война». Сборники Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг. М., вып. I, II, 1923; вып. III, 1924; «Доблестная защита Петрограда в Октябре 1919 года». (По материалам полевого штаба Реввоенсовета республики). М., 1921; «Революция на Дальнем Востоке», вып. I. М., 1923; «Дальистпарт», кн. 1. Владивосток, 1923; «Сборник Истпарта» (Новониколаевск), 1923, № 1; «Иваново-Вознесенская губерния в гражданской войне». Иваново-Вознесенск, 1923; П. Никифоров. Исторические документы о действиях и замыслах международных хищников на Дальнем Востоке. М., 1923.

³⁹ Подробнее об этом см.: В. П. Наумов. К историографии белочешского мятежа. — «Ученые записки Академии общественных наук», вып. 40, 1958; он же. Основные этапы в изучении истории гражданской войны в СССР. — «Вестник МГУ», серия IX. История, № 2. М., 1964; он же. Советская историческая литература о важнейших вопросах иностранной интервенции и гражданской войны (вторая половина 1918 — начало 1919 г.) — «Некоторые проблемы истории советского общества». Историография. М., 1964; Д. К. Шелестов. Советская историография гражданской войны и военной интервенции в СССР. — «Вопросы истории», 1964, № 2; И. Л. Шерман. Советская истори-

Военные историки и специалисты, занимавшиеся различными сторонами и сюжетами этой темы, внесли значительный вклад в изучение истории гражданской войны и интервенции, но они не могли дать цельной картины жизни страны в эти годы, показать единство фронта и тыла, всесторонне раскрыть руководящую роль Советского государства и Коммунистической партии. Однако, работая над отдельными проблемами и сюжетами гражданской войны, они вплотную подошли к созданию обобщающих трудов о военных действиях в годы гражданской войны, которые появились в середине 20-х годов.

При явном преобладании в начале 20-х годов военно-исторической литературы нельзя не отметить появления первых исследований более широкого профиля. Среди них были работы В. А. Быстрянского, М. П. Павловича-Вельтмана, Г. Ладохи. К этой же литературе следует отнести интересный очерк начальника Политуправления и члена Реввоенсовета республики С. И. Гусева «Уроки гражданской войны», подготовленный для зарубежных товарищей и переизданный в 1921 г.

Автор подчеркивает, что Октябрьская революция — явление международное, поэтому изучение ее опыта имеет международное значение. Отмечает, что к своей работе он подошел с точки зрения познания «характера и особенностей гражданской войны в эпоху социалистической революции»⁴⁰. В этой книге впервые была сделана попытка дать обобщенную характеристику периода гражданской войны в тесной связи с Октябрьской революцией, с классовой борьбой в стране. Определив гражданскую войну эпохи социалистической революции как «войну между двумя классами — буржуазией и пролетариатом», автор характеризует три борющихся лагеря и их классовый состав. Это «группа активной контрреволюционной буржуазии», группа «активного революционного пролетариата» и «промежуточная пассивная мелкобуржуазная группа, колеблющаяся между революцией и контрреволюцией»⁴¹; величина и роль этих сил в разных странах различны. «В России относительно слабы край-

ография гражданской войны в СССР. 1920—1931; «Очерки по историографии советского общества». М., 1955, стр. 137—219.

⁴⁰ С. И. Гусев. Уроки гражданской войны, изд. 2-е. М., 1921, стр. 5.

⁴¹ Там же, стр. 6.

ние группы и очень велика, многочисленна промежуточная, в развитых капиталистических странах крайние группы значительно сильнее, а промежуточная малочисленнее, слабее. Повсюду можно нащупать эти три основные классовые группы»⁴². На основе классового анализа борющихся группировок, их разбросанности по всей территории страны с различным соотношением классовых сил в разных районах страны, Гусев определяет особенности фронта в годы гражданской войны. «В отличие от обычных войн против иноземного неприятеля в гражданской войне нет определенной, точно фиксированной линии фронта, в гражданской войне фронт везде, и спереди, и сзади и на обоих флангах»⁴³.

С. И. Гусев пытается наметить периодизацию гражданской войны. Первый период он относит ко времени назревания всеобщего национального кризиса, т. е. до захвата власти пролетариатом, и определяет его как «период стихийного роста революционного пожара», когда особенно важно внести в стихийное движение сознательное руководство; второй период — с момента захвата власти пролетариатом, он наполнен ожесточенной борьбой народной власти с контрреволюционными силами. Обобщая опыт гражданской войны в России, автор делает вывод: «Первая и единственная задача захватившего власть пролетариата — это немедленная организация Красной Армии, слияние вышедших из восстания отрядов в регулярные части, пополнение их, создание новых единиц. Неисчерпаемость пополнений Красной Армии, особенно по сравнению с белогвардейскими резервами, дает величайшую гарантию в ее конечной победе»⁴⁴.

Большое внимание уделяет С. И. Гусев вопросу о преимуществах Красной Армии, ее отличию от царской и контрреволюционной армий. Он раскрывает особенности формирования Красной Армии в годы гражданской войны, выясняет роль различных родов войск, значение тыла, деятельность реввоенсоветов, комиссаров, политотделов, партийных организаций в армии. И хотя работа С. И. Гусева в целом носит информационно-обзорный характер, в ней содержатся интересные наблюдения и

⁴² Там же.

⁴³ Там же, стр. 7.

⁴⁴ Там же, стр. 11.

выводы, впервые высказанные в военно-исторической литературе и имеющие прямое отношение к гражданской истории 1918—1920 гг. Нельзя согласиться с утверждением И. Л. Шермана, что в работе С. И. Гусева нет «четкого марксистского понимания» роли различных классовых групп, участвовавших в войне, роли крестьянства. С большими оговорками может быть принят упрек в адрес С. И. Гусева в социологизировании⁴⁵. Характер этой работы требовал определенных и значительных социологических обобщений, и этим она выгодно отличается от сугубо фактографических и военно-оперативных изданий того времени, подготовленных военными специалистами.

Важнейшие вопросы гражданской войны, ее цели, классовое содержание, особенности в условиях России, итоги и уроки — все эти проблемы автор решал с марксистских позиций, показывая историческое значение этой войны при смене капиталистического строя социалистическим.

К числу исторических исследований на эту тему относится работа Г. Ладохи о событиях гражданской войны на Кубани. Это одна из первых значительных работ по истории гражданской войны, написанная на местных не только опубликованных, но и архивных источниках. Она охватывает широкий круг вопросов, содержит хорошо систематизированный фактический материал, глубокие марксистские характеристики социально-экономических явлений, ценные психологические зарисовки. Г. Ладоха не только подробно описал ход исторических событий первого, самого драматического периода гражданской войны на Кубани, развитие социалистической революции и ее особенности в этом районе страны, но и показал, что организатором борьбы трудящихся за Советскую власть на Кубани были большевики.

Как справедливо отмечает И. Л. Шерман, автору удалось показать своеобразие гражданской войны на Кубани в связи с особенностями социально-экономического развития этого района страны⁴⁶. Анализ классовых отношений накануне 1917 г. позволил автору оценить роль и место различных групп населения в классо-

⁴⁵ И. Л. Шерман. Советская историография гражданской войны в СССР 1920—1931, стр. 55—71.

⁴⁶ Там же, стр. 159—162.

вой борьбе послеоктябрьского периода. Автору удалось также раскрыть историческое значение борьбы за Советскую власть на Кубани в 1917—1920 гг. в связи с общей борьбой в стране. «Революционная Кубань сыграла огромную роль в борьбе за освобождение пролетариата. Истекая кровью, армии Северного Кавказа приняли на себя удар южной контрреволюции и дали возможность Советской России бороться на Востоке и подготовить силы для окончательного разгрома контрреволюции»⁴⁷, — отмечает автор.

Первые работы по истории иностранной интервенции, вышедшие в начале 20-х годов, принадлежат перу М. П. Павловича-Вельтмана. Подготовленная им серия очерков под общим названием «РСФСР в империалистическом окружении» посвящена взаимоотношениям Советской республики с крупнейшими странами империалистического лагеря⁴⁸. Для трудов М. Павловича характерна тесная связь в освещении истории интервенции с историей всей Советской страны тех лет, ее внутренним положением и внешней политикой. На фактическом материале, впервые введенном в научный оборот, М. Павлович раскрывает агрессивный характер политики Англии, Франции, Японии и Америки. В этой серии впервые на основе источников исследуется политика империалистических государств по отношению к Советской республике, объясняются причины их враждебности, описываются агрессивные планы и формы борьбы (поддержка и организация заговоров, экономическая блокада, открытая военная интервенция и т. п.). М. Павлович убедительно показал, что различные факторы и моменты явились причиной враждебности каждой из этих стран; существенное значение в оформлении позиции той или иной державы имели межимпериалистические противоречия (Америка и Япония, Франция и Англия, Франция и Германия), а также внутреннее положение в этих стра-

⁴⁷ Г. Ладоха. Очерки гражданской борьбы на Кубани, стр. 122.

⁴⁸ М. Павлович-Вельтман. Советская Россия и капиталистическая Англия. М., 1922; *он же*. Советская Россия и капиталистическая Франция. М., 1922; *он же*. Советская Россия и капиталистическая Америка. М., 1922; *он же*. Японский империализм на Дальнем Востоке. М., 1923; *он же*. Борьба за Азию и Африку. М., 1923; *он же*. Мировая война 1914—1918 гг. и грядущие войны. Харьков, 1923; *он же*. Советская Россия и империалистическая Япония. М., 1923.

нах. Автор отмечает, что самым важным событием, определившим поведение империалистов и объединившим их в один враждебный лагерь, была Октябрьская революция, «поставившая у власти ранее угнетенные и зависимые классы».

По мнению М. Павловича, вдохновительницей всего похода империалистических стран против Советской России была капиталистическая Франция, наиболее агрессивна настроенная по сравнению с другими странами-интервентами. Возражая против существовавшей тогда точки зрения, что Франция вела войну с Советской республикой, надеясь заставить Советское правительство вернуть те суммы, которые она одолжила царскому правительству, М. Павлович утверждал, что после Октябрьской революции Франция выступала как самый злобный и последовательный противник Советской власти с целью вернуть прежнего союзника для борьбы против своих конкурентов.

«Вместо Советской России Франция хочет видеть буржуазную или монархическую Россию, с которой она могла бы войти в соглашение насчет окончательного уничтожения Германии, захвата Ближнего Востока и ослабления слишком усилившейся Англии»⁴⁹. Доказательству этого тезиса автор подчинил всю свою работу и собранный им фактический материал.

Особенно противоречиво и не всегда убедительно раскрывается в литературе того времени роль Соединенных Штатов Америки в интервенции. Эта черта свойственна и работе М. Павловича. В более поздних работах советских историков его взгляды неоднократно подвергались серьезной, хотя и не всегда достаточно обоснованной критике. М. Павловича упрекали в идеализации позиции США по отношению к Советской республике, когда он характеризует ее как наименее агрессивную по сравнению с другими странами. Эта точка зрения была весьма распространенной в литературе 20-х годов (И. М. Майский, М. Н. Покровский) вследствие недостаточной изученности фактов и ряда важных источников. С развитием советской науки вопрос о роли США в интервенции подвергся более тщательному исследованию,

⁴⁹ М. Павлович-Вельтман. Советская Россия и капиталистическая Франция, стр. 39.

и на основании документальных материалов было установлено, что США являлись активным участником и организатором интервенции⁵⁰. Заслугой первых исследователей этого вопроса является постановка данной проблемы, попытка решить ее на сравнительном изучении материалов, относящихся к политике разных стран — участниц антисоветской интервенции.

Нельзя не отметить, что при всей противоречивости в освещении позиции США М. Павлович впервые в исторической литературе попытался поднять ряд важных вопросов этой темы, связал их решение с борьбой внутри правящих классов и между политическими партиями, показал отношение различных общественных кругов и групп Америки и самого американского народа к русской революции и Советской власти⁵¹.

В книге, посвященной роли Японии в событиях 1918—1922 г., М. Павлович охарактеризовал захватнические планы японских империалистов, основные этапы японской интервенции, разоблачал предательское поведение эсеров как сторонников и пособников японских империалистов. Особенно интересны разделы, посвященные борьбе сибирских рабочих и крестьян против интервентов. В серии книг М. Павловича освещаются также причины краха интервенции, миролюбивая внешняя политика Советской республики. Несмотря на серьезные недостатки, наличие фактических неточностей, необоснованных утверждений и поспешных выводов, отвергнутых позднее наукой, эти работы по размаху охваченных в них событий и большому фактическому материалу явились значительным явлением в литературе того времени, посвященной данной проблеме. Работы Павловича были высоко оценены критикой тех лет⁵².

К тематике исследований Павловича относятся и небольшие очерки В. Д. Виленского (Сибирякова), посвященные политике России на Дальнем Востоке и истории

⁵⁰ А. В. Березкин. США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России. 1918—1920, изд. 2-е. М., 1952; А. Е. Кунина. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. М., 1954; В. К. Фураев. Советско-американские отношения 1917—1939 гг. М., 1964; В. А. Вальков. СССР и США. М., 1965.

⁵¹ М. Павлович. Советская Россия и капиталистическая Америка, стр. 96—101.

⁵² Подробнее о работах М. Павловича см.: «Вестник агитации и пропаганды», 1922, № 7 (31); «Народное хозяйство», 1922, № 3; «Новый Восток», 1923, № 3; «Книга и революция», 1923, № 3 и др.

развития взаимоотношений Советской республики со странами Востока, в том числе с империалистической Японией, участвовавшей в вооруженной интервенции против Советской России⁵³. С провалом агрессивных планов японских империалистов началась полоса налаживания мирных отношений, осложнявшихся наличием острых межимпериалистических противоречий в этом районе земного шара. Поэтому в марксистских работах 20-х годов этот вопрос разрабатывается как важная политическая проблема о задачах Советской России на Дальнем Востоке и как историческая тема о взаимоотношениях России с крупнейшими странами Востока в прошлом. Однако решение всех этих вопросов В. Виленский (Сибиряков) давал пока еще в самой общей форме на очень небольшом фактическом материале, без глубокого анализа. В тесной связи с историей Октябрьской революции, гражданской войны и интервенции изучалась в начале 20-х годов история социалистического строительства. Как было показано выше, первые труды, посвященные этой теме, появились в 1918—1920 гг., однако они наметили лишь основные контуры исследовательской работы в этой области. В 20-е же годы заметно расширяются хронологические рамки исследований (работы С. М. Дубровского и А. М. Панкратовой); в то же время происходит дробление и детализация больших и сложных проблем на более конкретные и узкие. Одновременно с работами, охватывающими события на территории всей страны, растет число локальных исследований, подготовленных на местных материалах.

Повышенный интерес к вопросам истории социалистического строительства в начале 20-х годов помимо отмеченных выше причин (обобщение накопленного опыта, критика идейных противников) объясняется еще и тем, что в связи с переходом к новой экономической политике появляется потребность в осмыслении и оценке всего пройденного к этому времени пути.

Различные стороны социалистического строительства широко освещались в юбилейной литературе, вышедшей в 1922 г. к пятилетию Советской власти. На страницах общественно-политических журналов и сборников было

⁵³ Вл. Виленский (Сибиряков). Советская Россия у берегов Тихого океана. М., 1923; он же. Россия на Дальнем Востоке. М., 1923.

опубликовано большое количество статей, очерков и обзоров по вопросам социалистического строительства в городе и деревне⁵⁴.

Если авторами большинства работ по социалистическому строительству 1918—1920 гг. были преимущественно видные государственные и партийные деятели, хозяйственники, экономисты, то теперь появляются первые труды историков-профессионалов (А. М. Панкратовой, С. М. Дубровского и др.). В распоряжении историков были многочисленные издания советских и партийных (центральных и местных) организаций, отчеты, инструкции, обзоры, статистические материалы, сборники законодательных актов и распоряжений, которые не всегда были доступны в 1918—1920 гг. Исследователи располагали разнообразными печатными источниками, ценными архивными фондами, которые стали усиленно комплектоваться с введением декрета о хранении архивных дел (1919 г.). Трудность в изучении этой темы состояла в овладении всем этим материалом, в его отборе для включения в научный оборот наиболее важного и существенного. Этим, в частности, на наш взгляд, объясняется то, что советские исторические журналы, уделявшие большое внимание публикации документов по истории революции и гражданской войны, почти не помещали материалов по вопросам социалистического строительства.

В нашу задачу не входит подробная характеристика всей литературы по истории социалистического строительства, тем более что многое уже оценивалось в историографических трудах⁵⁵. Остановимся лишь на анализе важнейших направлений этих исследований.

Общие вопросы экономического развития России послеоктябрьского периода освещались В. П. Милютин⁵⁶. В лекциях, прочитанных им в высших учебных

⁵⁴ П. А. Богданов. Некоторые итоги работы ВСНХ. — «Народное хозяйство», 1922, № 5; М. Савельев. Вехи экономической политики за пять лет. — «Коммунистическая революция». 1922, № 13—14 (37—38); «За 5 лет. 1917—1922». Сборник ЦК РКП(б). М., 1922; «Пять лет власти Советов». М., 1922; «Сборник экономических статей». М., 1922; Конст. Мологов. Промышленность и сельское хозяйство РСФСР. М., 1922.

⁵⁵ И. Л. Шерман. Советская историография гражданской войны в СССР. 1920—1931, стр. 304—316. «Очерки по историографии советского общества», стр. 59—136.

⁵⁶ В. П. Милютин. Новый период мировой экономики. Курс лекций по экономике переходного периода. М.—Пг., [1923]. В работе имеются разделы: 1) Развал капитализма. 2) Национализация средств производства. 3) Органи-

заведениях, он отмечал, что вопросы экономики переходной эпохи находятся еще на стадии самой начальной разработки: «Самый материал, который подлежит обработке, не дает еще возможности перейти к широким научным обобщениям. В сущности, только опыт хозяйственной деятельности Советской России может пока что служить первой основой для подхода к разрешению основных проблем экономики в эпоху диктатуры пролетариата»⁵⁷.

Несмотря на все трудности и сложность создания обобщающих работ теоретического характера, историки и экономисты в начале 20-х годов делали и в этом направлении первые и нередко значительные шаги. К исследованию большинства проблем В. П. Милютин подошел скорее как экономист и социолог, чем историк. Однако с методологической точки зрения эта работа представляет значительный интерес как одна из ранних попыток дать теоретическое обоснование вопросов социалистического строительства, выявить и осмыслить на основании еще очень небольшого опыта и фактического материала важнейшие закономерности экономического развития в эпоху диктатуры пролетариата.

В изучении экономики переходного периода В. Милютин отпаивался от классических определений, данных К. Марксом и В. И. Лениным, выступал против оппортунистов и ревизионистов, доказывавших возможность мирного вставания капитализма в социализм. В. Милютин писал: «Переходное время — это процесс победы социализма над капитализмом, процесс насильственного ниспровержения капиталистической власти и форм капиталистического хозяйства, овладения средствами производства пролетарской властью и организации хозяйства на новых началах»⁵⁸.

Он решительно выступил против буржуазных экономистов (Бруцкуса, Далина) и каутскианского определения переходного периода, как исключительно капиталистического, развивающегося на «капиталистическом фундаменте». Отстаивая ленинское определение экономики

зация Управления. 4) Организация труда. 5) Техника. 6) Проблемы распределения и потребления. 7) Финансовая проблема. 8) Единый хозяйственный план.

⁵⁷ Там же, стр. 3.

⁵⁸ Там же, стр. 7.

переходного периода, где сосуществуют и переплетаются различные общественно-экономические уклады. В. П. Милютин говорил: «Мы должны... обратить особое внимание на изучение тех новых форм хозяйственной жизни и новых экономических отношений, какие возникают при диктатуре пролетариата... познание именно новой творческой области современной экономической действительности открывает перед нами настоящие перспективы будущего и дает возможность действительно научно подойти к изучению современности»⁵⁹. С этих методологических позиций автор подходит к исследованию проблемы национализации, организации управления народным хозяйством, потребления и распределения и других, связанных с возникновением и формированием новой общественно-экономической формации. В. Милютин углубляет и более основательно раскрывает некоторые важные положения своих ранних работ, а также выдвигает и новые. К ним относится обоснование необходимости и закономерности проведения национализации средств производства пролетарской властью. Национализация необходима, говорил Милютин, «в целях осуществления власти пролетариата», для подведения под пролетарскую власть экономического базиса. «Без этого политическая власть ничего почти не дает рабочим массам и почти совершенно не меняет структуры общества, делая крайне легким возвращение власти капиталистам». Национализация средств производства становится необходимым орудием пролетариата в борьбе с буржуазией, так как она «обессиливает противника, лишая его орудий влияния на экономическую жизнь страны». И наконец, проведение национализации дает возможность приступить к организации народного хозяйства на плановой основе. Невозможно определить точно размеры национализации, однако, по утверждению В. П. Милютина, опыт Советской России показал, что основные отрасли промышленности, банки, транспорт подлежат безусловной национализации. В. П. Милютин решительно выступает против тезиса буржуазных экономистов и оппортунистов об обязательности выкупа. ««Выкуп» таит в себе отказ от решительного проведения национализации и надежду сговориться, столковаться, согласиться с капиталистическим классом. Это уже

⁵⁹ Там же, стр. 10.

явная утопия, особенно вредная в условиях гражданской войны»⁶⁰.

Как и в ранних своих работах, В. П. Милютин выделяет два периода национализации в области промышленности. Первый: с октября 1917 до июня 1918 г., когда национализировались отдельные предприятия, в основном тяжелой индустрии. Вначале национализация носила «почти исключительно карательный характер»⁶¹, о чем свидетельствуют мотивы и поводы национализации; в это время «процесс национализации шел снизу, и советские верхи не поспевали за ним, чтобы взять его целиком в свои руки». Второй период автор характеризует как «полосу планомерной национализации», в результате проведения которой к 1921 г. вся промышленность перешла в руки государства. Рассмотрев вопрос об организации управления народным хозяйством, он определяет ее основные принципы и коренное отличие от капиталистической системы хозяйственного управления⁶². В работе содержится большое количество интересных высказываний и обобщений, к которым автор пришел путем глубокого изучения экономического развития страны после Октябрьской революции, на основании личного опыта хозяйственного работника и наблюдений современника. Критика тех лет справедливо оценивала работу В. П. Милютина как ценный вклад в литературу по самому кардинальному и животрепещущему вопросу социалистического строительства⁶³.

Вопросам аграрной революции в России посвятили свои труды С. М. Дубровский, Б. Н. Книпович, А. И. Хрящева и другие советские исследователи, положившие начало изучению истории аграрных преобразований в условиях диктатуры пролетариата⁶⁴. Исследова-

⁶⁰ В. П. Милютин. Новый период мировой экономики, стр. 39—41.

⁶¹ Там же, стр. 49.

⁶² Там же, стр. 48, 51, 61—66.

⁶³ «Вестник Социалистической академии», 1923, № 6, стр. 386.

⁶⁴ Б. Н. Книпович. Направление и итоги аграрной политики 1917—1920 гг. — «О земле». Сборник статей, вып. I. М., 1921; он же. Главные черты сельскохозяйственной эволюции Европейской России в 1916—1921 гг. М., 1923; А. И. Хрящева. Крестьянство в войне и революции. М., 1921; И. А. Кириллов. Очерки землеустройства за три года революции. М., 1922; «Эволюция классов в русской революции». М., 1922; Ю. Ларин. Вопросы крестьянского хозяйства. М., 1923; В. Келлер, И. Романенко. Первый итог аграрной реформы. Опыт исследования результатов землеустройства на примере Задонского уезда Воронежской губернии. Воронеж, 1922.

ние этой проблемы было тесно связано с острой идеологической борьбой вокруг вопросов о перспективах аграрного развития России, в частности с разоблачением буржуазных и мелкобуржуазных теорий Л. Литошенко, Н. Кондратьева, А. Чайнова, А. Челинцева, доказывавших нереальность социалистических преобразований и неизбежность реставрации буржуазно-помещичьего строя⁶⁵.

В марксистских работах начала 20-х годов по аграрной тематике в центре внимания стояли такие вопросы, как аграрная политика и аграрное законодательство Советского государства, характер аграрных изменений, их классовое содержание и социально-экономические итоги, создание первых коллективных хозяйств, некоторые аспекты проблемы союза рабочего класса и крестьянства.

В историко-экономических работах Б. Н. Книповича и А. И. Хрящевой впервые исследовались результаты аграрных преобразований 1917—1920 гг. Проследивая изменения в аграрном строе России послеоктябрьского периода, Б. Книпович усиленно подчеркивал органическую связь новой экономической политики с предшествовавшей политикой Советской власти, с аграрным развитием России предреволюционного периода. Наиболее сильной стороной исследований Б. Книповича и А. Хрящевой следует считать глубокий анализ аграрной политики Советского государства и тех изменений, которые произошли в деревне в 1917—1920 гг. Б. Книпович писал, что важнейшим из них является полная ликвидация нетрудового частновладельческого хозяйства и доходов, связанных с владением землей. Ничтожная часть земель перешла к коллективам и советским хозяйствам; громадная же масса земель перешла в руки крестьянства»⁶⁶. Используя данные переписи 1917 и 1919 гг., Б. Книпович показал осереднячивание деревни; он отмечал, что с ликвидацией помещичьего хозяйства перед

⁶⁵ Подробнее об этом см.: А. М. Чинчиков. О некоторых проблемах историографии социалистического преобразования сельского хозяйства СССР. — «Некоторые проблемы истории советского общества» (Историография). Сборник статей. М., 1964, стр. 91—93; «Очерки по историографии советского общества», стр. 94—98.

⁶⁶ Б. Н. Книпович. Направление и итоги аграрной политики 1917—1920 гг., стр. 24. Вместе с тем в работе содержалось совершенно необоснованное утверждение, что «положительные итоги раздела для малоземельных и безземельных слоев крестьянства были ничтожны» (там же, стр. 29).

крестьянством встали две задачи: борьба с буржуазией и организация коллективных хозяйств. В работе приводятся интересные данные о росте числа совхозов и коллективных объединений в 1918—1921 гг. Исследования Б. Книповича, подготовленные в первой половине 20-х годов, сразу же приобрели широкую известность среди экономистов и историков, занимавшихся проблемами аграрной революции; они оказали большое влияние также на историко-экономическую и историческую литературу по аграрному вопросу, появившуюся позднее. Фактические данные, отдельные наблюдения авторов тех лет широко используются советскими историками-аграрниками в настоящее время, пересматриваемыми и справедливо критикуемыми отдельные теоретические положения этих работ ⁶⁷.

К исследованию молодых историков-профессионалов на эту тему относятся «Очерки» С. М. Дубровского ⁶⁸. Они были задуманы как часть большого труда, где автор предполагал разработать социально-экономические предпосылки революции, исследовать борьбу классов и партий, дать изложение исторических событий периода революции 1917 г. Вышел только один выпуск, освещавший аграрные отношения России с 1861 до начала 1920-х годов. В основу работы положены лекции, которые С. М. Дубровский читал в Москве в 1918—1920 гг. Автор глубоко исследует ряд важных вопросов истории развития сельского хозяйства России XIX—XX вв. Для этой работы характерны широкая источниковедческая база и привлечение обширных статистических материалов ЦСУ и Наркомзема для освещения вопросов о социально-экономических сдвигах в деревне в 1917—1921 гг. В работе использованы труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Фактические сведения С. М. Дубровский частично берет у дореволюционных буржуазных и мелкобуржуазных авторов и дает критику их теорий, в частности неправильных объяснений аграрного развития России. Работа охватывает значительный круг вопросов; в ней показаны итоги реформы 1861 г., эволюция

⁶⁷ «История советского крестьянства и колхозного строя». Материалы научной сессии, состоявшейся 18—21 апреля 1961 г. в Москве». М., 1963, стр. 15, 16, 21, 36, 47 и др.

⁶⁸ С. М. Дубровский. Очерки русской революции, вып., 1, изд. 1-е. М., 1922; изд. 2-е, доп. и расшир. М., 1923. (Цит. по 2-му изд.)

сельского хозяйства после отмены крепостного права, предпосылки и сущность аграрного движения в революции 1905—1907 гг., характер столыпинской реформы, ухудшение положения крестьян и обострение классовой борьбы в деревне вследствие начавшейся мировой войны и т. п. Подводя итоги развития сельского хозяйства к 1917 г., автор делает вывод: «Темп развития процессов, которые подготовляли в деревне революцию, войной был значительно ускорен...»⁶⁹ Раскрывая антинародный характер политики Временного правительства, поворот крестьян от эсеров к большевикам, рост крестьянских волнений, автор отмечает: «Октябрьский переворот был тем шлюзом, через который хлынула волна народного недовольства»⁷⁰. В работе доказывается, что все предшествующее развитие крестьянства подвело его к революции. Выступая против буржуазной и меньшевистско-эсеровской трактовки истории Октябрьской революции, Дубровский показывает, что революцию совершили широкие народные массы. Автор отмечает наличие необходимых предпосылок для социалистической революции в области промышленности. «Русский капитализм из молодых,— спору нет. Но его молодость не помешала ему за какие-либо пятьдесят лет своего более чем бурного развития занять по своим организационным формам далеко не последнее место в ряду передовых капиталистических стран, в непосредственной связи с которыми он и развивался»⁷¹. Далее он показывает, что о развитости русского капитализма свидетельствует возникновение монополистических объединений. «К зрелости капитализма,— отмечает С. М. Дубровский,— приходится прибавить целый ряд других причин, из которых возьмем одну из главных — исключительную революционность русского рабочего класса, его организованность и далеко не пропорциональную его количеству политическую силу... Мало того, что пролетариат рос количественно, он еще сосредоточивался громадными массами в предприятиях-гигантах... Такое конденсирование пролетариата в громадных предприятиях неизмеримо повышало его политическую силу... Революционный потенциал пролетариата был действительно высок». И далее: «Предшест-

⁶⁹ Там же, изд. 2-е, стр. 174.

⁷⁰ Там же, стр. 183.

⁷¹ Там же, стр. 192.

вовавшее капиталистическое развитие к 1917 г. революционизировало пролетариат и своими высокими формами развития поставило перед ним задачу борьбы за социализм»⁷². В борьбе укреплялся союз рабочего класса и крестьянства: «Единственным классом, в котором крестьянство нашло действительного союзника в борьбе с помещиками,— это был рабочий класс, который шел на уничтожение всего старого порядка»; Временное правительство ничего не сделало для удовлетворения требования крестьян, тогда как пролетарская партия «не только помогла идейно оформить требования крестьян, но и осуществить эти требования, лишь только она встала у власти...»⁷³. Необходимо отметить, что в те годы в работах экономистов по аграрной тематике слабо освещался вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства в 1917—1920 гг. Основываясь на ленинских трудах, историки-марксисты приступили к исследованию этой проблемы, которая до сих пор привлекает пристальное внимание ученых.

Пять глав своей работы С. М. Дубровский посвятил проблеме аграрных изменений, совершившихся в 1917—1921 гг., и перспективам развития сельского хозяйства в России. В этих главах С. М. Дубровский исследует вопросы ликвидации помещичьего землевладения, распределения земли, скота и инвентаря между крестьянами и др.⁷⁴ На большом статистическом материале он анализирует социально-экономические сдвиги в деревне в годы гражданской войны (это одна из лучших глав работы), изменения, происшедшие в группировках крестьян, отмечает, что в это время «сокращается количество как пролетарских и полупролетарских хозяйств, так и кулацких, в то же время возрастает общая группа среднего крестьянства»⁷⁵. Автор подчеркивает сложность обстановки, в которой приходилось проводить аграрные преобразования, рассматривает такие вопросы, как «военный коммунизм», сущность продразверстки, важнейшие мероприятия Советского государства в области промышленности и их значение для развития всего народного хозяйства по пути социализма. С появлением комбедов С. М. Дубров-

⁷² С. М. Дубровский. Очерки русской революции, изд. 2-е, стр. 193—194.

⁷³ Там же, стр. 196—197.

⁷⁴ Там же, стр. 215—286.

⁷⁵ Там же, стр. 228.

ский связывает начало социалистической революции в деревне. В работе раскрываются основные направления земельной политики, важнейшие мероприятия Советского государства по восстановлению разрушенного сельского хозяйства (сельскохозяйственные кампании, агропомощь, переселение, всемерное развитие кооперации и т. п.). Автор правильно определяет перспективы развития: «Только ориентация на крупное (социалистическое.— Г. А.) хозяйство есть ориентация по пути прогресса и развития производительных сил сельского хозяйства»⁷⁶. Далее С. М. Дубровский показывает несостоятельность буржуазных, неонароднических и меньшевистско-эсеровских теорий о развитии сельского хозяйства. Известно, что эти «теоретики» объясняли изменения в сельском хозяйстве, в частности в полеводстве, влиянием подразверстки, утверждали, что в условиях национализации невозможно широкое освоение новых земель, отрицали государственное регулирование сельского хозяйства, отстаивали теорию невмешательства государства в развитие сельского хозяйства. Вскрывая классовый смысл этих теорий, Дубровский отмечал: «Лозунг личной инициативы, личной ответственности и невмешательства государства нам приходится рассматривать, как реакцию против диктатуры пролетариата в виде Советского государства...»⁷⁷. Буржуазным теориям и объяснениям он противопоставляет марксистское решение вопроса, основанное на изучении конкретной исторической действительности. Однако в исследовании С. М. Дубровского имеется ряд противоречивых и ошибочных положений. Так, говоря о первых мероприятиях Советской власти в области сельского хозяйства, автор правильно отмечает, что более всего от их проведения получили бедняки, батраки и середняки, но в другом месте утверждает, что деклассирование пролетариата «при общем распаде значительно сузило социальную базу революции, тем более что и в деревне исчез основной союзник пролетариата — деревенский батрак и бедняк, которые политически умерли для революции, лишь только превратились в мелких хозяйчиков». И далее: «Нивелирование крестьянства, как мы показывали, было одной из причин сужения политической базы

⁷⁶ Там же, стр. 242.

⁷⁷ Там же, стр. 380.

Советской власти в деревне»⁷⁸. Подобного рода противоречия, конечно, мешали пониманию в основном правильных марксистских взглядов автора по исследуемым проблемам. Несмотря на это, работа получила высокую оценку его современников и историографов⁷⁹.

В разработке проблем социалистического строительства видное место занимала история создания новых экономических форм и история рабочего класса. Начало 20-х годов отмечено появлением первых трудов по истории фабрично-заводских комитетов и по истории профсоюзного движения в Советской России⁸⁰. Высокую оценку научной общественности в те годы получила работа А. М. Панкратовой «Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику», появившаяся в результате занятий автора в историческом семинаре М. Н. Покровского в Институте красной профессуры и тех выводов и наблюдений, которые были сделаны ею в непосредственной практической работе в профсоюзах. Это было первое серьезное исследование в марксистской историографии по данному вопросу.

А. М. Панкратова использовала труды В. И. Ленина, дореволюционную и послереволюционную литературу по рабочему вопросу, периодическую печать, издания Социалистической академии и Истпарта, материалы государственных архивов. Широкая источниковедческая база дала ей возможность поставить и решить важные вопросы по истории рабочего движения и деятельности фабрично-заводских комитетов в России, ввести в научный оборот новый фактический материал. Значение своей темы автор определяет так: «Фабрично-заводские комитеты — сначала орудия его (пролетариата.— Г. А.) классовой борьбы, потом органы экономической диктатуры — были наиболее близкими к массе, активными выразителями борьбы рабочего класса за социализм. Вот

⁷⁸ С. М. Дубровский. Очерки русской революции, изд. 2-е, стр. 235, 356.

⁷⁹ И. Л. Шерман. Советская историография гражданской войны в СССР, стр. 309—312; «Очерки по историографии советского общества», стр. 100—101; «Печать и революция», 1924, № 1 и др.

⁸⁰ Я. И. Фин. Фабрично-заводские комитеты в России. М., 1923; Г. Цылевич. Чему учит опыт. Пг., 1921; А. Андреев. Профессиональные союзы России в 1921—1922 гг. М., 1922; «Итоги и перспективы профсоюзного движения». Сборник статей. М., 1922; В. Яроцкий. Профдвижение в Советской России. М., 1923; Б. Колесников. Три года истории развития профессионального движения на Украине. Харьков, 1922 и др.

почему история этой борьбы рабочего класса представляет такой большой интерес»⁸¹. В своем интересном исследовании Панкратова показала роль фабрично-заводских комитетов на различных этапах борьбы пролетариата за социализм. На основе изучения промышленного развития России и классовой борьбы пролетариата она делает вывод: «Фабрично-заводские комитеты, равно как и профессиональные организации, могли появиться лишь на определенной стадии развития капиталистической промышленности и сопутствующего ей роста рабочего класса... фабрично-заводские комитеты свидетельствуют, с другой стороны, о росте самосознания и боевой готовности пролетариата, т. е. о наличии не только объективного экономического, но и субъективного фактора грядущей революции»⁸².

Зарождение и первые шаги фабрично-заводских организаций А. М. Панкратова относит к периоду революции 1905—1907 гг. «Совет Раб. Деп.— не только рабочий парламент, он — боевой штаб рабочего класса, точно так же и фаб.-зав. органы представительства рабочих — не только органы пролетарского самоуправления внутри фабрики, но и боевые орудия в руках пролетариата в его борьбе за полное экономическое и политическое освобождение. Таково историческое происхождение и назначение Советов и фабрично-заводских комитетов. Эволюция обоих органов борьбы пролетариата есть эволюция его наступательного движения на капитал»⁸³.

Основное внимание А. М. Панкратова сосредоточивает на характеристике деятельности фабрично-заводских комитетов в 1917—1918 гг., показывая, что их история теснейшим образом связана с историей борьбы пролетариата за победу социалистической революции. После Февральской революции, когда особенно остро встал вопрос об организации народного хозяйства, фабрично-заводские комитеты сыграли большую роль в сохранении производства и контроле над ним. Автор отмечает, что не случайно Временное правительство, защищая интересы буржуазии, законом от 23 апреля 1917 г. пыталось «уменьшить значение и роль фабрично-заводских

⁸¹ А. М. Панкратова. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923, стр. 8.

⁸² Там же, стр. 13, 19.

⁸³ Там же, стр. 119—120.

комитетов и ограничить рамки их полномочий»⁸⁴. В работе дается высокая оценка первой Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов (17—22 октября 1917 г.), явившейся революционным смотром сил рабочего класса перед Октябрем⁸⁵. В период с февраля по октябрь 1917 г. фабрично-заводские комитеты боролись за сохранение и развитие производства. «Все развитие русской революции привело фабрично-заводские комитеты к этой исторической роли хозяина производства на определенной ступени классовой борьбы пролетариата»⁸⁶.

Автор правильно определяет, в чем была сила и успех фабрично-заводских комитетов: «Организатором и выразителем боевой решимости рабочих масс становится фабрично-заводской комитет. Идейным руководителем и вдохновителем — стоящая за ним революционная партия пролетариата — социал-демократы — большевики. Вся история фабрично-заводских комитетов в 1917—1918 годах теснейшим образом связана с партией большевиков»⁸⁷. Далее автор отмечает, что победа социалистической революции в России поставила перед фабрично-заводскими комитетами новые важные задачи; они становятся активными помощниками, опорой пролетарского государства в строительстве новой фабрики.

Переход от рабочего контроля к управлению производством особенно остро поставил вопрос о взаимоотношениях фабрично-заводских комитетов с профессиональными союзами. В феврале 1918 г. было принято решение о слиянии фабзавкомов с профсоюзами. Автор показывает функции фабрично-заводских комитетов, их участие в организации нового производства, в строительстве социалистической фабрики. Курс на новую экономическую политику, как отмечает автор, не изменил основных задач, стоящих перед рабочим классом и его организациями, — задач борьбы за социализм; изменились только пути и способы их решения⁸⁸.

Последняя глава работы А. М. Панкратовой посвящена фабрично-заводским комитетам Западной Европы и их роли в борьбе за социализм. Отличие русских фаб-

⁸⁴ А. М. Панкратова. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику, стр. 181.

⁸⁵ Там же, стр. 230.

⁸⁶ Там же, стр. 231.

⁸⁷ Там же, стр. 189.

⁸⁸ Там же, стр. 308—309.

рично-заводских комитетов от западноевропейских автор видит в том, что в России «фабрично-заводские комитеты возникли и оформили свои боевые задачи в период революционный, когда всем историческим ходом развития борьбы рабочий класс был вплотную подведен к задачам решительной борьбы с капиталом, за завоевание социализма»⁸⁹. В приложении к работе опубликованы документы о создании и деятельности фабрично-заводских комитетов.

Не со всеми утверждениями и выводами автора можно согласиться. Вызывают серьезные возражения, например, такие формулировки: «Возникновение и развитие борьбы за фабричную конституцию», «Первое фабричное законодательство в борьбе с фабричным абсолютизмом», «Капитализация русской фабричной системы и переход от бюрократической регламентации труда к капиталистической»⁹⁰. Для работы в целом, несмотря на привлечение большого количества источников и литературы, характерен некоторый схематизм. Уделяя большое внимание анализу различных положений, решений, постановлений и инструкций фабзавкомов, автор не всегда показывает, как они проводились в жизнь, как шла работа конкретных фабрично-заводских комитетов на местах в различные периоды их деятельности.

Автор дает противоречивую оценку деятельности военно-промышленных комитетов, которые были созданы буржуазией для мобилизации промышленности на нужды войны, чтобы подчинить своему влиянию рабочий класс, добиться политических уступок от царского правительства. «Характер развития русской промышленности,— пишет А. М. Панкратова,— поставленной в зависимость от мирового империализма, требовал новых форм социально-экономических отношений и новых форм общественных организаций. Такой новой общественной организацией, призванной осуществить социально-экономические отношения эпохи империализма (формулировка весьма неточная.— Г. А.), явился военно-промышленный комитет». Однако на этой же странице правильно отмечается, что это была «политически-полицейская мера отвлечения рабочих от революционного движения и надежда промышленников путем «классового мира»

⁸⁹ Там же, стр. 311.

⁹⁰ Там же, стр. 31, 85 и др.

повысить производительность труда за счет эксплуатации рабочих...»⁹¹. В работе ничего не говорится об отношении партии большевиков к военно-промышленным комитетам. В освещении отдельных вопросов проскальзывают элементы модернизации, что особенно характерно для раздела по истории XVIII в.

В рецензии А. Чекина, опубликованной в 1924 г., справедливо отмечалось, что первые кадры красной профессуры, в числе которых была А. М. Панкратова, дали ряд серьезных исследований по проблемам, не обращавшим на себя ранее внимание ученых⁹². По мнению А. Чекина, ценность работы определялась не только последовательным проведением монистического взгляда на историю классовой борьбы, богатым и тщательно подобранным фактическим материалом, но и освещением истории фабрично-заводских комитетов после 1917 г. в тесной связи с дореволюционной борьбой пролетариата за социализм.

Вместе с тем отмечалось влияние лассальянства, проявившегося у автора в формуле «борьба за фабричную конституцию», недостаточное раскрытие связи истории фабзавкомсов с профессиональными союзами.

Книга А. М. Панкратовой получила высокую оценку в работах по истории советской исторической науки⁹³. Постановка важной проблемы разрушения старого буржуазного общества и строительства нового социалистического, широкая источниковедческая база, высокий (для того времени) научный уровень работы, ряд интересных выводов и наблюдений — все это делало монографию А. М. Панкратовой ценным и интересным исследованием, свидетельствовало о значительных успехах, накопленном опыте научно-исследовательской работы не только автором, но и советской исторической наукой в целом.

Наряду с названными выше темами по истории социалистического строительства начиналось изучение проблемы строительства советского государственного аппарата. В работах тех лет освещались такие вопросы, как созда-

⁹¹ А. М. Панкратова. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику, стр. 155.

⁹² А. Чекин. Рецензия на книгу А. М. Панкратовой «Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику». — «Печать и революция», 1924, № 1, стр. 192—195.

⁹³ И. Л. Шерман. Советская историография гражданской войны в СССР, стр. 300—305; «Очерки по историографии советского общества», стр. 76—77.

ние органов Советской власти в центре и на местах, их состав, взаимоотношения центральных органов власти с местными, деятельность ВЦИК, Совнаркома, СТО, народных комиссариатов, всероссийских, губернских и уездных съездов Советов, а также некоторые вопросы образования СССР и истории Советской конституции⁹⁴.

В начале 20-х годов продолжается успешно начатая ранее разработка истории внешней политики Советской республики. Появление новой литературы по вопросам внешней политики было связано с развернувшейся после октября 1917 г. борьбой за мир, с необходимостью разоблачения агрессивных планов империалистических государств, с задачами укрепления дружественных добрососедских отношений с народами других стран, с развитием экономических, торговых и культурных связей. Разработка этой тематики диктовалась также необходимостью развенчания буржуазной и белоэмигрантской литературы, искажавшей не только принципы советской внешней политики, но и пути ее развития. Пропаганде новых форм взаимоотношений между народами и государствами, новых принципов внешней политики посвятили свои первые выступления марксистские авторы. Как уже отмечалось, этой теме большое внимание уделяли в равной мере как историки, так и государственные, партийные деятели, дипломатические работники, заложившие своими трудами основы этой важной области истории советского общества. Большую работу проводил Народный комиссариат иностранных дел, заметно расширивший свою деятельность в области издания документов и материалов по этой теме. Подготовленные Наркоминделом публикации давали исследователям необходимый материал для изучения важнейших событий послеоктябрьского периода⁹⁵. Наряду с изданием документальных материалов Наркоминдел систематически публиковал отчеты о своей деятельности и о важнейших

⁹⁴ М. Ф. Владимирский. Организация Советской власти на местах. Краснодар, 1920; он же. Советы, исполкомы и съезды Советов, вып. I—II. М., 1920—1921; «Пять лет власти Советов». М., 1922; П. Стучка. СССР и Союзная конституция. М., 1924 и др.

⁹⁵ «Генуэзская конференция». Стенографический отчет. Материалы и документы, вып. I. М., 1922; «Гагская конференция». Материалы и документы. М., 1923; «Брест-Литовская конференция. Заседания экономической и правовой комиссий». М., 1923 и др.

внешнеполитических акциях Советского правительства⁹⁶. При всей краткости и сухости этой литературы она содержала ценные сведения, способствовала распространению среди населения правдивых сведений о политике пролетарского государства.

По свежим следам событий появлялись работы Г. В. Чичерина, Л. Б. Красина, И. М. Майского, Б. Е. Штейна и др.⁹⁷ Эта литература интересна не только с точки зрения содержащихся в ней фактов; авторы делают попытки проанализировать и оценить важнейшие события политической жизни Советской республики, показывают первые шаги советской дипломатии в борьбе за мир, в установлении дипломатических и торговых связей с другими государствами. Эти издания знакомили народные массы России и всего мира с каждым шагом Советского правительства на международной арене и стали важнейшей формой отчета пролетарского государства перед трудящимися, интересы которых оно последовательно защищало. Таким образом проводилась в жизнь ленинская идея о принципиально новом характере внешней политики и отмене тайной дипломатии.

В очерке, посвященном событиям 1917—1922 гг., И. М. Майский, характеризуя важнейшие черты внешней политики Советской власти, писал: «Три основных принципа выдвинула Советская республика при своем возникновении, как руководящие начала в сфере международных отношений: мир, самоопределение народов, гласная дипломатия». Эти принципы последовательно проводились в жизнь на протяжении всего пятилетия; отстаивая и защищая их, Советская власть «дала трудящимся массам России и всего мира образец новой международной политики, сочетающей принципы самоопределения и честного миролюбия с решительным отпором всяким хищническим поползновениям со стороны капита-

⁹⁶ «Отчет НКВД за 1920 год». М., 1920; «Отчет НКВД за 1921 год». М., 1921; «Международная политика РСФСР в 1922 г.» М., 1923.

⁹⁷ Г. В. Чичерин. Год восточной политики Советской власти. — «Известия», 6 ноября 1921; он же. Пять лет красной дипломатии. — «Известия», 7 ноября 1922 г.; он же. За пять лет. — «Международная жизнь» 7 ноября 1922 г.; он же. Шестая годовщина Октябрьской революции. — «Известия», 7 ноября 1923 г.; Л. Б. Красин. Внешторг и внешняя экономическая политика Советского правительства. Пг., 1921; И. Майский. Советская Россия и капиталистический мир (Гаагская конференция). М., 1922; «Очерки истории исторической науки в СССР», стр. 506—527.

листических держав»⁹⁸. За пять лет своего существования первое пролетарское государство сумело показать всему миру, что честная и бескорыстная политика без агрессивных устремлений и действий не является неосуществимой мечтой; она возможна и успешно проводится Советской республикой. Успех советской внешней политики, поражающей все европейские страны, И. Майский объясняет тем, что ее творцом является рабоче-крестьянская власть; именно поэтому внешнюю политику Советской республики можно назвать одной из блестящих страниц Октябрьской революции.

Уделяя большое внимание разъяснению и пропаганде новых принципов международных отношений, И. Майский вместе с тем описывает важнейшие вехи и направления советской внешней политики, показывает борьбу Советского правительства и его дипломатических работников за проведение в жизнь принципов миролюбивой политики, начиная от Брестского мира до Гаагской конференции. Особенно удались автору разделы, богатые интересными фактами и посвященные борьбе Советского государства за мир и установление дружеских отношений со всеми странами мира, в том числе со странами Востока (Турцией, Афганистаном, Ираном, Китаем, Японией и др.).

Одновременно с работами о внешней политике Советского государства, охватывающими значительные хронологические периоды и большой круг проблем, появляются первые исследования на более узкие специальные темы. К этой группе следует отнести брошюры и очерки, посвященные Генуэзской и Гаагской конференциям⁹⁹. Развитию торговых связей Советского государства с капиталистическими странами посвятил свои первые работы Б. Е. Штейн.

⁹⁸ И. Майский. Внешняя политика РСФСР. 1917—1922; М., 1922, стр. 187, 190.

⁹⁹ И. Майский. Советская Россия и капиталистический мир (Гаагская конференция); А. А. Иоффе. От Генуи до Гааги. М., 1923; Б. Е. Штейн. Советская Россия в капиталистическом окружении (Торговая политика РСФСР). М., 1921; он же. Торговая политика и торговые договоры Советской России. 1917—1922. М.—Пг., 1923; он же. Генуэзская конференция. М., 1922; он же. Гаагская конференция. М., 1922; Б. Е. Штейн, А. Я. Канторович. Русский экспорт и внешние рынки (Торгово-политические условия русского экспорта). М., 1923.

Уже в очерке 1921 г. Б. Штейн изложил важнейший ленинский принцип торговой политики: «Торговая политика социалистического государства должна строиться с расчетом на укрепление диктатуры пролетариата»¹⁰⁰. Среди этих изданий заметно выделяется его исследование о торговой политике и торговых договорах РСФСР, в котором прослеживаются важнейшие этапы развития¹⁰¹. Книга написана на основании глубокого анализа первоисточников, хорошо известных автору как участнику ряда важнейших переговоров тех лет. Б. Штейн охарактеризовал торговую политику Советской республики начиная с брестских переговоров и кончая заключением в 1921—1922 гг. соглашений с Англией, Германией, Австрией и другими странами. Автор показал полный отказ пролетарского государства от принципов дореволюционной России, раскрыл цели и основные черты Советской торговой политики, ее тесную связь с внутренней политикой, с задачами социалистического строительства: «Борьба Советской власти в течение прошедших пяти лет была не просто борьбой за право участия в мировом товарообмене, а за такую форму этого участия, которая обеспечила бы России максимум свободы в определении характера, направления и размеров этого участия»¹⁰². Б. Штейн разоблачает попытки крупнейших империалистических государств помешать Советскому государству наладить экономические связи. «Пять лет борьбы за восстановление связи с международным рынком,— писал он,— означает пять лет побед Советской России над этим рынком, пытавшимся подчинить экономику рабоче-крестьянского государства. Положение России в мировом хозяйстве к моменту пятилетия Советской власти является положением победителя»¹⁰³.

Работы историков-марксистов начала 20-х годов с их

¹⁰⁰ Б. Е. Штейн. Советская Россия в капиталистическом окружении (Торговая политика РСФСР), стр. 8.

¹⁰¹ Книга Б. Е. Штейна «Торговая политика и торговые договоры Советской России. 1917—1922» состояла из пяти глав: I. Брестские переговоры и Брестский договор. II. Торговая политика от заключения Брестского мира до его аннулирования. III. Торговая политика в период блокады и интервенции (1919—1920). IV. Торговая политика периода мирных переговоров с окранными государствами. 1920. V. Торговая политика 1921—1922 гг.

¹⁰² Там же, стр. 193.

¹⁰³ Там же, стр. 199.

правдивым освещением внешней и внутренней политики Советского государства разоблачали всевозможные фальсификации буржуазных идеологов, заявлявших о невозможности построения социализма в России. Историки-марксисты, основываясь на фактах и документах, убедительно показывали, что осуществивший социалистическую революцию и пришедший к власти пролетариат под руководством Коммунистической партии успешно строит новое общество, свободное от эксплуатации и насилия.

С развитием науки и появлением новых, более совершенных исторических трудов и публикаций литература, созданная на первом этапе становления советской историографии, постепенно утрачивала свое значение. Однако некоторые издания навсегда вошли в советскую историческую науку. К ним относится прежде всего ряд документальных публикаций, и сейчас широко используемых исследователями. Многие из этих изданий стали библиографической редкостью. Среди них прежде всего следует назвать сборники документов и мемуары по истории международных отношений и внешней политики Советской республики: «Мирные переговоры в Брест-Литовске» (1920), материалы Генуэзской конференции, «Гагская конференция», мемуары видных дипломатических и государственных деятелей начала XX в.¹⁰⁴ Из публикаций по другим вопросам истории советского периода следует назвать такие издания, как «Красная книга» (1920), сборники «Исторические документы о действиях и замыслах международных хищников на Дальнем Востоке» (1923), «Революция на Дальнем Востоке» (1923), «Красная книга ВЧК» (1920), «Политика Советской власти по национальному вопросу за три года» (1920) и др.

Современные исследователи пользуются иногда работами Б. Е. Штейна о Генуэзской и Гагской конференциях, такими сборниками статей, как «Антанта и Врангель» (1923), историко-экономическими работами А. И. Хрящевой, Б. Н. Книповича, И. А. Кириллова и др.

¹⁰⁴ Подробнее об этом см.: «История дипломатии», т. III. М.—Л., 1965, стр. 74—94; А. О. Чубарьян. Брестский мир. М., стр. 103, 104, 127, 129, 136 и др.; «История дипломатии», т. III, стр. 271—304; И. К. Кобляков. От Бреста до Рапалло. М., 1954, стр. 193, 205; М. Э. Айрапетян. Г. А. Деборин. Этапы внешней политики СССР. М., 1961, стр. 117, 119, 120 и др.; В. Ф. Лопатин. Провал антисоветских планов США. Генуя — Гаага. М., 1963, стр. 138, 146, 147, 191, 197, 243, 244, 255 и др.

Но чаще всего они обращаются к общественно-политической и исторической периодике 1918—1923 гг. и опубликованным в ней материалам по истории советского общества, откуда черпают для своих исследований ценный фактический материал.

Изучение общественно-политической, экономической и социально-исторической литературы начала 20-х годов позволяет сделать вывод о том, что именно в это время зарождалась и начинала развиваться новая область марксистского общественнознания о закономерностях возникновения и формирования коммунистической формации. Исследователи, приступившие к разработке новой проблематики, руководствуясь марксистско-ленинской теорией и методологией, учитывая потребности общественно-политической жизни и идеологической борьбы тех лет, правильно определяли важнейшие социально-экономические и политические аспекты этой новой проблемы. С развитием исследовательской работы по истории советского общества начался процесс отдифференцирования от всего комплекса общественных наук истории советского периода и превращение ее в самостоятельную область марксистской историографии. Об этом свидетельствуют появившиеся в начале 20-х годов публикации исторических документов, зачатки источниковедения и археографии советского периода, монографические исследования первых советских историков-профессионалов (А. М. Панкратовой, С. М. Дубровского, Б. Е. Штейна), созданные в изучаемое нами время.

Одновременно с исследованием истории России XIX—XX вв. и появлением статей, очерков, документальных публикаций и монографических трудов развивалась марксистская историческая библиография. Возникновение исторической библиографии предполагает наличие определенного количества исторической литературы, которая подлежит систематизации, обработке и библиографическому описанию. Поэтому историческая библиография является одним из показателей состояния самой науки, размаха исследовательской, публикаторской и популяризаторской работы в стране.

В первые годы Советской власти испытывалась большая потребность в справочно-библиографических изданиях марксистского характера, отсутствовавших практически в дореволюционное время. В них нуждались препо-

даватели и студенты советских вузов, лекторы и пропагандисты, историки-исследователи. Это обстоятельство определило преимущественное развитие в послереволюционные годы рекомендательной библиографии¹⁰⁵. Вместе с литературой по различным вопросам общественности в ней были широко представлены марксистские исторические издания как дореволюционного, так и советского времени, и в первую очередь по истории революционного движения, русской социал-демократии, революции 1905—1907 гг., аграрной истории России и др. Ценность этих изданий не только в том, что они были важным источником информации по вопросам марксистской науки, но и в том, что в них была предпринята первая попытка выявления и систематизации дореволюционной марксистской литературы, которая в условиях нелегального положения Коммунистической партии была слабо учтена и поэтому мало доступна для исследователей. Эти издания не потеряли своего значения и в настоящее время, они помогают современным исследователям восстановить картину развития марксистской историографии в дореволюционное время и в первые годы Советской власти. Историческая литература широко включается в справочники общего характера¹⁰⁶, в библиографические обзоры, появившиеся на местах¹⁰⁷. Эти издания хотя и не охватывали всю вышедшую за годы Советской власти историческую литературу, тем не менее способствовали ее распространению и популяризации, ее включению в широкое использование. Наряду с библиографическими трудами общего характера появлялись списки рекомендательной литературы по отдельным проблемам отечественной исто-

¹⁰⁵ В. Керженцев. Библиотека коммуниста. Систематический указатель социалистической литературы, изд. 4-е. М., 1919 (Платон Лебедев. Библиотека социал-демократии, изд. 1-е. [Б. м.], 1905); М. Жаков. Справочная книга по марксистскому самообразованию. М., 1921; изд. 2-е, исп. и доп., 1923; *Ив. Книжник*. Что читать по общественным наукам. Систематический указатель коммунистической и марксистской литературы. 1917—1922 гг. Пг., 1923; изд. 2-е, 1924; «Социал-демократические издания». М., 1922 и др.

¹⁰⁶ «Книжная летопись». М., 1918—1924; «Книга». 1921—1922. «Библиографический ежегодник» (Пг.), 1923, вып. 5 (6); «Вольная русская печать в Российской публичной библиотеке». Пг., 1920.

¹⁰⁷ Г. И. Поршнев. Книжная летопись Иркутска за три года революции. 1917—1922. Иркутск, 1922; А. Н. Адгоков. Советская пресса в Сибири в 1917—1918 гг. Иркутск, 1922.

рии ¹⁰⁸, а также прикидная марксистская библиография, свидетельствующая о характере и степени исследования отдельных проблем ¹⁰⁹.

Большую библиографическую работу с первых лет своего существования начал проводить Институт К. Маркса и Ф. Энгельса по выявлению и учету литературного наследия основоположников научного коммунизма. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса издал первую в России библиографию трудов Г. В. Плеханова ¹¹⁰. С 1923 г. собиранием и учетом ленинских опубликованных трудов занимался Институт В. И. Ленина. Эта работа рассматривалась как важная составная часть общей деятельности института по подготовке к публикации собрания сочинений В. И. Ленина.

Как вспомогательная историческая дисциплина советская историческая библиография зарождалась прежде всего в области изучения истории революционного и общественного движения ¹¹¹, истории рабочего класса и крестьянства ¹¹², истории Великой Октябрьской социалистической революции ¹¹³, т. е. по тем разделам и темам отечественной истории, которые особенно интенсивно изучаются в первые годы Советской власти. В дореволюционной библиографии справочные издания по истории рабочего класса и крестьянства, их революционной борьбы

¹⁰⁸ А. А. Шолов. Что читать по истории революционного движения. Пг., 1922; «Что читать о 9 января 1905 г.» Указатель литературы. [Б. м.], [1922].

¹⁰⁹ С. М. Дубровский. Очерки русской революции, изд. 2-е. М., 1923, стр. 396—399 (около 130 названий); А. М. Панкратова. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику (более 450 названий); «Герман Александрович Лопатин. 1845—1918». Автобиография. Пг., 1922 (приложение — более 180 названий) и др.

¹¹⁰ В. Ваганян. Опыт библиографии Г. В. Плеханова. М.—Пг., 1923.

¹¹¹ М. И. Дрей. Опыт указателя литературы по истории партии «Народная воля». — «Вестник Социалистической академии», 1923, № 5; Г. Бешкин. Литература о петрашевцах. — «Вестник Социалистической академии», 1923, № 6.

¹¹² «Материалы для библиографии профессионального движения». — «Вестник труда», 1921, № 1—6, 9; «Обзор литературы по истории рабочего класса и рабочего движения в России. Литература, появившаяся в 1917—1921 гг.». — «Вестник труда», 1921, № 4—6; В. Н. [В. Невский]. Библиография о зубатовских союзах, легальном рабочем движении, Гапоне и 9 января. — «Красная летопись», 1922, № 1; Е. А. Мороховец. Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения. — «Вестник Социалистической академии», 1923, № 3—6, 1924, № 7—8 и др.

¹¹³ «Материалы по библиографии Октябрьской революции». — «Вестник труда», 1921, № 10—11; «Правда». Библиографическое описание за 1917 г. — «Красная летопись», 1923, № 9.

были явлением весьма редким и случайным, что в значительной мере затрудняло исследование этой проблематики. Пробел стал ликвидироваться путем учета и библиографирования как дореволюционной литературы, так и советской, которая широким потоком хлынула в библиотеки и на книжный рынок страны.

Первые советские историко-библиографические издания были самыми различными по форме и объему: обзоры, аннотированные перечни исторических трудов, сборников статей, документов и мемуаров, систематические указатели. Они создавались и как текущие библиографические описания, и как ретроспективная библиография по крупным проблемам отечественной истории.

Историко-библиографические труды нередко страдали серьезными недостатками; не всегда последовательно выдерживались и проводились принципы систематизации материалов, трудные условия работы сказывались на полноте библиографических сведений, редким явлением были аннотированные указатели. Критика тех лет часто упрекала составителей этих справочников в недоработке, упущениях, а иногда и небрежности. Однако, несмотря на все это, первые успехи в создании общей, отраслевой и тематической библиографии марксистской исторической литературы были налицо. В процессе подготовки этих изданий вырабатывались, проверялись и совершенствовались принципы выявления, отбора, систематизации и описания исторической литературы. Появление этих изданий явилось еще одним свидетельством успешного развития марксистской историографии после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Эти издания оказали большую помощь исследователям тех лет в выявлении и собирании материалов по интересовавшей их тематике, став органической частью научной работы, которую проводили историки-марксисты. Они положили начало большой и важной работе, широко развернувшейся во второй половине 20-х и начале 30-х годов.

**БОРЬБА СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ
ПРОТИВ БУРЖУАЗНОЙ
И МЕНЬШЕВИСТСКО-ЭСЕРОВСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БУРЖУАЗНЫХ КАДРОВ**

Острая идейная борьба, развернувшаяся в исторической науке после Октябрьской революции, критика историками-марксистами буржуазной и меньшевистско-эсеровской историографии были органически связаны с той работой, которую проводили пролетарское государство и Коммунистическая партия на идеологическом фронте. В нашу задачу не входит подробное описание всех враждебных марксизму историографических течений, существовавших в первые годы Советской власти. Однако необходимо, хотя бы кратко, остановиться на их характеристике, чтобы иметь представление о враждебных направлениях, с которыми боролись историки-марксисты, выявить важнейшие тенденции их развития.

Буржуазная историческая наука после Октябрьской революции не представляла собой однородного лагеря ни с научной, ни с политической точек зрения. Часть старой профессуры, тесно связанная со старым миром, встретила враждебно Октябрьскую революцию и установление Советской власти. Это отразилось в ряде заявлений, сделанных профессорами истории в 1917 — начале 1918 г. Кадетская газета «Грядущий день» поместила 28 ноября 1917 г. «Воззвание ученых» Петрограда, подготовленное академиком А. С. Лаппо-Данилевским, о чем свидетельствует надпись на одном из экземпляров, сделанная его рукой: «Текст составлен мной»¹. В воззвании говорилось

¹ Архив АП СССР, ф. 113, оп. 1, д. 296, л. 1.

о «великом бедствии», постигшем Россию, о непризнании Советской власти и «постыдного и непрочного сепаратного мира», о необходимости поддержать Учредительное собрание. Тогда же эта кадетская газета опубликовала «Протест академического союза», принятый общим собранием членов петроградского союза 26 октября 1917 г., с призывом не поддерживать Советскую власть.

В 1918 г. контрреволюционно настроенной профессурой Петрограда был создан Российский союз ученых учреждений и высших учебных заведений, который занял резко враждебную позицию по отношению к Советской власти. По определению А. С. Лаппо-Данилевского, главная цель союза должна была состоять в объединении сил «для защиты их чисто научных внепартийных интересов, для обеспечения их автономии и нормальной работы от всяких случайностей...»².

Реакционная профессура выступила с антисоветскими заявлениями в Московском, Казанском, Харьковском и других университетах; она оказывала упорное сопротивление мероприятиям Советского государства по демократизации высшей школы, препятствовала проведению ее реформы, отстаивала «автономию» университетов, сопротивлялась изменению состава научных учреждений и обществ, проведению в жизнь постановлений Советского правительства³. Их реакционные взгляды отрицательно сказывались на научной и педагогической деятельности. Эта группа ученых была особенно опасна тем, что пользовалась значительным влиянием среди историков, принимала участие в подготовке молодых специалистов в университетах. Старая профессура обладала большим опытом научной работы, колоссальными знаниями источников, конкретного фактического материала. Необходимо было разоблачать антинаучные взгляды и теории этих историков, пресекать контрреволюционные действия и в то же время использовать их навыки и знания в педагогиче-

² Там же.

³ Архив МГУ, ф. 16, оп. 4, 4 «л.», д. 961, лл. 4, 9—10; Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (далее — ГАОРСС ЛО), ф. 2551, оп. 1, д. 1, лл. 35—39; Архив Государственного исторического музея, ф. 442, д. 55, л. 96; Архив АН СССР, ф. 233, оп. 1, д. 1, л. 1; «История Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина». Материалы к обсуждению. Казань, 1954, стр. 85—88, 91—93, 107—129; «Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет». Харьков, 1955, стр. 193—222.

ской, архивной, археографической работе. При этом следует учитывать, что среди ученых были и такие, которые занимали тогда реакционные, антисоветские позиции не в силу убежденной враждебности к революции, а потому что не могли понять смысла и значения происходивших событий из-за ограниченности их мировоззрения, из-за страха перед крушением старого уклада жизни и потери материального благополучия, которое давало им буржуазное общество. Позднее мировоззрение многих из них существенно изменилось и некоторые, порвав с буржуазной историографией, сыграли даже видную роль в развитии советской исторической науки.

Была и другая группа ученых, которая хотя и не понимала до конца смысла происходивших событий, однако доброжелательно встретила революцию. Эти ученые в первый же год революции активно включились в работу по архивному, музейному строительству, участвовали в подготовке кадров историков. Все это говорит о том, насколько сложным и противоречивым было положение старых научных кадров, которые требовали к себе серьезного и вместе с тем чуткого отношения. Путем непримиримой борьбы с реакционной, враждебно настроенной частью буржуазных ученых нужно было привлекать к работе наиболее ценных специалистов, помочь им выйти из тупика, в который зашла буржуазная историческая наука. В процессе привлечения и использования лучшей части буржуазной профессуры подготавливались условия для окончательного перехода ее на сторону Советской власти.

Изучение деятельности крупнейших представителей буржуазного и мелкобуржуазного направлений, состояния исследовательской работы в Академии наук, Московском и Петроградском университетах дает возможность характеризовать процессы, происходившие в буржуазной историографии после революции. Немарксистский лагерь в исторической науке представлен рядом направлений и течений, важнейшими из которых были: 1) реакционное, буржуазно-кадетское, к которому следует отнести таких историков, как А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Платонов, А. А. Кизеветтер, М. К. Любавский. Близки к ним были в те годы Р. Ю. Виппер, М. М. Богословский и др.; 2) прогрессивное, демократическое течение буржуазной исторической науки, к которому принадлежали историки

С. Н. Валк, В. И. Пичета, А. Е. Пресняков, М. К. Лемке, П. Е. Щеголев, А. И. Заозерский, П. Г. Любомиров, В. Н. Щепкин и др.; 3) мелкобуржуазное, меньшевистско-эсеровское направление, представленное работами Н. Рожкова, Р. Иванова-Разумника, С. Маслова, Н. Суханова, Л. Мартова и др.

В 1917—1923 гг. было написано и издано довольно большое количество работ по самым различным, конкретным вопросам русской истории. Изучение монографий, статей, помещенных на страницах периодических научных изданий⁴, а также документальных публикаций дает возможность выяснить состояние буржуазной историографии после Октябрьской революции, ее теоретические и методологические принципы и сущность переживаемого ею кризиса.

Трудов теоретического характера в те годы вышло немного. Буржуазные историки неохотно занимались вопросами философии и методологии истории; их внимание обращалось главным образом на изучение конкретных вопросов. Но даже эти немногочисленные работы дают яркое представление об идейных основах буржуазной историографии послеоктябрьского периода⁵.

Кризис буржуазной науки, начавшийся задолго до революции, заметно углубился после 1917 г. и принял более широкие размеры. Буржуазная историография в России вступала в последний период существования. О том, насколько глубоким и всеохватывающим стал упадок буржуазной науки после революции, свидетельствуют признания самих буржуазных историков: «Мы были участниками, частицами великого государственного тела, ныне более не существующего. Мы притягивали историю для объяснения того, как выросло русское государство и чем оно держится. Теперь факт падения России, наукой весьма плохо предусмотренный, заставляет историков проверить свои суждения. Он властно требует объяснения,

⁴ «Известия Российской Академии наук», серия VI; «Русский исторический журнал» (издавался до 1922 г.); «Былое» (до 1925 г.); «Голос минувшего» (до 1923 г.); «Русское прошлое» (выходил в 1923 г.); «Дела и дни» (издавался в 1920—1922 гг.); «Анналы» (1922—1924 гг.); «Архив истории труда» (1921—1925 гг.) и др.

⁵ Н. И. Кареев. Общие основы социологии. Пг., 1919; А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории, изд. 2-е, вып. 1. Пг., 1923; Р. Ю. Виннер. Кризис исторической науки. Казань, 1921 и др.

надо найти его предвестия, его глубокие причины, надо неизбежно изменить толкования исторической науки»⁶.

Октябрьская революция нанесла сокрушительный удар буржуазному мировоззрению, идеалистическим теориям общественного развития; она заставила представителей буржуазной науки, особенно философов, социологов и историков, серьезно задуматься над вопросами теории исторического процесса.

В 1922 г. профессор Е. В. Тарле в журнале «Анналы» поместил весьма характерную для того времени статью о состоянии науки и ее очередных задачах. Крушение старых теорий и схем он объяснял «наплывом» большого количества исторических фактов, «усложнением психологии, повышением требовательности, расширением кругозора среди исследователей как политических мыслителей, так и историков...» Е. В. Тарле отмечал: «Теоретизирование стало не легким делом»⁷.

Корни дальнейшего упадка буржуазной общественной науки лежали в тех социально-экономических, политических и идеологических изменениях, которые произошли в нашей стране. Победа социалистической революции, рождение и утверждение социалистических производственных отношений лишили буржуазную идеологию социальной базы. Борьба с буржуазной идеологией, развернувшаяся после 1917 г. в масштабах всей страны, усиливалась и углубляла ее идейный кризис. И, наконец, теоретический крах был подготовлен всем предшествующим развитием русской историографии. Громадное количество накопленного к этому времени фактического материала по вопросам политической, культурной и особенно экономической истории не укладывалось в идеалистические схемы и концепции, созданные дворянско-буржуазной историографией. Не случайно Е. Н. Тарле отмечал «растерянность перед лавиной нового материала, сознание, что многие удобные, имевшие часто большое методологическое, служебное значение схемы и теории разбиты этой лавиной в куски и унесены прочь и, главное, недоверие к попыткам новых конструкций»⁸.

Упадок буржуазно-дворянской историографии после Октября выразался прежде всего в крушении ее идейно-

⁶ Р. Ю. Виппер. Кризис исторической науки, стр. 3.

⁷ Е. В. Тарле. Очередная задача.— «Анналы», 1922, № 1, стр. 8, 11.

⁸ Там же, стр. 12.

теоретических основ. Буржуазные историки все сильнее чувствовали несостоятельность старой, идеалистической методологии, ее ограниченность и бесплодие. Для реакционной буржуазной историографии тех лет характерно засилие антинаучных идеалистических теорий исторического процесса, распространение солипсизма и агностицизма: подвергались сомнению возможность познания исторического прошлого и объективный характер человеческих знаний; отрицались историческая закономерность, причинность, взаимообусловленность и взаимозависимость явлений в природе и обществе; история изображалась как хаос явлений и событий, в который человеческий разум вносит определенный порядок; исторические явления подвергались психологизации; субъектом исторического процесса вместо общества в целом объявлялся отдельный человек с его индивидуальной психологией. Общественные отношения в трактовке реакционной историографии выступали в виде общественной психологии. Даже экономические процессы характеризовались с точки зрения психологии. Все большее распространение получали религиозно-этические теории и объяснения исторического процесса. Глубокий упадок охватил все направления буржуазной науки; он проявлялся даже в работах лучших историков.

Методологической основой буржуазной историографии были различные идеалистические концепции исторического процесса. Но особенно большое распространение получили в те годы реакционные субъективистские теории. Идеалистический характер буржуазной науки отчетливо проявился в самом определении предмета познания, целей и задач исследования. «Отдельные науки, — писал А. С. Лаппо-Данилевский, — в формальном смысле одинаково притязают на истину, должны соответственно удовлетворять подобного рода требованиям: каждая из них должна выработать систему понятий, которая представляла бы единство и обнимала бы объективно данное ее содержание». И далее: «И социология и история преследуют в сущности одну и ту же научную цель, которая состоит в построении общих понятий...»⁹.

Буржуазные ученые считали, что историческая наука не должна заниматься обобщениями, давать оценку

⁹ А. С. Лаппо-Данилевский. Указ. соч., стр. 19, 23.

современности; ее задача -- изучать редкие и оригинальные явления прошлого, главным образом из области психических переживаний. Так историческая наука разрывалась на конкретную историю (наука без выводов и обобщений) и философию истории (без конкретного фактического материала). Это свидетельствует о полном теоретическом бессилии буржуазной социологии и историографии. Отрыв конкретно-исторического материала от теории не мог не углублять кризиса буржуазной общественной науки.

Буржуазные теоретики объявляли науку об обществе наукой «вечных и неизменных законов», «чистой» и «свободной от всякого рода нормативных и политических построений». Н. И. Кареев, например, писал: «Социология подобно всякой положительной науке о том, что есть, как оно есть, должна быть беспартийной и надклассовой»¹⁰.

В центре внимания буржуазных историков и социологов по-прежнему стояли вопросы о государстве. Являясь свидетелями гибели буржуазного строя, они выступали его защитниками, прибегая к самым различным средствам. Государство они определяли как разновидность общества или как «явление общественной организованности», пытались доказать, что, как и другие институты общества, оно оторвано от социально-экономической основы, равнодушно-нейтрально ко всем классам. Туманными и запутанными формулировками они старались увести читателя от понимания действительной сущности и значения государства. Так, Кареев писал: «Государство относится к разряду индивидуальных коллективностей, состоя из отдельных людей, подобно планетной системе, состоящей из отдельных небесных тел, подобно лесу, подобно рою пчел, стаду, а в человеческих обществах — семье и роду, дружине и нации и т. п.»¹¹ Он утверждал, что государство появилось не в результате внутренних процессов социально-экономического развития общества, а путем войн или «мирного срастания мелких коллективов в более крупные»¹². Власть, мораль, право рассматривались вне времени и пространства, лишались классового содержания.

¹⁰ Н. И. Кареев. Указ. соч., стр. 50.

¹¹ Там же, стр. 101.

¹² Там же, стр. 77.

Для обоснования своих абстрактных антинаучных концепций и схем буржуазные историки и социологи пользовались не конкретным историческим материалом, а реакционными теориями западноевропейских философов-идеалистов, отрывочными сведениями из области физики, психологии, биологии, математики и энергетики, механически перенося их в область общественных явлений. Антинаучность этого метода исследования вопросов общественного развития была показана В. И. Лениным еще в работе «Материализм и эмпириокритицизм» (1908 г.). В. И. Ленин отмечал: «Можно ли себе представить что-нибудь более бесплодное, мертвое, схоластичное, чем подобное нанизывание биологических и энергетических словечек, ровно ничего не дающих и не могущих дать в области общественных наук?.. Вся эта попытка от начала до конца никуда не годится, ибо применение понятий «подбора», «ассимиляции и дезассимиляции», энергии, энергетического баланса и проч. и т. п. в применении к области общественных наук есть *пустая фраза*. На деле никакого исследования общественных явлений, никакого уяснения *метода* общественных наук *нельзя* дать при помощи этих понятий. Нет ничего легче, как наклеивать «энергетический» или «биолого-социологический» ярлык на явления вроде кризисов, революций, борьбы классов и т. п., но нет и ничего бесплоднее, схоластичнее, мертвее, чем это занятие»¹³.

Вопреки историческим фактам, свидетельствовавшим о революционном творчестве широких народных масс, идеологи буржуазии продолжали повторять свои старые догмы о якобы неспособности, инертности и консерватизме трудящихся.

Идеалистические концепции А. С. Лаппо-Данилевского, Н. И. Кареева, Р. Ю. Виппера и других служили обоснованием крайне реакционных, антидемократических взглядов и теорий, проповедниками которых они выступали в те годы на страницах своих работ. Эти концепции были направлены на защиту религии, империалистических войн, колониальной политики и политической реакции, на всемерное оправдание врагов демократии и революции. Их «чистая», «независимая» от политики наука служила на деле интересам контрреволюционной,

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 317—318

империалистической буржуазии, свергнутой в России революцией 1917 г. и ожесточенно боровшейся против революции и диктатуры пролетариата. Таков политический смысл историко-философских теорий и схем реакционных буржуазных ученых послеоктябрьского периода.

При наличии ряда расхождений, реакционных буржуазных историков и социологов объединяло одно — ненависть к марксизму. Для всех их работ характерна ярко выраженная направленность против теории исторического материализма.

Поход против марксизма буржуазия начала со времени появления этого мировоззрения пролетариата. С победой Октябрьской революции, доказавшей правильность марксистской теории, борьба с марксизмом стала для идеологов буржуазии борьбой с диктатурой пролетариата, с Советской властью. Именно поэтому марксистская теория подвергалась особенно сильным нападкам со стороны буржуазии и ее апологетов. Прикрываясь лицемерными заявлениями о «беспартийности», «объективности», «надклассовом характере» своей науки, они прибегали к различным средствам борьбы против марксистского мировоззрения. А. С. Лаппо-Данилевский, Р. Ю. Виппер, Н. И. Кареев и им подобные нередко заявляли, что они признают марксизм, но только как одну из школ, одно из направлений в современной социологии, хотя и ограниченное, но имеющее право на существование в виде «рабочей гипотезы». В своих социологических работах они даже пытались излагать марксистское учение, но, конечно, в чрезвычайно искаженном и вульгаризованном виде¹⁴.

Особенно сильным нападкам подвергалась теория исторического материализма. После Октябрьской революции выступления идеологов буржуазии против марксистской теории общественного развития приняли особенно ожесточенный и ярко выраженный политический характер. Революция обнажила все противоречия в русском обществе и выдвинула на первый план те вопросы, которые так или иначе были связаны с коренным преобразованием общества, с утверждением нового, социалистического строя. Вот почему реакционная буржуазная профес-

¹⁴ Н. И. Кареев. Указ. соч., стр. 19; А. С. Лаппо-Данилевский. Указ. соч., стр. 214—257.

сура выступала не просто против «материалистического монизма» (как она это делала раньше), а с попыткой опровергнуть основные положения исторического материализма: теорию классовой борьбы и революции, марксистское учение о государстве и диктатуре пролетариата. Выступлением против важнейших положений марксизма буржуазные историки и социологи стремились нанести удар по новому общественному строю и идейно подкрепить те силы, которые вели борьбу против Советского государства. Развивающейся подлинно научной, марксистско-ленинской теории они пытались противопоставить давно изжившие себя схемы и теории исторического процесса. Их труды были направлены на всестороннюю защиту и обоснование исторического идеализма, на доказательство его права на существование как «единственно научной» теории. Они стремились доказать «несостоятельность» и «ограниченность» исторического материализма¹⁵.

Буржуазные идеологи прибегали иногда и к более тонким формам борьбы, они заявляли о своем желании подняться выше материализма и идеализма, считая их недостаточно пригодными для исследования истории прошлого¹⁶. Стремление найти нечто среднее между идеализмом и материализмом — это тоже одно из средств опровержения материализма, но путем подмены его эклектической мешаниной.

В статье «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин определил подобные попытки как «прямо смешную и реакционнейшую претензию подняться выше обеих „крайностей“: и идеалистической и материалистической», назвав их прислужничеством господствующей буржуазии¹⁷.

Особенно ожесточенным нападкам буржуазных историков подверглась марксистская теория классовой борьбы. Вопреки историческим фактам прошлого и современной действительности, полностью подтвердившим правильность марксистского учения о классах и классовой борьбе, они продолжали доказывать, что никакой классовой борьбы не было и нет, что классы, классовые противоречия — это выдумка марксистов, не имеющая под со-

¹⁵ Н. И. Кареев. Указ. соч., стр. 12, 19, 39 и др.

¹⁶ Р. Ю. Виппер. Кризис исторической науки, стр. 13.

¹⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 27.

бой никакой реальной почвы. Так, Н. И. Кареев писал: «Один из видов этой борьбы, именно — классовую, как известно, экономический материализм в соответствии с основным своим взглядом на природу общества положил во главу угла всего своего социологического построения, но можно указать на целые ряды случаев борьбы на почве чисто духовной культуры, каковы случаи вражды национальной или религиозной, а также менее важных в социальном отношении споров и раздоров между философскими, научными, литературными и художественными школами и направлениями»¹⁸. Понятно, что подобного рода доводы маститого профессора не могли опровергнуть существование классовой борьбы в обществе. Выступая против марксистского учения о государстве, буржуазные социологи и историки прилагали немало усилий для доказательства внеклассового характера русского самодержавия, извечности существования государства, основанного на эксплуатации. Марксистской теории происхождения государства они пытались противопоставить свои путаные идеалистические теории, не имеющие ничего общего с наукой и исторической действительностью.

Усиленным нападкам реакционной профессуры подверглось марксистское учение о базисе и надстройке. «Пытаться замкнуть эти разнообразные отношения,— писал Р. Ю. Виппер,— в формулы вроде того, что „религия составляет надстройку над фундаментом социально-экономического порядка“,— значит не объяснять явления религиозной истории, а только тешить себя набором условных терминов»¹⁹. С аналогичными аргументами выступал Н. И. Кареев: «По теории экономического материализма реальным базисом общества является его экономический строй, по отношению к которому государство, право и всякая „идеология“ являются только надстройками... вся духовная культура никоим образом не может быть простою надстройкою над экономическим строем, им притом обусловливаемой, как того хочет теория»²⁰. Ясно, что такого рода рассуждениями и умозаключениями доказать ошибочность марксизма, как бы того ни хотели буржуазные идеологи, невозможно.

¹⁸ Н. И. Кареев. Указ. соч., стр. 49.

¹⁹ Р. Ю. Виппер. Возникновение христианства. М., 1918, стр. 7.

²⁰ Н. И. Кареев. Указ. соч., стр. 38—39.

Для борьбы против марксизма реакционные буржуазные историки нередко прибегали и к такой терминологии, как «социально-экономический строй», «общественные отношения», «классы», «классовая борьба», но вкладывали в эти понятия свое, противоположное марксизму содержание. Н. И. Кареев, например, утверждал, что социально-экономический строй «представляет собой один из аспектов (форм) коллективного существования людей, существует через людей, но не в них, а из них, как отдельных особей или как профессиональных и классовых групп»²¹. Это было не чем иным, как попыткой найти новые формы и средства борьбы с марксизмом под прикрытием новой «модной фразеологии». Однако и такие попытки не имели успеха. Во-первых, потому что события XX в. и особенно русская революция подтвердили правильность марксистско-ленинской теории общественного развития, показав полную научную несостоятельность буржуазных общественных наук — философии, истории, политэкономии. Во-вторых, идеологи и апологеты буржуазии не могли противопоставить что-либо серьезное теории исторического материализма, проверенной практикой революционных боев. Показателем бессилия и бесплодия буржуазной общественной науки, социологии и историографии явились неоднократные заявления ее крупнейших представителей о необходимости серьезно пересмотреть вопросы теории исторического процесса, свои прежние историко-философские схемы и концепции.

Особенно острая идейная борьба развернулась в те годы вокруг вопросов о закономерности, характере и значении пролетарской революции. Не понимая смысла и значения происходивших событий, реакционные профессора увидели в Октябрьской революции только разрушение, упадок, насилие; в уничтожении буржуазно-помещичьего государства они видели гибель государственности вообще, гибель культуры, цивилизации России, конец всей ее политической и экономической жизни. В оценке событий 1917 г. наиболее ярко проявился классовый характер буржуазной исторической науки. При обсуждении вопроса об отношении к Временному правительству выступавший на заседании совета Московского университета кадет П. И. Новгородцев говорил:

²¹ Там же, стр. 36.

«В настоящее время в Петрограде руководящие люди находятся в крайне нервном состоянии. Было бы чрезвычайно ценно внести в эту атмосферу должное спокойствие. В этом отношении должны прийти на помощь профессора-историки. Они должны взять на себя задачу изобразить революционный процесс исторически и указать, что государственность есть та единственная почва, на которой должно быть основано строительство, что должна быть устранена партийность и что материальной силе должно быть противопоставлено право и правовое развитие». По мнению профессора истории Д. М. Петрушевского, совет Московского университета должен был «показать отрицательное значение социализма в бедной культурой стране, в среде невежественных масс»²².

Даже наиболее талантливые буржуазные ученые оказались перед фактом неспособности что-либо объяснить в окружающей действительности 1917—1920 гг. Оценка Октябрьской революции давалась в специфических для буржуазной историографии формах. Одни «протаскивали» ее в абстрактных рассуждениях о революции вообще, доказывая, что всякая революция не может изменить в корне общественных условий, вынуждена ограничиваться внешними переменами общественного строя, она сопровождается массой жертв, которые можно избежать ведением правильной государственной политики и своевременными, достаточно широкими реформами. Другие, в частности Виппер и Готье, путем исторических аналогий и модернистских рассуждений о революционном движении прошлого искажали историю борьбы народных масс. Р. Ю. Виппер, например, называл революцию болезнью, которая несет русскому народу и государству разорение, опустошение и гибель. Ю. В. Готье видел в революции болезнь государства, во время которой жизнь народа подвергается смертельной опасности. Подобные заявления объективно не могли не выражать враждебного отношения к Советской власти со стороны контрреволюционной буржуазии, боровшейся за восстановление своего политического господства.

В то время как одни историки уходили в область создания абстрактных социологических схем, другие углублялись в разработку фактического материала без попыток

²² Архив МГУ, дела Совета, протоколы за 1917 г., лл. 303, 304.

сделать какие-либо обобщения; их работы принимали все более фактографический характер.

В первые годы после революции вышло значительное количество работ, посвященных изучению конкретных вопросов русской истории. События 1917—1920 гг. были столь грандиозны, что не могли не повлиять на характер научной работы историков старой школы и ее проблематику.

Революционные события, острая классовая борьба заставляли буржуазных ученых искать ответы на поставленные жизнью вопросы. Стараясь объяснить современные события, они обращались к революционной тематике, и в этих работах особенно ярко проявилась их теоретическая и методологическая несостоятельность. В 1921 г. профессор Московского университета Ю. В. Готье опубликовал очерк по истории революционного движения начала XVII в.²³ Его небольшая работа является типичным примером того, как буржуазный историк освещает факты классовой борьбы. Он поставил перед собой задачу: «Пересказать главнейшие события этого тревожного времени; когда самостоятельность русского народа и русского государства стояла на краю гибели... попытаться объяснить, что значат в истории государства и народа такие моменты, как смута, потрясшая наше отечество три века тому назад»²⁴. Ю. В. Готье начинает свое исследование с определения государства как надклассового органа, которое всегда стоит на страже интересов всего общества и каждого его члена. По его мнению, каждый народ, подобно любому человеку, переживает периоды «роста, развития, зрелости, одряхления и смерти». Это развитие, идущее медленно и постепенно, он называет эволюцией; иногда оно нарушается толчками и потрясениями. «Такие сдвиги, являющиеся последствиями исторических болезней страны и вместе с тем средством исцелиться от них, носят в жизни народа название революции»²⁵. Следовательно, революции, как утверждал Ю. В. Готье, явления случайные и ненормальные. С такой точки зрения рассматривались в его работе и события начала XVII в. Для Ю. В. Готье равноценны

²³ Ю. В. Готье. Смутное время (Очерк истории революционных движений начала XVII столетия). М., 1921.

²⁴ Там же, стр. 3.

²⁵ Там же, стр. 5.

совершенно различные по характеру и значению события: борьба внутри господствующего класса за престол, революционные выступления народных масс, иностранная интервенция,— все это объединяется в понятии «смутного времени». Таким же образом характеризуются и причины, породившие «смуту»: «чрезмерное напряжение сил государства, нараставшее недовольство в народных массах, раскол в правящих кругах, борьба между царями...» Все это, по мнению автора, «следует считать исходными событиями, с которых началось „смутное время“»²⁶. Ю. В. Готье относил начало смуты к 1598 г., т. е. ко времени избрания Б. Годунова на русский престол. В книге много внимания уделяется событиям, «ускорившим и подвинувшим смуту»: смерти царевича Дмитрия и появлению Григория Отрепьева и т. п. Далее разъясняется, что «смуту» начали бояре (схема дворянско-буржуазной историографии); бояр поддержали народные массы. Выступлениям последних автор уделил очень мало внимания, да и то в отрицательных характеристиках: «Шайки людей, промышлявших разбоем, появились под Москвой под предводительством атамана Хлопки Косолапа. Отряд, посланный против них, справился с ними с трудом; атаман попался в плен, а остатки его шаек направились туда же, куда шли и другие шайки, т. е. на юг, на Украину и пограничную полосу, средоточие всех недовольных, считавших себя обездоленными при существующем государственном порядке»²⁷. Сообщая о том, что во главе восставших стал Болотников, автор указывает цель — «перестройка общественных отношений, социальная революция». Больше о восстании Болотникова в работе ничего не сказано. Участие народных масс в походе Лжедмитрия II Ю. В. Готье объясняет тем, что «слишком уже запутались в своих мыслях и целях русские люди, которые в нем участвовали искренно; слишком много стало в нем простых разбойников; слишком большое место занимали в нем заграничные искатели приключений»²⁸. Он оправдывает поведение правящих классов, в частности, жестокую расправу «оборонявшегося» правительства с восставшим народом. Народные массы, в изображении Ю. В. Готье, являются источником анархии, а носители

²⁶ Ю. В. Готье. Смутное время, стр. 23.

²⁷ Там же, стр. 35—36.

²⁸ Там же, стр. 60.

порядка и государственности — только верхи общества: «Анархические низы, подавленные, замолчали на целых полвека, что помогло московскому государственному строю укрепиться на очень долгое время»²⁹.

Книга Ю. В. Готье, как и многие другие работы буржуазных историков тех лет, отличается крайней модернизацией, плоскими аналогиями, которые должны были, по его мнению, объяснить и осудить современные ему революционные события. Он старался внушить читателям, что переживаемые события 1917—1920 гг. — следствие болезни и несчастье для страны.

Ю. В. Готье не принадлежал к лагерю контрреволюционной антисоветской профессуры, однако его работа «Смутное время» объективно была идейным выражением настроений и интересов свергнутой революцией буржуазии; она является типичным примером того, на что указывал в свое время В. И. Ленин, а именно: люди, заведомо нереакционные, выступают порой с проповедью реакционных взглядов и теорий³⁰.

Работа Ю. В. Готье явилась ярчайшим доказательством несостоятельности буржуазной методологии, неспособности историка, стоящего на идеалистических позициях, понять и объяснить причины классовой борьбы, ее место и значение в истории общества.

Продолжая традиции буржуазно-дворянской историографии, историки по-прежнему уделяли большое внимание изучению истории русского государства, царизма. В центре их исследований стоят личности царей; основное внимание уделяется характеристике их воспитания, личных качеств, деятельности, переживаний, описанию их «страданий» и «трагедий»³¹. Авторы (кроме С. Ф. Платонова) даже не ставят вопроса в чьих интересах проводится внешняя и внутренняя политика государства, как она отражается на положении страны и народа. История внутренней и внешней политики в их работах совершенно оторвана от обстановки и классовых противоречий в стране. Для большинства этих работ очень характерна

²⁹ Там же, стр. 144.

³⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 189.

³¹ С. Ф. Платонов. Борис Годунов. Пг., 1921; он же, Иван Грозный. Пг., 1923; М. М. Богословский. Петр Великий и его реформа. М., 1920; Р. Ю. Виллер. Иван Грозный. М., 1923 и др.

фактографичность, психологизация исторического процесса, реакционно-монархическая окраска.

Работы С. Ф. Платонова, А. А. Кизеветтера, М. М. Богословского, вышедшие после революции, отличаются ярко выраженной идеализацией дворянско-помещичьего государства, стремлением скрыть острые социальные противоречия, классовую борьбу, приукрасить тяжелое положение трудящихся масс. Идеализация прошлого в условиях ожесточенной идейной борьбы становилась средством борьбы против марксизма и диктатуры пролетариата. При общей методологической несостоятельности эти работы, однако, имели некоторые достоинства; их авторы, особенно М. Богословский и С. Платонов, привлекли большой круг источников, собрали ценный фактический материал, сумели поставить ряд интересных вопросов. Р. Ю. Виппер, например, попытался показать историю России на широком историческом фоне, роль русского государства в международных отношениях XVI в., дал яркие картины Ливонской войны, С. Ф. Платонов, привлекая данные о «заповедных годах», пытался дать новое освещение вопроса о прикреплении крестьян³². И все же идеалистическое мировоззрение этих историков не дало возможности им правильно решить поставленные вопросы.

Общий идейный упадок буржуазной науки не исключал успешного развития ее отдельных областей, появления интересных и ценных по сравнению с общим состоянием буржуазной науки исследований по конкретным вопросам истории. Русская историческая наука накопила к тому времени большой опыт по изучению источников, что сделало возможным появление ряда хороших изданий. Работы А. С. Лаппо-Данилевского, В. Н. Щепкина, интересные статьи А. А. Шахматова, Н. П. Лихачева и других свидетельствуют об успешном развитии вспомогательных исторических дисциплин.

Показателем состояния исторической науки является характер научной периодической печати. На страницах выходивших в те годы буржуазных журналов помещалось большое количество разнообразных материалов. Наибольший интерес представляют публикации документов и мемуаров по истории русского революционного дви-

³² С. Ф. Платонов. Борис Годунов, стр. 76—79.

жения, главным образом XIX в. Правда, источников по истории массового рабочего и крестьянского движения почти не было; уровень публикаций был значительно ниже дореволюционного. Нередко в журналы попадал случайный, малоценный и неинтересный материал. В погоне за сенсацией появлялись публикации, не имеющие никакого отношения к науке, рассчитанные на испорченные вкусы деградирующей буржуазной интеллигенции³³. Научная ценность большинства статей тех буржуазных периодических изданий незначительна; это в основном историографические обзоры, характеристики деятельности отдельных историков, некрологи, написанные, как правило, в реакционно-этическом плане. Работ обобщающего теоретического и методологического характера не было.

Мелкобуржуазная историография первых лет Советской власти представлена небольшим количеством работ меньшевистского и народническо-эсеровского направлений. Это популярные историко-политические брошюры, сборники статей и документов по различным вопросам истории и современного текущего момента, материалы в журналах «Былое» и «Голос минувшего», несколько монографий в основном компилятивного характера. За исключением некоторых публикаций по истории народничества, издания не представляли значительной научной ценности; в политическом отношении они были наиболее опасными и вредными. Идеологи партий, потерпевших политическое банкротство и связавшие свою судьбу с контрреволюцией, после Октября выступили с единственной целью — нанести удар марксистской идеологии и большевизму.

Для всех работ данного направления характерна антимарксистская и антисоветская направленность, и в этом они смыкаются с реакционной буржуазной историографией. Разницы между меньшевистской и народническо-эсеровской историографией почти никакой нет, если не считать того, что меньшевики называли себя марксистами и выдавали свою пышную фразеологию за марксизм, тогда как эсеры выступали без маскировки.

³³ «Высылка танцовщицы Е. Г. Числовой». — «Былое», 1918, № 2; «Некрасов и деньги». — «Былое», 1923, № 22; «Письма Екатерины II к графу П. В. Завадовскому». — «Русский исторический журнал», 1918, № 5.

Наиболее крупным представителем меньшевистской историографии был профессор Петроградского университета Н. А. Рожков. Эволюция научного мировоззрения Н. А. Рожкова тесно связана с развитием его политических взглядов и практической деятельностью. Находясь в рядах большевиков в период революции 1905—1907 гг., Н. А. Рожков в годы реакции перешел в лагерь ликвидаторов и в революции 1917 г. выступал в рядах меньшевистской партии³⁴. В его работах (количество их для того времени довольно значительно) наиболее полно и четко выражена меньшевистская концепция русского исторического процесса. Н. А. Рожков называл себя марксистом. В ряде брошюр, написанных в 1917 г., поставив вопрос о государстве, его формах и характере, он тщательно выхолащивает классовую сущность; в определении государства и его роли приближается к реакционной буржуазно-дворянской историографии³⁵.

Н. А. Рожков объявлял себя сторонником демократической республики, такой формы государственного устройства, в которой, по его словам, «все отдельные частности и подробности проникнуты демократизмом, духом народного верховенства»³⁶, а по сути дела обычной буржуазной республики. Говоря о путях достижения такой «демократии», он пытался утверждать, что в России нет сил, способных осуществить требования даже демократической республики, умалчивая, конечно, о том, что рабочий класс под руководством большевистской партии боролся за Советскую республику: «Но наша демократическая республика возможна только тогда, когда мы встретим поддержку у народов всей Европы. В одиночку русский народ не может завоевать полной свободы»³⁷. Временное правительство Н. А. Рожков объявлял идеальной формой правления.

После победы Октябрьской революции Н. А. Рожков продолжал отстаивать свои меньшевистские взгляды. В 1918 г. вышел сборник документов по истории Октябрьской революции под редакцией и с вступительной статьей Рожкова. Составители сборника (Н. Рожков и А. Попов)

³⁴ Н. А. Рожков был в меньшевистской партии до 1922 г.

³⁵ Н. А. Рожков. О формах государственного устройства. М., 1917, стр. 3—4.

³⁶ Там же, стр. 25.

³⁷ Н. А. Рожков. Демократическая республика. М., 1917, стр. 10.

заявили, что их цель «собрать воедино все главные опубликованные до сих пор материалы о происхождении и ходе переворота 25 октября»³⁸. Вошедшие в сборник документы сопровождалась небольшими комментариями. Политическая направленность сборника раскрывается в вступительной статье. Главный удар Н. Рожков направил против Октябрьской революции и декретов Советской власти. Он обвинял большевиков в разрушении народного хозяйства и в неспособности к какой-либо созидательной деятельности. Материалы сборника были подобраны так, чтобы путем фальсификации фактов подкрепить меньшевистские идеи, изложенные в предисловии. Однако эта затея не удалась, так как фактический материал неизбежно приводил читателя к совершенно иным выводам.

Известно, что глашатаи меньшевизма, выступившие после Октябрьской революции с различными «теориями» и «теориейками», отрицали возможность построения социализма в нашей стране. Ярким образцом меньшевистской трактовки истории социалистических учений и марксистской теории были лекции Н. А. Рожкова по истории социализма, прочитанные им на педагогических курсах в Петрограде в 1918 г. Излагая теорию основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса (материалистическое понимание истории, теорию классовой борьбы), Рожков совершенно опускал марксистское учение о способе производства как совокупности производительных сил и производственных отношений. О полном непонимании важнейших вопросов марксистской теории свидетельствует искажение Рожковым основ экономического учения К. Маркса. Земельную ренту, например, Рожков определял не как форму прибавочной стоимости, а как «специальный доход от земли»³⁹. Не под силу оказалось историку-меньшевику вскрыть источники формирования взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса, составные части марксизма, его научное и политическое значение. Он даже не ставил перед собой подобной задачи, отделяясь поверхностным сравнением учения Маркса с утопией Сен-Симона и находя между ними много общего. К представителям социалистической мысли в России Рожков относил Достоевского и уделял ему большее

³⁸ «Октябрьский переворот». Факты и документы. Пг., 1918, стр. 1.

³⁹ Н. А. Рожков. Лекции по истории социализма. Пг., 1919, стр. 45.

внимание, чем Белинскому, Чернышевскому, Герцену. Рожков в искаженном виде освещал историю партийной борьбы, стремясь обвинить большевиков в отступлении от марксизма; всячески приукрашивал меньшевиков, оправдывая и защищая их отношение к войне, к социалистической революции, к выборам в Думу. И в то же время он пытался сгладить остроту борьбы между большевиками и меньшевиками, изобразить противоречия между ними маловажными, несущественными: «Все они добросовестно со своей точки зрения стремятся к одной цели, но путь борьбы представляется им различно»⁴⁰.

Историю социалистической мысли в России Н. Рожков излагал так, будто заслуга в деле дальнейшей разработки марксистской теории после смерти К. Маркса и Ф. Энгельса принадлежит исключительно Г. В. Плеханову. Заслуги В. И. Ленина он видел только в разработке аграрной теории. Н. Рожков пытался привести читателя к выводу (хотя прямо он об этом не говорил), что подлинными продолжателями, действительными марксистами в России являлись не В. И. Ленин и большевики, а меньшевики во главе с Г. В. Плехановым⁴¹.

В работах Н. Рожкова по русской истории, написанных и переизданных в 1917—1923 гг., отразилась крайне противоречивая, эклектическая концепция историка-меньшевика, маскировавшегося марксистскими фразами. В 1918 г. вышла его первая книга двенадцатитомной «Русской истории в сравнительно-историческом освещении». Автор работал над ней в течение 15 лет, поставив своей целью дать «социологические выводы, формулировку общих законов сосуществования и развития общественных явлений», установить, «насколько это возможно при современном состоянии исторической науки, закономерности развития общественных явлений»⁴².

Для «сравнительно-исторического» освещения автор привлек материалы по истории стран и народов Европы и Азии. В своем заключении автор говорил, что при написании «Русской истории» он стоял на почве экономического или материалистического монизма, основателями

⁴⁰ Н. А. Рожков. Лекции по истории социализма, стр. 80.

⁴¹ Там же, стр. 79.

⁴² Н. А. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). М., т. 1, изд. 2-е (стереотипное), 1923, стр. 7; т. 12, 1926, стр. 348.

которого считает К. Маркса и Ф. Энгельса, а продолжателями — Г. Плеханова и К. Каутского. В введении к первому тому, выступая против марксизма, он подчеркивал: «В новейшее время хотят видеть везде, даже в духовной культуре, непосредственно классовый интерес. Автор настоящего труда не разделяет этой крайней точки зрения», полагая, что «для объяснения закономерностей развития духовной культуры... такой моделью должна служить теория развития психических типов». По его определению, «психический тип — это то же в истории духовной культуры, что тип экономический в истории хозяйства, тип социальный в истории устройства общества, тип политический в истории государства. Это такое же объединяющее, обобщающее понятие, как, например, «натуральное хозяйство», «капитализм», «сословный строй», «классовый строй», «абсолютизм», «конституционная монархия», «республика» и т. д.»⁴³ Своей «психологической теорией» Н. Рожков пытался подменить исторический материализм — единственно верное учение о развитии общества. Такой же характер носит и выдвинутая им периодизация всемирной истории, в основе которой лежит немарксистское понимание хода исторического процесса⁴⁴. Как видим, называя себя марксистом, претендуя на марксистское освещение истории, Н. Рожков на самом деле проповедовал теории, ничего общего не имеющие с марксизмом, фальсифицировал и модернизировал исторический процесс. Все это делалось под прикрытием марксистской фразеологии, и в этом была особенная опасность мелкобуржуазных историков типа Рожкова. Под флагом «защиты» марксизма они вели борьбу с ним, помогая тем самым контрреволюционной буржуазии бороться с пролетариатом и его идеологией.

В. И. Ленин постоянно указывал, что необходимо разоблачать меньшевиков и в беспощадной борьбе с их псевдонаучными теориями отстаивать чистоту марксистского учения.

Сущность эсеровской историографии наиболее полно выражена в сборниках статей 1918—1919 гг.: «Большевики у власти. Социально-экономические итоги Октябрьского переворота». «Год русской революции», «Из недавнего

⁴³ Там же, т. I, стр. 10—11.

⁴⁴ Там же, стр. 21, 22 и др.

прошлого». Все многословные рассуждения их авторов сводятся к попытке доказать, что в такой отсталой стране, как Россия, нет объективных условий для социалистической революции и диктатуры пролетариата. Эсеры клеветнически утверждали, что партия большевиков не имела опоры в массах; обвиняли большевиков в разрушении «русской государственности», «гражданственности» и культуры, в голоде и разрухе народного хозяйства, разложении армии; выступали против национализации промышленности, банков, земли, против всей деятельности СНК⁴⁵. Ярко выраженная антисоветская, антимарксистская направленность — такова сущность эсеровских работ. С этих позиций освещали они историю прошлого.

Характерна в этом отношении «История русской общественной мысли» Р. В. Иванова-Разумника⁴⁶. Исходя из субъективного идеалистического объяснения истории, автор положил в основу истории общественной мысли теорию борьбы индивидуализма с мещанством, которую ведет интеллигенция. Под эту крайне примитивную и псевдонаучную схему он пытался подогнать богатую и разностороннюю историю передовой русской мысли. Все полторы тысячи страниц его труда заполнены грубой фальсификацией истории. Антимарксистские характеристики, которые Р. Иванов-Разумник дает Радищеву, декабристам, Пушкину, Белинскому, Герцену, Чернышевскому, абсолютно не соответствуют исторической действительности. О Герцене, например, он пишет: «Социологический индивидуализм западничества и этический индивидуализм славянофильства были синтезированы Герценом путем философско-исторического индивидуализма; с этого синтеза и берет свое начало народничество»⁴⁷.

Для Р. Иванова-Разумника характерно полнейшее непонимание истории русского революционного движения. Он утверждал, что революцию 1905 г. совершила интеллигенция; на протяжении всей работы «ниспровергал» марксизм, доказывая его «ошибочность», «несостоятельность», «догматизм». Его многотомный труд является ярким свидетельством того, что мелкобуржуазная историография

⁴⁵ «Большевики у власти». М., 1918, стр. 5, 9—10, 12, 70, 92, 181.

⁴⁶ Р. В. Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Пг., 1918. В 1918 г. вышло восемь томов пятого переработанного издания.

⁴⁷ Там же, т. 3, стр. 182—183.

не способна была дать что-либо ценное и значительное по истории русской общественной мысли; защищая интересы буржуазии, она пыталась использовать факты из истории революционного движения и русской общественной мысли для борьбы с марксизмом и Советской властью.

Во враждебных целях были использованы анархистами издания сочинений М. Бакунина, П. Лаврова, П. Кропоткина. В пятитомнике избранных сочинений Бакунина был помещен биографический очерк В. Черкезова, написанный явно в апологетическом плане, с идеализацией Бакунина и всей его деятельности. В искаженном виде автор описывал историю взаимоотношений К. Маркса с Бакуниным, обвиняя Маркса в отсутствии добросовестности и даже в клевете. Весь очерк пропитан враждебным отношением к К. Марксу и его учению. Тенденциозным подбором документов по истории общественного движения в России меньшевики, эсеры, анархисты пытались оклеветать большевиков, обвиняя их в отступлении от традиций русского революционного движения, в «измене идеалам», за которые боролись Бакунин и Лавров. Мелкобуржуазные историографы сознательно преувеличивали заслуги своих идеологов и предшественников, умалчивали о вредных сторонах их деятельности.

Такой же характер носит большинство материалов, опубликованных на страницах журналов «Былое» и «Голос минувшего». Их редакции декларативно заявляли о своей беспристрастности, объективности, беспартийности и в то же время неоднократно выступали с антисоветскими выпадами. Большинство статей в этих журналах проникнуто духом реакционного народничества; в центре внимания стоит личность, которая изображается как движущая сила исторического процесса; история народничества сильно идеализируется.

Грубая фальсификация и психологизация исторических фактов сближала мелкобуржуазную историографию с реакционным, кадетским направлением. Пользуясь слабой изученностью истории русской социал-демократии и трудностями социалистического строительства, прикрываясь марксистской фразеологией и прибегая к вульгаризации марксистской теории, меньшевистско-эсеровские историки выступали с ревизионистскими попытками противопоставить ленинизм, большевизм — марксизму. Вы-

давая себя за защитников марксизма, демократии и свободы, меньшевики проповедовали контрреволюционные идеи и теории, призывали к свержению Советской власти. Это была скрытая и потому особенно опасная форма борьбы с марксизмом и диктатурой пролетариата. В августе 1919 г. В. И. Ленин писал: «...Противники Советской власти делятся на две большие группы. Обе защищают капитализм против социализма. Одна делает это зверски и с самой грубой корыстью; это — помещики, капиталисты, кулаки, Деникины, Колчаки, черносотенцы, кадеты. Другая группа защищает капитализм „идейно“, то есть бескорыстно или без прямой, личной корысти, из предубеждения, из трусости нового; это — меньшевики и эсеры. Это — последние „идейные“ защитники капитализма. И потому вовсе не случайность, что Колчаки и Деникины, русские и все иностранные капиталисты идут под прикрытием меньшевиков и эсеров, под *их* знаменем, под *их* флагом, повторяя *их* лозунги и фразы о „свободе“ вообще, о „демократии“ вообще, о „частной“ (торговой, капиталистической) предприимчивости и т. д. и т. п.»⁴⁸

С утверждениями, аналогичными меньшевистским и эсеровским, выступали теоретики II Интернационала типа оппортуниста К. Каутского. В 1918 г. Каутский написал антимарксистскую книгу «Диктатура пролетариата», направленную против Октябрьской социалистической революции. Каутский подхватил меньшевистские «теории» об отсутствии объективных предпосылок и исторической необходимости, о незрелости социалистической революции в России.

С работами ярко выраженного антимарксистского и антисоветского характера выступила в то время группа белоэмигрантской интеллигенции во главе с кадетом историком П. Н. Милюковым. Трехтомную «Историю второй русской революции» П. Милюков посвятил доказательству незакономерности и беспочвенности социалистической революции в России. Путем фальсификации истории революции и клеветы на рабочий класс и Коммунистическую партию П. Милюков пытался оправдать себя, свой класс и свою партию, подвести «идейную» базу под контрреволюционные действия. Тогда же генерал А. Деникин, меньшевик Д. Далин, эсер А. Шрейдер и много-

⁴⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 169.

численные мемуаристы выступили с воспоминаниями о революции и гражданской войне; они претендовали на роль идейных вдохновителей белогвардейщины и иностранной интервенции. Белоэмигрантские фальсификаторы истории старались нанести ущерб Советской республике, подорвать ее престиж, ослабить международную силу и влияние на трудящиеся массы капиталистических стран первого в истории пролетарского, подлинно демократического государства.

Их работы служили идеологическим оправданием той борьбы за реставрацию капитализма в нашей стране, которую вела буржуазия внутри России и за ее пределами. Так, путем фальсификации истории, извращения марксизма-ленинизма и практики социалистического строительства идеологи буржуазии старались нанести удар пролетариату и его идеологии.

В 1918 г. на VI Всероссийском чрезвычайном съезде Советов В. И. Ленин говорил: «Нет той лжи и клеветы, которую они не посылали бы против Советской власти. Можно сказать сейчас, что вся англо-французская и американская печать в руках капиталистов, — а она ворочает миллиардами, — что она действует вся, как один синдикат, чтобы замалчивать правду о Советской России, чтобы распространять ложь и клевету против нас»⁴⁹. Буржуазные издательства Парижа, Берлина, Нью-Йорка и других городов издавали русскую белогвардейскую литературу, искажавшую события в России. Буржуазия Запада больше всего боялась, что народы их стран узнают правду о русской революции. Делалось все возможное, чтобы утопить эту правду в потоке лжи и клеветы. Вот почему они с такой охотой издавали «труды» и мемуары изменников Родины, мечтавших о восстановлении капитализма в России.

К этому же времени относятся выступления троцкистов с попытками ревизии марксистско-ленинской теории и замены ее оппортунизмом. Они демагогично противопоставляли ленинизм марксизму, протаскивали антимарксистские взгляды на особенности русского исторического процесса, которые фактически заимствовали у буржуазно-дворянской историографии; пытались подменить ленинизм троцкизмом. Ревизия марксизма, капитуляция

⁴⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 164—165.

перед буржуазным влиянием логически приводили их на позиции буржуазной идеологии, к защите интересов врагов пролетариата.

Таким образом, в 1917—1923 гг. буржуазная контрреволюционная кадетская профессура, меньшевики, эсеры и ревизионисты — в России, оппортунисты II Интернационала, белоэмигранты — за границей выступили единым лагерем против Октябрьской социалистической революции, против марксистско-ленинской теории общественного развития. Перед советскими историками-марксистами встали большие и ответственные задачи. Необходимо было нанести сокрушительный удар идейным противникам революции и марксизма, показать антинаучный характер реакционной идеалистической социологии и историографии, их фальсификаторские приемы борьбы с марксизмом и разоблачить классовый, политический смысл выступлений идеологов буржуазии.

Воздействие пролетарской революции на русскую историческую науку проявлялось не только в коренном изменении условий и перспектив ее развития, в появлении профессиональной марксистской историографии и углублении кризиса буржуазного обществознания. Под влиянием революции изменился весь характер идейной борьбы в исторической науке. Отчетливее выявились идейные направления и политические группировки среди ученых. Заметно расширился круг вопросов, ставших предметом острой полемики.

Идейная борьба, заметно углубившаяся в начале 20-х годов, охватила все области исторического знания; она, как было показано выше, развернулась в научно-исследовательской работе в области теории и методологии исторического знания, в публикации источников. Активизировалась борьба за читателя и его мировоззрение в массовой исторической литературе, в пропаганде и популяризации исторических знаний. Поэтому все выступления историков-марксистов 1918—1923 гг., в какую бы форму они ни выливались, были направлены на разоблачение реакционных теорий и взглядов, на вытеснение и ликвидацию буржуазной идеологии из всех отраслей исторической науки.

На Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования (1920 г.) В. И. Ленин говорил: «Наша задача — побороть все сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное»⁵⁰. Наступление на буржуазную идеологию в те годы было составной частью общей борьбы, которую вел рабочий класс под руководством Коммунистической партии против буржуазии, интервентов, белогвардейцев, контрреволюционных заговорщиков.

С приходом к власти пролетариата государственной идеологией стал марксизм-ленинизм. В руках Советского государства сосредоточились важнейшие ключевые позиции ее распространения (печать, устная пропаганда и т. п.). Борьба с враждебным пролетариату мировоззрением приобретала общегосударственное значение, велась в масштабе всей страны, под руководством Коммунистической партии и Советского правительства. Идеологическая борьба протекала в исключительно сложных условиях. Гражданская война и иностранная интервенция, навязанные нам внутренней и внешней контрреволюцией, экономическая разруха отвлекали лучшие силы партии для работы в хозяйственном и государственном строительстве, в тылу и на фронте. В первые годы после Октябрьской революции буржуазная идеология была еще сильна своими кадрами, широким распространением, старыми традициями. И тем не менее под руководством Коммунистической партии даже в необычайно трудных условиях была проделана большая работа и достигнуты значительные успехи в разгроме реакционной буржуазной идеологии, буржуазных и мелкобуржуазных теорий общественного развития. Советское государство и Коммунистическая партия приложили немало усилий, чтобы сосредоточить и рационально использовать имевшиеся марксистские силы в стране, вести работу на всех важнейших участках идеологического фронта, нанести удары по наиболее опасным идейным противникам.

Условия того времени определили формы и средства борьбы с буржуазной идеологией: беспощадное подавление активных носителей контрреволюционной идеологии и политики, разоблачение буржуазных и мелкобуржуаз-

⁵⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 406.

ных теорий общественного развития, маскирующих свою контрреволюционную сущность, всемерное распространение марксистско-ленинской теории среди интеллигенции и широких масс трудящихся. Советская власть национализировала частные издательства, сосредоточила в своих руках полиграфическую промышленность, запасы бумаги и т. п. Выход в свет печатной буржуазной продукции значительно уменьшился; возможность распространения враждебной идеологии заметно сократилась. В руках пролетариата государственные издательства стали мощным средством организации широкой идеологической работы в массах.

С первых лет революции Коммунистическая партия и Советское государство прилагали очень большие усилия для массового издания и всемерного распространения марксистской литературы среди всех слоев населения. В тех условиях эта работа стала важнейшим направлением государственной пропаганды идеологии пролетариата. Уже в 1918—1920 гг. вышли в свет произведения К. Маркса и Ф. Энгельса: «Манифест Коммунистической партии» (12 изданий — в Петрограде, Москве, Вятке, Харькове); «Нищета философии» (3 издания); «Наемный труд и капитал» (5 изданий); «Гражданская война во Франции» (3 издания); «Капитал» (том I—2 издания, том II—1 издание); «Критика Готской программы», «Либералы у власти», «К критике политической экономии», «Заработная плата, цена и прибыль», «Классовая борьба во Франции», «Революция и контрреволюция в Германии», «Теория прибавочной стоимости»; «Людвиг Фейербах» (3 издания); «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (3 издания); «Анти-Дюринг», «Развитие социализма от утопии к науке»; «Из истории первоначального христианства»⁵¹. Тиражами 50—100 тыс. экземпляров они выходили не только в Москве и Петрограде, но и на периферии: в Казани, Калуге, Пензе, Вятке, Твери и других городах. Впервые в истории широким массам стала доступна марксистская литература. На нее вынуждены были обращать внимание уже и буржуазные профессора, которые ранее позволяли себе «игнорировать» марксизм.

⁵¹ Архив АН СССР, ф. 233, оп. 1, д. 32, лл. 54—55, 57. Эти данные подтверждаются «Книжной летописью» за 1918—1920 гг.

Решающую роль в борьбе с реакционной идеологией, в разгроме буржуазной и мелкобуржуазной историографии сыграли труды В. И. Ленина.

В. И. Ленин неоднократно указывал на необходимость вести упорную борьбу с враждебной марксизму идеологией, со всякого рода теоретическим опошлением марксизма. Он систематически разоблачал мелкобуржуазные и меньшевистско-эсеровские теории, подвергал уничтожающей критике теории оппортунистов II Интернационала, наносил удар по всей буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. В своих статьях, речах, докладах, в таких работах, как «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (1918 г.), «О государстве» (1919 г.), «О диктатуре пролетариата» (1919 г.), «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» (1920 г.) и других, В. И. Ленин вскрыл научную несостоятельность буржуазных и мелкобуржуазных теорий, искажавших и вульгаризировавших марксизм в угоду буржуазии.

Труды В. И. Ленина являются замечательным образцом научной партийной критики. В статье «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» (1919 г.), анализируя данные выборов, приведенные в статье Свяцицкого «Итоги выборов во Всероссийское учредительное собрание» (из эсеровского сборника «Год русской революции»), В. И. Ленин показал, что выводы Свяцицкого (большевики во время выборов в Учредительное собрание и позднее якобы имели за собой меньшинство пролетариата) не соответствуют действительности и грубо извращают факты. С предельной глубиной и четкостью В. И. Ленин доказал, что большевики вели за собой не только большинство наиболее закаленного в упорной борьбе, наиболее революционного пролетариата в столице, в крупнейших промышленных центрах страны и в армии, — они сумели привлечь на свою сторону и большинство непролетарских трудящихся масс, отвоевать эти массы у меньшевиков и эсеров. Все это обеспечило большевистской партии прочную победу.

В статье «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)» В. И. Ленин решительно выступил против догматического и упрощенческого отношения к марксизму всех «мелкобуржуазных демократов, как и всех героев II Интернационала». Он показал, что теоретической основой догматизма мелкобуржуазных течений является непо-

нимание ими диалектики общественного развития. «Они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики»⁵², — писал В. И. Ленин. В этой статье Ленин еще раз обращается к вопросам о последовательности и закономерности исторического процесса, революционной смене буржуазной общественной формации в России и историческом развитии в современную эпоху. Эти вопросы В. И. Ленин решает на основе анализа конкретной исторической действительности: развития общемировых событий (революция и империалистическая война) и своеобразных условий России, граничившей не только с цивилизованными, но и с внеевропейскими странами, которые в то время только еще втягивались в цивилизацию.

Мелкобуржуазные теоретики (в данном случае Н. Суханов), принимая за образец определенный путь развития капитализма и буржуазной демократии в Западной Европе, утверждали, что Россия не доросла до революции, в ней нет объективных экономических предпосылок для социализма, нет определенного уровня цивилизованности. Это положение идеологи мелкой буржуазии считали решающим при оценке российской революции. Неспособность понять ход исторического развития и его своеобразие в России явилась причиной их непонимания, что международная и внутренняя обстановка, сложившаяся в 1917 г., объективно подвела российский пролетариат к взятию политической власти. В этих условиях необходимо было, писал В. И. Ленин, «начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»⁵³. Предпосылками цивилизованности в России явились, по словам В. И. Ленина, изгнание помещиков и российских капиталистов. Именно это обеспечило возможность начать движение к социализму. Отмечая неспособность оппортунистов понять основы марксистской теории, а тем самым и ход исторического процесса, В. И. Ленин дал им уничтожающую характери-

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 378.

⁵³ Там же, стр. 381.

стику: «Во всем своем поведении они обнаруживают себя, как трусливые реформисты, боящиеся отступить от буржуазии, а тем более порвать с ней, и в то же время прикрывают свою трусливость самым бесшабашным фразерством и хвастовством»⁵⁴. Отстаивая марксистскую теорию от извращений и вульгаризации меньшевиками и оппортунистами II Интернационала, В. И. Ленин с предельной четкостью вскрыл антинаучную сущность и политический смысл мелкобуржуазных теорий общественного развития.

В 1922 г. для журнала «Под знаменем марксизма» В. И. Ленин написал статью «О значении воинствующего материализма», в которой сформулировал основные задачи защиты материализма и марксизма от «дипломированных лакеев поповщины». Ленин считал безусловным долгом коммунистов «привлекать к совместной работе всех сторонников последовательного и воинствующего материализма в борьбе с философской реакцией и с философскими предрассудками так называемого „образованного общества“»⁵⁵.

Это ленинское указание успешно проводилось в жизнь руководителями советских научных и высших учебных заведений, научных обществ и журналов, привлечших к совместной работе лучших представителей науки старой формации.

С 1917 г. произведения В. И. Ленина систематически печатались в газетах, журналах в виде листовок, брошюр. Они выходили отдельными изданиями не только в Москве и Петрограде, но и по всей стране. Такие работы В. И. Ленина, как «Государство и революция», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», выходили массовыми тиражами (50—100 тыс. экз.)

В 1920 г. по постановлению IX съезда РКП(б) началось издание собрания сочинений В. И. Ленина (в 20 томах, 26 книгах), которое было закончено в 1925 г. Его появлению предшествовала громадная предварительная работа по установлению списка работ, воспроизведению ленинского текста.

⁵⁴ Там же, стр. 378—379.

⁵⁵ Там же, стр. 24.

Ленинские труды явились важнейшим средством борьбы с буржуазной идеологией, средством воспитания новых специалистов, в том числе советских историков. Коммунистическая партия и ее Центральный Комитет уделяли большое внимание борьбе с враждебной марксизму идеологией. Особенно остро вопросы идейной борьбы были поставлены в начале 20-х годов в связи с переходом к нэпу и общим оживлением буржуазной идеологии. Они обсуждались на XI и XII съездах партии, на XII партийной конференции, которые приняли специальные решения, подчеркивавшие необходимость всемерного усиления работы на идеологическом фронте. В резолюции «О печати и пропаганде», принятой на XI съезде партии, был поставлен вопрос об издании литературы, нужной для марксистского просвещения: «Констатируя развитие враждебных к Советской власти частных издательств, съезд обращает внимание ЦК и партийных комитетов, в первую очередь областных центров, на необходимость поставить издательство боевой агитационно-пропагандистской и марксистской литературы». Было одобрено решение ЦК «о превращении издательства Главполитпросвета в прямое партийное издательство популярно-агитационной, антирелигиозной, марксистской литературы»⁵⁶.

В решении XII Всероссийской конференции РКП(б) говорилось: «Антисоветские партии и течения систематически пытаются превратить сельскохозяйственную кооперацию в орудие кулацкой контрреволюции, кафедру высших учебных заведений — в трибуну неприкрытой буржуазной пропаганды, легальное издательство — в средство агитации против рабоче-крестьянской власти и т. п.»⁵⁷ В связи с активизацией буржуазной идеологии конференция поставила задачу: «...поднять работу научно-коммунистической мысли, дабы иметь возможность организованно вести линию „воинствующего материализма“ и всей идеологии революционного марксизма (оживление работы Социалистической академии, научных кафедр коммунистических университетов, работа по завоеванию ученых органов при советских университетах и т. п.).

⁵⁶ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1954, стр. 644.

⁵⁷ Там же, стр. 671.

Поскольку громадную роль в деле борьбы с буржуазными влияниями должна сыграть советско-партийная журналистика, нужно организовать это дело в известной степени по единому плану, дав туда силы и средства»⁵⁸. Коммунистическая партия особенно подчеркивала значение периодической печати в разоблачении буржуазной идеологии, в пропаганде и распространении марксистско-ленинской теории.

Созданные в 1918—1923 гг. советские общественно-политические и исторические журналы активно выступали против реакционных теорий и объяснений общественного развития. На их страницах систематически публиковались статьи и рецензии В. И. Невского, В. В. Адоратского, М. Н. Покровского, Г. С. Фридлянда и других историков-большевиков с критикой взглядов буржуазных и мелкобуржуазных историков и социологов. Ученые-марксисты вскрывали несостоятельность буржуазной методологии, их антимарксистский характер и антисоветскую направленность. Особое внимание было обращено на развенчание реакционных концепций исторического идеализма, циклических и эволюционных теорий, мистицизма и богословия. Интересны в этом плане работы В. И. Невского, выступившего с критикой реакционной буржуазной историографии и социологии⁵⁹. В статье «Нострадамусы XX века» В. И. Невский направил главный удар против идеалистической философии. Вскрывая реакционный, антинаучный характер буржуазной науки, В. И. Невский писал: «В области же общественных и философских дисциплин ныне господствует исключительная тяга к самым отдаленным истокам теологии. И за что бы ни брался современный буржуазный ученый, за философию, историю, психологию, этику — он в конечном счете приходит к Господу Богу и, без сомнения, критике социализма... Гибелью, тлением, средневековым мракобесием веет ныне от буржуазной философской мысли. Философия мертвой реакции — вот как можно назвать все писания буржуазных философов нашего времени»⁶⁰. Анализируя работы

⁵⁸ Там же, стр. 673—674.

⁵⁹ В. И. Невский. Реставрация идеализма и борьба с «новой» буржуазией. — «Под знаменем марксизма», 1922, № 7—8; он же. Нострадамусы XX века. — «Под знаменем марксизма», 1922, № 4 и др.

⁶⁰ В. И. Невский. Нострадамусы XX века, стр. 98, 100.

крупнейших представителей «российской академической философии», В. И. Невский показывает, что современная буржуазная научная мысль находится в состоянии глубокого упадка: «Нас это не удивляет, ибо кризис, переживаемый наукой, так же велик, как и тот кризис, который захватил самые основы буржуазного общества. Этот кризис буквально подтачивает все основы буржуазной науки; нет области, в которой бы буржуазная наука не бросалась не только у нас в России, но и на Западе, назад, к самому чистейшему идеализму и даже теологии»⁶¹.

В статье «Реставрация идеализма и борьба с „новой“ буржуазией» В. И. Невский останавливается на вопросе оживления буржуазной идеологии в связи с новой экономической политикой: «...Буржуазия пытается нанести нам удар в наших собственных укреплениях и в самое важное место, в твердыню нашей идеологии». За последнее время, отмечает В. И. Невский, появляется все больше книг по истории русской общественности и революционного движения, «которые все снова и снова пытаются чисто идеалистически объяснить и истолковать историю и развитие того великого движения, которое потрясло Россию в течение прошлого столетия. Писарев, Лавров, Бакунин,— их развитие и деятельность, даже все развитие социалистической мысли в России преподносится под идеалистическим соусом»⁶².

В. И. Невский решительно выступил против идеализма во всех его формах и проявлениях. «Не будем же бояться мы и теперь идущей реставрации идеализма,— призывал он,— и ответим борьбой в сравнительно мирной области науки, заостривши еще более то могучее оружие, которое оставил нам Маркс»⁶³. В рецензии на книгу А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» В. И. Невский отмечает, что автор этого солидного труда, излагая различные системы и школы, «ограничивается формальной стороной дела, он не вскрывает корней каждого учения, он не показывает, откуда и как оно выросло, и в чем, таким образом, сущность учения»⁶⁴. Невский по-

⁶¹ В. И. Невский. Нострадамусы XX века, стр. 98—99.

⁶² В. И. Невский. Реставрация идеализма и борьба с «новой» буржуазией, стр. 130.

⁶³ Там же, стр. 131.

⁶⁴ В. И. Невский. Рецензия на книгу А. С. Лаппо-Данилевского «Мето-

казывает, что А. С. Лаппо-Данилевский, излагая теорию К. Маркса, обнаруживает ее полное непонимание; видит противоречия и разногласия между К. Марксом и Ф. Энгельсом в оценке факторов исторического процесса, роли и значения классовой борьбы: «*Всякий, знающий хотя бы только основные труды Маркса и Энгельса, понимает, что никакого расхождения между взглядами этих двух основоположников научного социализма никогда не было и что нужно совершенно не понимать учение Маркса и Энгельса, чтобы утверждать, что Энгельс не обратил внимания на «ограничительную» формулу Маркса и что то, что в основных вопросах учения утверждал Маркс, не утверждал бы Энгельс, и наоборот*»⁶⁵.

Как признак краха исторического мировоззрения определенной группы буржуазных ученых рассматривал Г. С. Фридлянд работу Р. Ю. Виппера «Круговорот истории». Эволюция взглядов Виппера, как показал Фридлянд, представляет значительный интерес для читателя. «*Но дело здесь не в отказе профессора от либеральных и демократических идей недавнего прошлого, а в крахе исторического мировоззрения той группы ученых, которые считали себя близкими к марксизму, к «экономическому материализму»*⁶⁶. Фридлянд отмечает, что события последних лет явились причиной пересмотра исторических взглядов группы буржуазных ученых, в частности Р. Виппера: «*Война 1914—1918 гг. и классовые битвы послевоенной эпохи — источник ревизии его социальной философии... Книга Виппера — отзвук «Заката Европы», трагедия бессильной, приговоренной к смерти интеллигенции*»⁶⁷. В рецензии Фридлянда говорится, что историк Виппер, признававший ранее закономерности исторического процесса, перешел на позиции фатализма, стал признавать лишь стихию и случайность в общественном развитии, отказался от идеи прогресса человеческого общества, от историзма, выступил проводником и защитником реакции, войн, религии и шовинизма, противником исторического материализма; его философские и полити-

дология истории», вып. I, изд. 2-е, посмертное. Пг., 1923. — «Печать и революция», 1923, № 7, стр. 183.

⁶⁵ Там же, стр. 182—183.

⁶⁶ Ц. Фридлянд. Круговорот профессора истории (О книге проф. Р. Виппера «Круговорот истории»). — «Печать и революция», 1923, № 6, стр. 8

⁶⁷ Там же, стр. 9.

ческие теории носят крайне реакционный, антимарксистский и антинародный характер: «В переходе к идеализму смысл его позиции.

Виппер не скрывает перемены взглядов, он становится воинствующим идеалистом, выступая с «критикой» марксизма и научного социализма»⁶⁸.

Выступления советских историков против идеалистической философии А. Лаппо-Данилевского, Р. Виппера, Н. Кареева, Н. Бердяева, П. Сорокина и других способствовали разгрому реакционной буржуазной идеологии и тех антинаучных политических теорий, которые вырастали на их основе (воспевание и оправдание войны, реакции, оплевывание революции и борьбы народных масс и т. п.).

В этой связи интерес представляет отзыв В. Адоратского о книге С. Л. Франка «Очерк методологии общественных наук» (1922). Он отмечал, что С. Франк не способен разрешить самых основных вопросов философии, которые давно уже решены, и делает все возможное, чтобы подменить науку мифологией создавая для этого свое «сверхчувственное существо». И далее: «Общественные отношения для г. Франка — это только идея и притом существующая объективно, вне сознания человека»; Франк, как все буржуазные ученые, отрывает материю от сознания, чтобы дать идейную поддержку эксплуататорскому классу. В. Адоратский вскрывает классовый смысл философии Франка и ему подобных: «Им выгодно увековечить путаницу, не допустить правильного понимания. Если в обществе решающую роль играет сознание, тогда для того, чтобы переделать общество, не надо производить материальных революций, надо лишь переделывать идеи. Если все зависит от идей, то обеспечено господство за всеми, кто утвердил за собой монополию в области идей»⁶⁹.

В критике работ буржуазных историков конкретно-исторического характера подчеркивалась узость и ограниченность тематики, фактографичность, неспособность буржуазных ученых дать большие исторические обобщения,

⁶⁸ Ц. Фридлянд. Круговорот профессора истории, стр. 14.

⁶⁹ «Печать и революция», 1923, № 6, стр. 238—240.

создавать действительно научные исследования⁷⁰. О книге профессора Московского университета С. А. Котляревского⁷¹ известный деятель международного коммунистического движения, член Социалистической академии известный историк-большевик Ф. А. Ротштейн писал: «Наши старые кадетские ученые ничего не забыли и ничему не научились», они «ничего не понимают из того, что произошло со времени мировой войны и революции». Труд С. А. Котляревского, как отмечал Ф. Ротштейн, написан поверхностно, без анализа и обобщений, с ошибками и неточностями в освещении отдельных фактов; автор, не понимая классовой структуры общества и государства, оказался совершенно неспособным вскрыть историю развития международных отношений, их экономическую подоплеку, природу и роль финансового капитала⁷². «Выступая под знаменем идеалистического мировоззрения,— отмечает Ф. Ротштейн,— настаивая беспрестанно на значении идеологических факторов в истории, они все же не понимают, что наша революция повлекла за собой и крупный идеологический сдвиг, после которого русская мысль никогда больше не будет удовлетворяться такими старомодно-прагматическими изложениями истории, каким является работа проф. Котляревского»⁷³.

Как указывалось выше, историки-марксисты решительно выступили с разоблачением мелкобуржуазных «теоретиков», показывая фальсификаторскую сущность и антибольшевистскую направленность их работ. В рецензии на книгу Л. Мартова о русской социал-демократии В. И. Невский отмечал, что характерная черта этого труда, автор которого играл столь «видную роль во всей истории меньшевизма»,— отсутствие объективности. Особенно сильно это проявляется в характеристике деятельности В. И. Ленина и борьбы большевиков с меньшевиками. Книга Мартова от начала до конца пронизана

⁷⁰ Назовем для примера ряд отзывов на следующие работы: Полиевктов. Николай I. — «Книга и революция», 1920, № 1; В. Н. Бочкарев. Очерк истории революционного движения в России XVII—XX вв. — Там же; С. А. Котляревский. Развитие международных отношений в новейшее время. — «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1; С. Ф. Платонов. Борис Годунов. — «Печать и революция», 1921, № 2 и др.

⁷¹ С. А. Котляревский. Развитие международных отношений в новейшее время. М., 1922.

⁷² «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 160.

⁷³ Там же.

субъективизмом, поэтому требует к себе строго критического отношения, она является документом, свидетельствующим о том, что «партия или фракция, идущая рука об руку с теми, кто предаёт рабочий класс, не может быть беспристрастным судьёй того самого авангарда пролетариата, который на полях битв доказал и правильность, и силу, и непобедимость тактики тех самых „заговорщиков“, имя которым коммунисты-большевики»⁷⁴.

В разоблачении реакционной буржуазной и мелкобуржуазной историографии в первые годы Советской власти большую положительную роль сыграли работы М. Н. Покровского⁷⁵. В те годы он выступал с критикой теорий буржуазно-дворянской историографии и её крупнейших представителей (С. М. Соловьёва, В. О. Ключевского и других), идеалистических теорий образования русского государства, возникновения и развития самодержавия, «теории закрепощения всех сословий» и т. п. О «теории закрепощения» М. Н. Покровский говорил, что она отражала интересы господствующих классов и возникла в период борьбы вокруг вопроса о реформах в середине XIX в. Показывая, что исторические факты опровергают теорию «борьбы со степью», которая объясняла возникновение Московского государства потребностями национальной обороны от «степных кочевников», М. Н. Покровский отмечал, что сторонникам этой теории следовало бы признать: «на период, когда эта оборона была особенно нужна, когда стране грозила „конечная гибель“ от этих хищников, падает максимум децентрализации, максимум разложения, а не сложения сил»⁷⁶. На основании фактического материала М. Н. Покровский доказывал, что ни о какой «примитивной экономической основе» для России XVI в. не может быть и речи: «Легенда о „примитивной экономической основе“, на которой воздвигалась московская государственность задолго до Романовых, должна быть сдана в архив вместе с легендами о „борьбе со

⁷⁴ В. И. Невский. Рецензия на книгу Л. Мартова «История русской социал-демократии», изд. 2-е. М.—Пг., 1922. — «Печать и революция», 1923, № 2.

⁷⁵ М. Н. Покровский. Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия. — «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1; 1923, № 2, 4; он же. Борьба классов и русская историческая литература. Пг., 1923.

⁷⁶ М. Н. Покровский. Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия. — «Вестник Социалистической академии», 1923, № 4, стр. 15.

степью“ и „закрепощении и раскрепощении“, — все три легенды составляют одно неразрывное целое. Московская Русь XVI века была не примитивнее по своим экономическим условиям, нежели любая европейская страна позднего средневековья»⁷⁷.

М. Н. Покровский разоблачал тенденциозность буржуазно-дворянской историографии; отмечал, что она сознательно умалчивает о фактах острой классовой борьбы. Выступая 3 мая 1923 г. перед слушателями Коммунистического университета, М. Н. Покровский в качестве примера такой тенденциозности называл работу А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории», в которой материал расположен и преподносится автором так, что создается совершенно неверное представление о развитии науки. М. Н. Покровский говорил: «В целях наибольшей объективности ни звука не сказано о том, что за человек был автор, в какой обстановке возникла книга, какая общественная среда окружала автора, какая борьба происходила в этой общественной среде... В результате, читая Лаппо-Данилевского, вы никогда не догадаетесь, что стержнем, пронизывающим весь марксизм, является классовая борьба... Этого самого стержня — классовой борьбы — вы не замечаете не только в марксизме, но и на всем протяжении исторической науки, которую излагает Лаппо-Данилевский»⁷⁸. И далее М. Н. Покровский заключает, что если буржуазия «встанет на точку зрения классовой борьбы, она должна будет принять и социалистическую революцию как ее завершение, т. е. подписать себе смертный приговор». Книге Лаппо-Данилевского он дал такую оценку: «На вид такая объективная, на самом деле является типичным образчиком классовой буржуазной публицистики в области истории»⁷⁹.

С. Ф. Платонова — автора книги «Борис Годунов» — М. Н. Покровский справедливо упрекал в совершенно сознательном замалчивании фактов классовой борьбы, характерной для русской истории XVI—XVII вв. «...Тому классу, к которому он принадлежит, — писал М. Н. Покровский, — индивидуалистическое объяснение исторических событий нужно сейчас больше, чем когда бы то ни

⁷⁷ Там же, стр. 27.

⁷⁸ М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, вып. I. М.—Л., 1933, стр. 11—12.

⁷⁹ Там же, стр. 12.

было. Для буржуазии признать, что историю делают не отдельные люди, а классы, теперь, когда восстание рабочего класса во всем мире есть факт, значит совершить классовое самоубийство...»⁸⁰ Единственной положительной стороной работы С. Ф. Платонова М. Н. Покровский считал наличие нового фактического материала.

Вскрывая классовую сущность буржуазной историографии, М. Н. Покровский показал ее методологическую несостоятельность и политическую тенденциозность. К этому же времени относится его выступление с критикой исторических взглядов Г. В. Плеханова, изложенных в «Истории русской общественной мысли» (т. I, 1914 г.). М. Н. Покровский отмечал, что Г. В. Плеханов писал этот труд тогда, «когда он уже перестал быть марксистом». Он упрекал Г. В. Плеханова в заимствовании буржуазной схемы, которая понадобилась Плеханову для того, чтобы обосновать мысль: «В России экономика давала лишь самый сырой, первичный материал в образе „натурально-хозяйственных отношений“. Все формы лепила из этого сырого теста политика. Та политика самодовлеющего значения, которой упорно не хотели понимать большевики». Плеханов, по словам М. Н. Покровского, стремился доказать, что был прав он и «кадеты», когда они советовали сначала обеспечить себе эту формально-политическую сторону, завоевать хорошую конституцию, а потом уже разговаривать о захвате власти. Действовать, как большевики,— значит, по Плеханову, «идти против течения всего русского исторического потока»⁸¹.

В обращении Г. В. Плеханова к теории закрепощения М. Н. Покровский видел отход от марксизма. Эта буржуазная схема, указывал М. Н. Покровский, понадобилась Плеханову для обоснования мысли об особенностях русского исторического процесса, которую он видел в том, что «наша борьба классов, чаще всего остававшаяся в скрытом состоянии, в течение очень долгого времени не только не колебалась существовавшего у нас политического порядка, а, напротив, чрезвычайно упрочивала его». М. Н. Покровский видел в этом утверждении отход

⁸⁰ М. Н. Покровский. Рецензия на книгу С. Ф. Платонова «Борис Годунов». — «Печать и революция», 1921, № 2, стр. 137, 139.

⁸¹ М. Н. Покровский. Г. В. Плеханов как историк России. — «Под знаменем марксизма», 1923, № 6—7, стр. 16—17.

Г. В. Плеханова от марксизма и связь исторических взглядов с его политической платформой тех лет ⁸².

Выступая с критикой исторической концепции Г. В. Плеханова, М. Н. Покровский, однако, допускал и серьезные ошибки. Особенно это проявилось в объяснении основ и истоков плехановской позиции тех лет: «Не испуг, а теория загнала Плеханова к оборонцам — теория, отражавшая интересы отнюдь не класса предпринимателей (которые в России и оборонцами стали далеко не сразу), а их образованных слуг, того слоя, который можно назвать технической интеллигенцией» ⁸³. В целом же критика М. Н. Покровским Плеханова была ценна своей направленностью против меньшевистской историографии, которая в те годы идеализировала Плеханова с целью борьбы против марксизма-ленинизма, пытаясь подменить ленинизм меньшевизмом.

В 1922 г. М. Н. Покровский выступил против Л. Троцкого и его антимарксистских объяснений истории России, изложенных в предисловии к книге «1905 год», где развиваются идеи о «примитивной экономической основе» русского государства и его внеклассовом характере ⁸⁴. «Схема эта, — писал он, — во-первых, не наша, а, во-вторых, объективно неверна». М. Н. Покровский назвал схему Троцкого идентичной той, которую развивал «Миллюков без помощи марксистской терминологии и Струве с помощью последней». Попытки Троцкого подменить марксизм-ленинизм троцкизмом вызвали решительный отпор со стороны советских историков. Этот вопрос был темой специального обсуждения в Научном обществе марксистов Петрограда и вызвал оживленные прения. Участники обсуждения отмечали, в частности, что М. Н. Покровский в своих выступлениях против Троцкого отстаивал ленинизм ⁸⁵. Позднее М. Н. Покровский неоднократно критиковал троцкизм. Его выступления в первые годы Советской власти с критикой основных концепций историко-юридической школы, меньшевиков и троцкистов способствовали разгрому враждебных марксизму теорий.

⁸² Там же, стр. 16.

⁸³ Там же, стр. 18.

⁸⁴ Статьи М. Н. Покровского опубликованы в «Правде» 5 и 13 июля 1922 г. и в журнале «Красная новь», 1922, № 3 (7).

⁸⁵ Архив АН СССР, ф. 238, оп. 1, д. 55, л. 47.

В борьбе марксизма с буржуазной идеологией важную роль играли выступления советских историков с критикой белоэмигрантской литературы, разоблачение ее тенденциозности, антимарксистской, антинародной направленности и полнейшей неспособности авторов этих «трудов» понять смысл и значение происходивших в России событий в силу их звериной ненависти к молодой Советской республике. В 1922 г. в Берлине вышла книга меньшевика Д. Далина «После войн и революций». Как справедливо отмечалось в рецензии Г. С. Фридлянда, при характеристике русской революции Далин выступает как ее ярый враг⁸⁶; он пытается доказать, что русская революция «с самого начала была и остается до самого конца буржуазной революцией» и в ней нет «ни грана» социализма. Клеветнические измышления Далина о большевиках дополняются такими рассуждениями, которые обнаруживают его непонимание закона перерастания революции буржуазной в социалистическую. Характеризуя мероприятия Советского правительства в области промышленности, сельского хозяйства, финансов, продовольствия, он грубо извращает факты советской действительности. «Даже Милюков, — писал Фридлянд, — в своей истории второй революции глубже анализирует ход событий в России, чем Далин». Концепция меньшевиков, как правильно отмечает Фридлянд, соткана из противоречий, враждебна марксизму и социализму, «в защиту» которых выступил ревизионист Далин⁸⁷.

На страницах советских журналов систематически публиковались отзывы на выходившую за границей белогвардейскую мемуарную литературу⁸⁸. Авторы рецензий отмечали основные черты этой «литературы» (тенденциозность, враждебность и отсутствие элементарной объективности в освещении и оценке хода русских событий). В то же время указывалось, что некоторые из этих

⁸⁶ Ц. Фридлянд. Идеологи буржуазной реставрации. — «Печать и революция», 1923, № 1.

⁸⁷ Там же, стр. 20.

⁸⁸ Н. Мещеряков. Рецензия на книгу Г. Н. Раковского «В стане белых. (От Орла до Новороссийска)». — «Печать и революция», 1921, № 1; он же. Рецензия на книгу Романа Гуля «Ледяной поход (с Корниловым)». — «Печать и революция», 1921, № 3; В. Полонский. Рецензия на т. I «Архива русской революции». — «Печать и революция», 1921, № 2; С. Пионтовский. Рецензия на книгу А. Суворина «Поход Корнилова». (Воспоминания участников), изд. 2. Ростов-на-Дону, 1919. — «Печать и революция», 1922, № 1 и др.

мемуаров представляют интерес для специалистов-историков, так как содержат большой фактический материал по истории русской контрреволюции, ее связей с международным капиталом и т. п.

Большое внимание уделяли советские историки разоблачению популярной в те годы среди белоэмигрантских кругов книги П. Милюкова о русской революции. «„История“ г. Милюкова— писал М. Н. Покровский,— есть не что иное, как продолжение, более „солидными“ средствами, той клеветнической кампании против октябрьских революционеров, которую начали еще с 1917 г. кадетские газеты...»⁸⁹ Он отмечал, что как историческое исследование книга Милюкова не представляет никакой ценности, ее документальная база крайне ограничена, основным источником являются буржуазные газеты, издававшиеся с агитационными целями. «Притом эта агитация и в свое время, и в книжке г. Милюкова была и остается агитацией недобросовестной, типичным образчиком контрреволюционной демагогии»⁹⁰. Книга Милюкова, писал М. Н. Покровский, искажает факты и историческую действительность, ее автор постоянно вступает в противоречие «с самим собой, с исторической истиной, с интересами своего класса и своей партии», она является ярким примером «непонимания революции 1917 г. одним из ее главных противников»⁹¹.

В рецензии на книгу другого белоэмигранта — А. А. Гольденвейзера — В. Кнорин отмечал, что автор выступает «как враг революции не только большевистской, русской, но и Великой французской революции, как враг всякого массового движения»; в его книге «чрезвычайно ярко выявилась психология, взгляды современного буржуазного интеллигента, который через ненависть к большевизму пришел к ненависти против минувших революций своего класса, который с трусливой злобой смотрит на все героические периоды истории»⁹².

В. Кнорин показал, что Гольденвейзера совершенно не интересуют революция, ее история, законы ее развития; он нападает на Октябрьскую революцию с такой же не-

⁸⁹ М. Покровский. Противоречия г-на Милюкова. М., 1922, стр. 5.

⁹⁰ Там же, стр. 35.

⁹¹ Там же, стр. 36.

⁹² В. Кнорин. Рецензия на книгу А. А. Гольденвейзера «Якобинцы и большевики». — «Печать и революция», 1923, № 3, стр. 190.

навистью реакционера, как это делал в свое время Тэн. «В своих напаках на Октябрьскую революцию русская буржуазия не придумала ничего нового, а повторила лишь клевету и вопли Тэна и идущих за ним „историков“ французской революции»⁹³.

Одним из существенных недостатков советской историографии начала 20-х годов было то, что историки-марксисты почти не занимались историей феодализма (исключение составляли некоторые труды М. Н. Покровского и М. С. Ольминского). А между тем именно на материале феодального периода истории России, развития государства, его внутренней и внешней политики историки старой школы строили свои идеалистические антимарксистские схемы и теории. Слабо изучались в те годы наследие буржуазно-дворянской историографии, накопленный ею фактический материал по истории русского феодализма. История феодализма долгое время оставалась монополией историков-идеалистов, где немарксистские взгляды и концепции сохранялись значительно дольше, чем в других областях русской историографии.

Борьба советских историков в начале 20-х годов с реакционными буржуазными, меньшевистско-эсеровскими и ревизионистскими теориями общественного развития была необходимым условием становления марксистской советской историографии. Удар, нанесенный в те годы враждебной историографии, расчищал пути для развития советской науки и утверждения марксистско-ленинской исторической концепции.

В конце 1922 г. журнал «Под знаменем марксизма» писал по поводу созыва Всемирного конгресса историков: «Каково сейчас господствующее направление исторической мысли в Советской России? — марксистское, материалистическое. Резоннее всего было бы, если бы Россия была представлена на этом конгрессе марксистами: они были бы на этом конгрессе белыми воронами — нужды нет, зато конгресс увидел бы подлинную сегодняшнюю Россию»⁹⁴.

В результате ожесточенной идейной борьбы к концу изучаемого периода (1923 г.) были достигнуты существенные успехи на идеологическом фронте. Это выразилось

⁹³ «Печать и революция», 1923, № 3, стр. 190.

⁹⁴ «Под знаменем марксизма», 1922, № 11—12, стр. 244.

прежде всего в распространении марксистской идеологии, в усилении ее позиций в общественных науках, в частности, в русской истории.

Проблема использования буржуазных кадров науки и техники занимала, как известно, важное место в ленинском плане построения социализма. Разрабатывая пути и средства создания нового общества, В. И. Ленин постоянно указывал на необходимость взять из буржуазной культуры все самое лучшее, что в ней есть, все ее достижения, ее специалистов для построения нового общества, новой, социалистической культуры.

В работе «О диктатуре пролетариата», написанной в 1919 г., В. И. Ленин в числе форм классовой борьбы называл: «„Использование“ буржуазии.

„Спецы“. Не только подавление сопротивления, не только „нейтрализация“, но взятие на работу, принуждение служить пролетариату»⁹⁵.

Противоречивое и двойственное положение ученого в буржуазном обществе определяет его поведение в период рождения нового общественного строя.

С одной стороны, капиталистическое общество создает ученому условия для работы (другой вопрос — какие?), потребляет его научную продукцию, результаты его творческой деятельности и высоко платит ему за труд. Именно эта высоко оплачиваемая часть ученого мира особенно верно служит буржуазному строю, защищая и вооружая его идеологически против народа и прогрессивных оппозиционных сил. С другой стороны, ученый продает плоды своего труда господствующему классу; если его занятия идут вразрез с интересами буржуазного государства, ученого лишают всего, даже самого необходимого, подвергают гонениям и наказанию. Так было с известными историками общественного движения В. И. Семевским, В. Я. Богучарским, М. К. Лемке и другими, кто пытался заниматься проблемами опасными и ненужными с точки зрения господствующего класса.

Эта особенность является источником существования различных политических настроений, группировок и течений среди буржуазной интеллигенции в революционный

⁹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 264.

период, определяет поведение ученого при решении им вопроса о признании пролетарского государства. Этим объясняются подчас диаметрально противоположные настроения представителей одной и той же академической среды.

Так, в Российской Академии наук определенная часть ученых проявила крайне враждебное революции и народу отношение, связав свою судьбу и свои надежды с контрреволюцией, интервенцией и эмиграцией (Кизеветтер, Платонов и др.).

Другая, левая группа ученых доброжелательно встретила победу новой власти, стала сотрудничать с Советским государством, хотя и не вполне понимала еще смысла и значения происходивших в России событий. Это относится, в частности, к большинству русских востоковедов, работавших в Академии наук. Тяжелое положение востоковедения в дореволюционной России, безуспешная борьба лучших представителей буржуазной науки за улучшение условий творческой деятельности (В. В. Бартольда и др.), равнодушное отношение правительства и царских чиновников к судьбам отечественной науки — все это заставило ученых обратить взоры в сторону нового общественного строя с надеждой, что положение науки изменится. Их ожидания очень скоро оправдались. Однако самой значительной тогда была группа колеблющихся, занявших нейтральную, выжидательную позицию.

В этой обстановке основное направление борьбы Советской власти, естественно, должно было пойти по линии привлечения доброжелательно настроенных, изоляции реакционной части и борьбы за колеблющуюся часть ученых, за их привлечение и использование в культурном строительстве. И здесь большую помощь Советской власти оказывала передовая интеллигенция, которая в тех условиях становилась проводником влияния Советского государства на ученых.

Октябрьская социалистическая революция способствовала дальнейшему размежеванию в академическом лагере, обострению борьбы между различными группами ученых. Основным вопросом в спорах между учеными стало отношение к Октябрьской революции и Советской власти. Революционная действительность требовала прямого и ясного ответа на поставленный перед русской интеллигенцией вопрос, с кем она: с народом — значит с

Советской властью и революцией, против народа — значит с буржуазией, контрреволюцией и интервентами.

В обращении народного комиссара А. В. Луначарского «Ко всем учащим», опубликованном 15 ноября 1917 г., содержался страстный призыв к сотрудничеству с народом: «Идите к нему на помощь. Он полон сил, он окружен бедою. Слава тем, кто в тяжелый час испытания огнем окажется с народом, каков он есть»⁹⁶. Разоблачая тех, кто выступил против революции и отказался работать с Советской властью, А. В. Луначарский напоминал: «В течение десятилетий лучшая часть русской интеллигенции служила народу и гордилась этим служением. Особенно важной задачей она считала дело просвещения, дело пробуждения сознания народных масс... от пробудившихся масс они ждали творчества, коренной самостоятельности, создания нового общественного, морального и художественного мира... Народ зовет вас работать вместе...»⁹⁷ Призыв к сотрудничеству буржуазные ученые встретили по-разному, что проявилось в острой борьбе, развернувшейся в академической среде в конце 1917 — начале 1918 г.

Задачу организации строительства новых форм жизни совместно со старой интеллигенцией в первые годы после революции приходилось решать в исключительно трудной обстановке. Экономическая разруха, голод, недостаток топлива и электроэнергии — все это ставило на первое место вопрос о сохранении сил старой интеллигенции, материальное положение которой в то время заметно ухудшилось. Враги Советской власти в России и за ее пределами не раз пытались спекулировать на трудностях, чтобы обвинить государство рабочих и крестьян в неспособности обеспечить нормальные условия для работников умственного труда, в «преждевременной гибели» отдельных представителей интеллигенции. Тяжелое материальное положение нередко вызывало чувство раздражения и злобы у отдельных представителей старой интеллигенции, что мешало им объективно подойти к оценке событий и понять подлинные причины трудностей, которые переживала страна. А это, в свою очередь, влияло на их отношение к новой власти.

⁹⁶ СУ, 1917. № 5, приложение 1.

⁹⁷ Там же.

Советское правительство, Коммунистическая партия, В. И. Ленин уделяли большое внимание вопросам науки, обеспечению нормальной работы научных учреждений. Борьба за сохранение старых кадров стала по существу борьбой за их привлечение на сторону Советской власти, за их использование в социалистическом строительстве. Несмотря на тяжелые условия 1918—1920 гг., профессорско-преподавательскому составу университетов и других высших учебных заведений, сотрудникам Академии наук были сохранены высокие ставки; особенно нуждавшимся государство выдавало пособия, ссуды и другие виды денежной помощи; помогало семьям умерших ученых⁹⁸. В конце 1919 г. было принято решение об организации Комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ), которая сыграла большую роль в привлечении ученых на сторону Советской власти⁹⁹. В одной из своих речей академик С. Ф. Ольденбург говорил, что «переломным моментом для жизни ученых после революции был 1920 год, март 1920 года, когда Владимир Ильич предписал создание Комитета по улучшению быта ученых»¹⁰⁰. Ученые поняли, что нужны рабоче-крестьянскому государству, их знания могут быть полезны для воспитания молодежи, для подготовки кадров специалистов. Комиссия должна была провести систему мероприятий по улучшению положения ученых, чтобы обеспечить им возможность спокойной и успешной работы. Особое внимание было обращено на улучшение питания, жилищных условий, лечение и отдых ученых. В связи с тяжелым продовольственным положением и введением карточной системы весь профессорско-преподавательский состав был зачислен в первую категорию. По решению Наркомпроса часть ученых получила усиленные пайки (красноармейские, академические, ученые)¹⁰¹. Советское государство отпустило значительные суммы в распоряжение КУБУ. Комиссия снабжала ученых дровами, одеждой, обувью. Квартиры ученых освобождались от уплотнения, библиотеки — от реквизиции¹⁰².

⁹⁸ ГАОРСС ЛО, ф. 2995, оп. 2, д. 12, л. 2.

⁹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 2306, оп. 19, д. 113, л. 131.

¹⁰⁰ Цит. по кн.: А. В. Луначарский. Десять лет культурного строительства в стране рабочих и крестьян. М.—Л., 1927, стр. 94.

¹⁰¹ Архив АН СССР, ф. 133, оп. 1, д. 1058, л. 3; Архив МГУ, ф. 16, оп. 4, 4«л», дд. 2, 957; ГАОРСС ЛО, ф. 2555, оп. 1, д. 37, лл. 78—81.

¹⁰² ЦГАОР СССР, ф. 2306, оп. 19, д. 174, л. 131; ГАОРСС ЛО, ф. 2995, оп. 1, лл. 4, 7, 64, 67.

В 1920 г. в Петрограде, а в 1922 г. в Москве были созданы Дома ученых, которые проводили большую работу по объединению и сплочению старой интеллигенции. В Петроградском Доме ученых читались лекции, доклады, устраивались концерты, диспуты, работала большая читальня новинок литературы. Для членов Дома ученых были организованы общежитие, дом отдыха, амбулатория и санаторий. При самом Доме ученых функционировала столовая на 2000 человек. Общежитие для ученых, приезжающих в научные командировки, было открыто и в Москве; в годы гражданской войны начали работать несколько санаториев¹⁰³. Таким образом, принятие и проведение в жизнь ряда декретов СНК и Наркомпроса в начале 20-х годов значительно улучшили положение ученых¹⁰⁴.

Октябрьская социалистическая революция открыла новую эпоху не только в экономическом, политическом, но и в культурном развитии нашей страны. В первые же годы после революции развернулась очень большая созидательная работа во всех областях культурного строительства. Ликвидация неграмотности, создание новых университетов, научно-исследовательских институтов, школ, клубов, изб-читален, библиотечное, музейное и архивное строительство, работа по сохранению и реставрации памятников искусства и старины — такова многогранная деятельность Советского государства в области культурного строительства¹⁰⁵. Эта деятельность привлекала на сторону Советской власти всех ученых, даже из числа тех, которые сомневались ранее в способности социалистического строя обеспечить развитие исторической науки. Советское государство прилагало громадные усилия, чтобы создать условия для научно-исследовательской работы. В распоряжение ученых предоставлялись архивы и библиотеки.

Старые кадры историков начинали постепенно убеждаться в прочности советского строя, в его способности обеспечить расцвет науки и культуры. От недоверия и

¹⁰³ «Наука и ее работники», 1921, № 2, стр. 3—10; «Дом ученых» (1922—1947). М.—Л., 1948, стр. 3, 30—31; ЦГАОР СССР, ф. 2306, оп. 19, д. 173, лл. 1—2; д. 170, л. 14; Архив АН СССР, ф. 133, оп. 1, д. 1058, л. 4.

¹⁰⁴ СУ, 1922, № 1, ст. 5; № 42, ст. 493, 498 и др.

¹⁰⁶ Подробнее об этом см. в кн.: *И. С. Смирнов. Ленин и советская культура*. М., 1960.

враждебности они переходили к сотрудничеству с Советской властью.

В. И. Ленин не раз указывал, что нужно подходить к специалистам науки и техники «чрезвычайно осторожно и умело, учась у них и помогая им расширять свой кругозор, исходя из завоеваний и данных соответственной науки, памятуя, что инженер придет к признанию коммунизма не так, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, а через данные своей науки, что по-своему придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т. д.»¹⁰⁶ Это замечание В. И. Ленина помогает понять сложный процесс перехода старой интеллигенции на сторону пролетариата и признание его идеологии. В. И. Ленин предвидел неизбежность поворота лучшей, наиболее честной части старой интеллигенции, подчеркивая всю его сложность и продолжительность.

Чуткое и внимательное отношение партии, Советского правительства и лично В. И. Ленина к нуждам и запросам ученых явилось решающим фактором в изменении отношения большей части ученых к пролетарской власти. Однажды при встрече с В. И. Лениным В. И. Срезневский жаловался, что в библиотеку Академии наук нерегулярно поступают выходящие листки, газеты, журналы, книги. «Владимир Ильич,— рассказывает В. Д. Бонч-Бруевич,— сейчас же по телефону дал указание Главлиту немедленно организовать это дело». Народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому «Владимир Ильич предложил выработать декрет Об обязательном экземпляре для библиотек, что и было в скором времени сделано»¹⁰⁷.

Использование лучшей части историков старой школы, перестройка их преподавательской и научно-исследовательской работы были одним из путей создания кадров советской исторической науки. В становлении советской исторической науки важную роль сыграли ученые старой школы, работавшие в Академии наук, в университетах, архивах и других организациях. Их привлечение к участию в строительстве новой культуры началось с первых дней существования пролетарского государства. Изданием

¹⁰⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 346.

¹⁰⁷ В. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин в Петрограде и в Москве (1917—1920). М., 1956, стр. 32.

декрета 1 июня 1918 г. за подписью В. И. Ленина «О централизации и организации архивного дела» было положено начало громадной созидательной деятельности в этой области¹⁰⁸. Именно здесь, на этом участке культурного строительства особенно пригодились знания и богатый опыт старых кадров историков. По предложению Наркомпроса к работе были привлечены Б. Д. Греков, А. Е. Пресняков, В. И. Пичета, А. И. Яковлев и другие историки. Они принесли большую пользу в архивном деле, их усилиями и помощью были спасены от гибели ценнейшие исторические документы; архивы пополнились новыми материалами¹⁰⁹. Особенно пригодились опыт и знания старых специалистов по источниковедению и археографии. В начале 20-х годов вышли в свет публикации, в подготовке которых участвовали В. И. Пичета, С. Б. Веселовский, А. И. Яковлев, А. А. Шилов и др.¹¹⁰ В Археографической комиссии по подготовке к изданию документов по русской истории участвовали: А. Е. Пресняков, Н. П. Лихачев, Б. Д. Греков, В. Г. Дружинин, Н. С. Смирнов и другие ученые.

В связи с развернувшимся архивным строительством встал вопрос о создании квалифицированных кадров архивных работников. Главное архивное управление организовало в 1918 г. специальные курсы. В Петрограде на этих курсах были прочитаны лекции по теории, истории и практике архивного дела, по дипломатике государственных и частных актов, по истории русских центральных и местных учреждений. Их читали историки: Е. В. Тарле, О. А. Добиаш-Рождественская, И. И. Любименко, В. В. Бартольд; архивисты: И. Л. Маяковский, Г. А. Князев и др. Проводились практические занятия по изучению архивных дел и документов. На московских архивных курсах кроме лекций по архивному делу, дипломатике и палеографии были прочитаны лекции по русской и западноевропейской археографии, метрологии, нумизматике, исторической географии (А. Н. Савин, Ю. В. Готье,

¹⁰⁸ СУ, 1918, № 40, ст. 514.

¹⁰⁹ Архив АН СССР, ф. 133, оп. 1а, д. 30, лл. 34, 38, 104, 109, 111—114, 118—120; д. 31, лл. 6, 32; оп. 1, д. 1062, л. 3.

¹¹⁰ «Крестьянское движение 1902 г.» М., 1923; «Герман Александрович Лопатин. 1845—1918» (Сборник документов, статей, писем). М., 1922, М. И. Михайлов. Записки. 1861—1863 гг. М., 1922 и др.

С. Б. Веселовский, А. И. Яковлев, Е. А. Косминский, А. И. Соболевский и др.)¹¹¹

Разрыв, существовавший до революции между официальной, академической наукой и жизнью страны и народа, остро чувствовали прогрессивные ученые России. Они неоднократно пытались организовать в тех или иных формах просвещение масс (народные университеты, курсы, общедоступные чтения, издание научно-популярной литературы), популяризацию научных знаний; однако возможности были ограничены условиями буржуазно-помещичьего строя, материальными средствами и царской цензурой. Октябрьская революция не только открыла все пути передачи массам накопленных наукой знаний, но и создала необходимые для этого условия. В мае — июле 1918 г. Петроградский университет организовал общедоступные научные курсы, в работе которых приняли участие и историки старой школы. А. Е. Пресняков читал лекции по истории русского государства, С. В. Рождественский — по истории народного просвещения, И. М. Гревс, В. В. Струве, О. А. Добиаш-Рождественская — по всеобщей истории¹¹². 22 ноября коллегия Комиссариата народного просвещения, обсудив вопрос о создании просветительных организаций при высших учебных заведениях, приняла решение, в котором говорилось: «Необходимость „Просветительной ассоциации“ коллегией не отвергается. Высшие учебные заведения имеют право устраивать в своих стенах отдельные лекции и курсы, но комиссариат, финансируя их, должен быть осведомлен о темах предполагаемых лекций и о составе лекторов. Списки лекций должны быть представлены в комиссариат: популярных — через внешкольный отдел, списки лекций, рассчитанных на более подготовленных слушателей, — через отдел ученых учреждений и высших учебных заведений»¹¹³. Советское государство, поддерживая организацию культурно-просветительных мероприятий, вместе с тем ставило под контроль деятельность старых кадров. Профессора и преподаватели Петроградского университета включались в работу лекторской группы Дома ученых; историки А. И. Заозерский, А. М. Кулишер, П. А. Садиков,

¹¹¹ «Русский исторический журнал», 1918, № 5, стр. 219—220.

¹¹² Архив ЛГУ, дела Совета, 1918 г., св. 7, д. 43, лл. 14, 26, 28, 41—42.

¹¹³ ГАОРСС ЛО, ф. 2551, оп. 1, д. 4, л. 53.

Б. А. Романов, С. В. Рождественский выезжали читать лекции в Лугу, Вологду, Витебск, Ярославль¹¹⁴. Культурно-просветительная ассоциация была создана при Казанском университете; в ее работе участвовали профессора и преподаватели¹¹⁵.

Группа историков помогала организации музейного дела в стране. Профессор Казанского университета Н. Н. Фирсов участвовал в создании Музея революции в Казани, П. Е. Щеголев, М. К. Лемке, В. И. Срезневский — в Петрограде. Для консультации по различным вопросам истории в Институт красной профессуры и научно-исследовательский институт в Петрограде приглашали П. И. Лященко, Е. В. Тарле и др.¹¹⁶

Большую роль сыграли историки старой школы в подготовке молодых специалистов. В Московском университете в первые годы после революции преподавали: М. М. Богословский, Ю. В. Готье, Д. М. Петрушевский, В. И. Пичета, А. Н. Савин; в Петроградском — С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков; в Казанском — Н. Н. Фирсов, В. И. Огородников, П. Г. Архангельский и др. У них в те годы учились: Н. М. Дружинин, М. Н. Тихомиров, М. В. Нечкина, В. К. Яцунский, С. Д. Сказкин, Б. А. Романов, П. А. Садиков, ставшие впоследствии крупнейшими советскими учеными. Профессор В. И. Пичета участвовал в организации Белорусского государственного университета и был его первым ректором; в 1921—1922 гг. он читал там курсы «Истории русской культуры», «Истории евреев Литвы и Польши», «Истории хозяйства Белоруссии»¹¹⁷. В созданном в 1918 г. Иркутском университете русскую историю преподавал профессор В. И. Огородников¹¹⁸. В Саратовском университете после революции работали петроградские историки С. Н. Чернов и П. Г. Любомиров.

¹¹⁴ «Наука и ее работники», 1921, № 2, стр. 5—6; ГАОРСС ЛО, ф. 2995, оп. 1, д. 67, лл. 191—192.

¹¹⁵ «История Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина», стр. 97.

¹¹⁶ Государственный исторический музей. Отдел письменных источников. ф. 449, д. 39, л. 31; ЦГАОР СССР, ф. 5284, оп. 1, д. 92, л. 62; Архив АН СССР, ф. 233, оп. 1, д. 17, л. 3.

¹¹⁷ «Белорусский государственный университет за 1921—1922 гг.» Минск, 1922, стр. 5—6, стр. 14—15.

¹¹⁸ «Иркутский государственный университет в 1918—1921 гг.» Иркутск, 1921, стр. 22—23, 29.

Еще до революции известный литературовед и историк М. К. Лемке начал издание полного собрания сочинений А. И. Герцена, но в 1916 г. оно было прекращено. После революции М. К. Лемке обратился в Совет Народных Комиссаров с предложением возобновить эту работу. Предложение было принято, и в 1919 г. вышел очередной IX том. В одном из писем М. К. Лемке (сентябрь 1918 г.) имеется упоминание о его встрече с В. И. Лениным. Он пишет, что докладывал о своей работе В. Менжинскому, И. Гуковскому и «председателю СНК Ленину, благодарившему меня за мою деятельность вообще»¹¹⁹. К сожалению, до нас не дошло более подробное изложение разговора В. И. Ленина с М. К. Лемке. Однако есть все основания предполагать, что речь шла о деятельности Лемке как историка общественного движения и издателя сочинений А. И. Герцена, за что, вероятно, В. И. Ленин и благодарил его.

М. К. Лемке был типичным представителем той части старой интеллигенции, которая без колебаний приняла Советскую власть и предложила ей свои знания и опыт. В 1920—1921 гг. он был членом редколлегии первого критико-библиографического журнала «Книга и революция», активным участником Петроградского общества по изучению истории революционного и освободительного движения в России.

Следует отметить, что в осуществлении ленинских указаний о привлечении и использовании старых кадров ученых нередко допускались серьезные ошибки. Это выражалось, с одной стороны, в недостаточно гибком и порой нечутком отношении к старым кадрам, с другой — в слабом контроле за их деятельностью. 17 апреля 1921 г. В. И. Ленин писал в Наркомпрос: «Луначарский и Покровский не умеют «ловить» своих спецов и, сердясь на себя, срывают сердце на всех зря. В этом ошибка Покровского»¹²⁰. И все же, несмотря на трудности и новизну этого дела, в первые годы Советской власти были достигнуты значительные успехи по привлечению и использованию старых кадров историков.

¹¹⁹ Архив Института русской литературы, ф. 661 (М. К. Лемке), д. 37, л. 6.

¹²⁰ «Ленинский сборник», т. XXXIV, стр. 406.

—

Важнейшими центрами буржуазной исторической науки накануне революции были Академия наук (ее историко-филологическое отделение, учреждения и комиссии), историко-филологические факультеты университетов и существовавшие при них научные общества, Археографическая комиссия при министерстве народного просвещения, исторические музеи, краеведческие общества, архивы. Такие научные центры, как Академия наук, Археографическая комиссия, занимались только научно-исследовательской работой, изучая различные проблемы отечественной и всеобщей истории; их сотрудники готовили публикации исторических документов, словари, указатели и т. п. Специалистов по истории и археологии готовили главным образом на историко-филологических факультетах университетов. И хотя в старых научных центрах работали опытные профессиональные кадры, они не смогли приступить к решению новых задач, поставленных перед исторической наукой Октябрьской революцией и развернувшимся социалистическим строительством.

Перед Советским государством встали задачи создания новых научных центров и коренной реорганизации старых, с сохранением всего лучшего и полезного, что было накоплено буржуазной наукой, и решительной ликвидацией всего отжившего, что тормозило развитие науки. Эти задачи приходилось решать в условиях острой идеологической борьбы. На историко-филологических факультетах крупнейших университетов страны работали высококвалифицированные научные и педагогические кадры. Однако вся система преподавания общественных наук до революции строилась с расчетом на подготовку интеллигенции, верно служащей буржуазно-помещичьему строю, далекой от народа и его жизни, враждебной революционно-демократическому движению. Курсы по теории исторического процесса в Московском и Петроградском университетах читали типичные представители субъективного идеализма (А. С. Лаппо-Данилевский, Вен. М. Хвостов и др.). Специальные курсы и семинары проводились на основе буржуазных идеалистических теорий общественного развития. Социально-экономическая история разрабатывалась слабо, история классово-борьбы, революционного и общественного движения, история рабочего класса и крестьянства, народов всех национальностей, населявших

Россию, не изучалась совсем. В научно-исследовательской и преподавательской работе большое внимание уделялось истории религии, реакционной идеалистической философии и ее истории¹²¹. Естественно, что такая система преподавания общественных наук была неприемлема для нового строя.

С победой социалистической революции закономерно встал вопрос о коренном изменении всей системы подготовки кадров вплоть до порядка и условий приема в высшие учебные заведения. Советская власть и Коммунистическая партия поставили задачу превращения высшей школы и прежде всего университетов в центры формирования новой, социалистической культуры, сближения науки с жизнью и интересами народа, строящего социалистическое общество. Началась решительная перестройка преподавания общественных наук на основе марксистской теории.

Первые мероприятия Советской власти по демократизации высшей школы были направлены на изменение состава учащихся. Ленинские декреты «О приеме в высшие учебные заведения РСФСР»¹²², об увеличении числа вакансий и о приеме в первую очередь лиц из среды пролетариата и крестьянства положили начало ликвидации сословного образования. Отмена вступительных экзаменов и платы за обучение, проведение занятий не только днем, но и в вечерние часы, стипендии для нуждающихся, организация рабочих факультетов — все это было рассчитано на то, чтобы создать самые благоприятные условия для учебы нового, пролетарского студенчества¹²³. Ликвидация ученых степеней и званий и связанных с ними прав и преимуществ способствовали изменению профессорско-преподавательского состава высшей школы, ее демократизации¹²⁴. Громадное значение для перестройки высшего образования имело «Положение о высших учебных заведениях», опубликованное в 1921 г. за подписью председателя СНК В. И. Ленина. Оно определило задачи высшей школы в области учебной, научной и общественно-политической работы, ее структуру и прин-

¹²¹ «Отчет о состоянии и действиях Московского университета за 1915 год», ч. I. М., 1916, стр. 204, 213.

¹²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 34.

¹²³ СУ, 1918, № 57, ст. 632; 1919, № 45, ст. 443; 1920, № 80, ст. 381.

¹²⁴ СУ, 1920, № 82, ст. 396.

ципы организации. Впервые за всю историю высшей школы России она должна была кроме подготовки специалистов **«распространять научные знания среди широких пролетарских и крестьянских масс, интересы которых во всей деятельности высшего учебного заведения должны стоять на первом плане»**¹²⁵.

Самой сложной проблемой в создании новой высшей школы была перестройка содержания преподавания, его теоретических и методических основ. В Тезисах о преобразовании высшей школы, которые бурно обсуждались на июльском совещании в 1918 г. в Москве, один из пунктов предусматривал создание факультетов общественных наук. Перед этими факультетами ставились задачи: разработка и распространение идей научного социализма, применение марксистского метода во всех областях общественных наук, преобразование учебных планов, особенно юридического и историко-филологического факультетов, в связи с новыми задачами и перспективами развития науки и просвещения¹²⁶.

В 1918—1919 гг. в университетах с открытием новых кафедр по социологии и истории социализма началась перестройка преподавания исторических дисциплин. Однако коренные изменения в этой области были связаны все же с образованием факультетов общественных наук (ФОН). 3 марта 1919 г. Наркомпрос утвердил положение о факультетах общественных наук¹²⁷. Они должны были готовить специалистов по гуманитарным наукам, в том числе и историков. Первые два года студенты изучали цикл общих предметов: с третьего курса начиналась специализация по трем отделениям, включая и историческое¹²⁸. 4 апреля 1919 г. Государственный ученый совет утвердил общие кафедры новых факультетов: социологии, истории научной мысли, истории техники. На историческом отделении создавались кафедры: истории древнего Востока, истории античного мира, истории новых европейских обществ, новейшей истории Европы и вне-европейских стран, истории русской революции, истории

¹²⁵ СУ, 1921, № 63, ст. 486.

¹²⁶ Ф. Ф. Королев. Великая Октябрьская социалистическая революция и высшая школа. 1917—1920. — «Советская педагогика». 1957, № 11, стр. 78.

¹²⁷ «Сборник декретов и постановлений рабоче-крестьянского правительства по народному образованию», вып. II. М., 1921. стр. 16.

¹²⁸ Там же.

религии, археологии и материальной культуры, антропогеографии¹²⁹. Тогда же Наркомпрос выработал проект новых программ для исторических отделений ФОН. В соответствии с ними должно было строиться преподавание исторических дисциплин уже в 1919/20 учебном году. Вскоре в Наркомпрос были представлены на утверждение проекты учебного плана на 1919/20 учебный год по всем отделениям ФОН. В него вошли такие предметы, как теория и история народного хозяйства, государственный строй РСФСР, история социализма, теория социалистического хозяйства, история социалистических и политических учений, Маркс и марксизм, история труда и рабочего класса, формы рабочего движения, общественное хозяйство РСФСР¹³⁰. Так были открыты новые кафедры, введены новые лекционные курсы и семинары, которых не знала дореволюционная высшая школа. С организацией факультетов общественных наук в университетах страны впервые за всю историю их существования появились преподаватели-марксисты: в Московском университете — И. И. Скворцов-Степанов, В. П. Волгин, М. Н. Покровский, А. Д. Удадьцов; в Казанском университете в 1919 г. по рекомендации В. И. Ленина лекции по истории социализма читал В. В. Адоратский¹³¹.

Перестройка высшей школы проходила медленнее, чем в других областях культурного строительства. И между тем путь постепенного реформирования был самым верным по отношению к высшим учебным заведениям и научным учреждениям. В своих воспоминаниях М. Н. Покровский рассказывает, что Владимир Ильич неоднократно повторял работникам Наркомпроса: «Ломайте меньше»; он предостерегал их от чрезмерного увлечения ломкой старой школы¹³². Перестройка системы преподавания общественных наук в университетах проходила не одновременно и не везде одинаково успешно. Раньше всего она стала проводиться в Московском университете, где была значительная группа преподавателей-

¹²⁹ Архив ЛГУ, дела Совета, 1919 г., д. 40, лл. 2—3.

¹³⁰ Там же, д. 49, лл. 8—9; Архив МГУ, ф. 16, оп. 1, 1 «л», д. 8, лл. 4—5.

¹³¹ «История Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина», стр. 102; Архив МГУ, ф. 16, оп. 1, 1 «л», д. 2—3.

¹³² М. Н. Покровский. Воспоминания о Ленине. М., 1933, стр. 18—21.

марксистов, в других же университетах страны перестройка началась только с 1920—1921 гг.¹³³

В 1920 г. был принят декрет СНК, в котором говорилось: «Ввиду крайней устарелости учебных планов, программ и методов преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР, а также совершенной неприспособленности этого преподавания к основным потребностям советского строительства, Совет Народных комиссаров постановил образовать при Народном комиссариате по просвещению комиссию... для коренного пересмотра преподавания общественных наук в высших школах Республики». В комиссию вошли В. А. Быстрянский, В. П. Волгин, Н. М. Лукин, Ю. Мархлевский, М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, В. М. Фриче и Ф. А. Ротштейн и др. Народный комиссариат просвещения обязан был предоставить в распоряжение комиссии все необходимые для ее работы материалы — учебные планы, программы, списки преподавателей по общественным наукам. Комиссия должна была не позднее 15 января 1921 г. представить на утверждение Совета Народных Комиссаров новые учебные планы преподавания общественных наук, детально разработанные программы основных теоретических курсов, а также списки лиц, намеченных для преподавания по новым программам¹³⁴.

4 марта 1921 г. за подписью В. И. Ленина был опубликован декрет СНК «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР». Минимум, который должен был читаться на всех отделениях всех высших учебных заведений, включал следующие предметы: «1) развитие общественных форм; 2) исторический материализм; 3) пролетарская революция (исторические предпосылки переворота, включая империализм, его формы и историю в связи с историей XIX—XX вв. вообще и рабочего движения в частности); 4) политический строй РСФСР; 5) организация производства и распределения в РСФСР; 6) план электрификации РСФСР, его экономические основы, экономическая география России, значение и условия

¹³³ «Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет», стр. 221—225.

¹³⁴ СУ, 1920, № 93, ст. 503.

осуществления плана»¹³⁵. Декретом СНК от 1 ноября 1922 г. перечень обязательных дисциплин был несколько расширен и конкретизирован. В него входили: «1) Исторический материализм (философия диалектического материализма, учение Маркса об историческом развитии). 2) Капитализм и пролетарская революция. (Характеристика капитализма. Противоречия капитализма. Борьба классов и капиталистическое общество. Империализм и крах капитализма. Пролетарская революция и диктатура. Социал-демократия и ее течения. Коммунизм). 3) Политический строй и социальные задачи РСФСР. (Октябрьский переворот и его причины. Конституция РСФСР. Внутренние отношения и международное положение РСФСР. Внутренние и международные задачи РСФСР)»¹³⁶.

Проведение в жизнь этих декретов СНК имело решающее значение не только для подготовки молодых специалистов. Изменялся соответственно и характер работы профессорско-преподавательского состава университетов, в том числе историков. Несмотря на ряд существенных недостатков, характерных для времени становления советской исторической науки, преподавательская работа историков-марксистов была исключительно плодотворна и важна для воспитания студентов. Она оказала большое влияние и на лучшую часть буржуазной профессуры, работавшей в университетах. С ликвидацией кафедры богословия сократились курсы по истории религии; больше внимания уделялось вопросам новой и новейшей истории; появились курсы и семинары по истории революционного движения в России XIX—XX вв., по истории рабочего класса¹³⁷. Разработка новой тематики курсов и семинарских занятий пробуждала интерес к новым, нужным для народа проблемам у лучших представителей буржуазной науки. Изучая экономическую историю, историю классовой борьбы и революционного движения, старые специалисты начинали овладевать теорией исторического материализма.

Значительные изменения произошли в те годы в подготовке высококвалифицированных кадров историков. Для получения профессорского звания в Московском университете были оставлены: Н. М. Дружинин, С. Д. Сказкин,

¹³⁵ СУ, 1921, № 19, ст. 119.

¹³⁶ СУ, 1922, № 75, ст. 929.

¹³⁷ Архив МГУ, ф. 16, оп. 1. 1 «л», д. 2, л. 51.

К. К. Зельин, В. М. Лавровский, В. К. Никольский, А. А. Сергеев, В. К. Яцунский, А. А. Сергеев, например, занимался тщательным изучением таких тем, как норманский вопрос в русской истории, «Русская правда», политический и социальный строй древнего Новгорода, земские соборы XVI—XVII вв., русский город XVII в., земская реформа Александра II и др. Н. М. Дружинин изучал следующие вопросы: Лаврентьевская летопись, «Русская правда», смутное время, крестьянский вопрос в редакционных комиссиях, восточный вопрос при Николае I и др.¹³⁸ Эти проблемы не выходили еще за пределы обычной для буржуазной исторической науки тематики, однако подход к ним был уже иной. В отчете о своих научных занятиях в университете Н. М. Дружинин в 1920 г. писал, что им был изучен ряд вопросов (помимо указанных выше) по истории революционного движения: Жакерия во Франции в XVI в., крестьянская война в Германии (1525 г.) и др.; что он изучал исторический материализм, о котором написал специальный доклад, изучал «Капитал», для чтения лекций в Костромском университете и на различных курсах изучил первоисточники и литературу по истории революционного движения.

Марксистская теория и методология, новые принципы подготовки специалистов по истории вытесняли буржуазную историографию с ее концепциями в преподавании исторических дисциплин. Этот процесс проходил в течение 20-х годов и завершился к середине 30-х годов утверждением новой системы преподавания, построенной на основе марксизма-ленинизма.

По-иному складывалась судьба Российской Академии наук. С ноября 1917 г. в ее стенах развернулась острая борьба по вопросу об отношении к Советской власти. 18 ноября на общем экстраординарном заседании, собравшемся с целью обсуждения происходивших в стране событий, полемика приняла такой острый характер, что ни один из предложенных вариантов резолюции не был принят. Избранная на этом заседании комиссия в составе академиков: А. А. Шахматова, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Ольденбурга, М. А. Дьяконова, М. И. Ростовцева и Н. С. Курнакова подготовила новый проект резолюции,

¹³⁸ Архив МГУ, дела Совета, 1917 г., оп. 1, д. 178; ф. 16, оп. 4, 4 «л» д. 624, лл. 18, 30—35; Н. М. Дружинин. Воспоминания и мысли историка. М., 1967, стр. 28—29.

который был принят на следующем собрании 21 ноября того же года. В нем осуждался захват политической власти пролетариатом, не признавалось Советское правительство, указывалось на необходимость настаивать на продолжении войны любыми средствами «во имя верности союзникам», выражалось полное доверие Учредительному собранию. Эта резолюция явилась фактически манифестом буржуазной профессуры, которая обращалась к другим научным учреждениям и высшим учебным заведениям страны с призывом выразить общий протест представителей буржуазной академической науки против Советской власти. В резолюции содержалась оговорка, что в случае присоединения к ней высших учебных заведений Петрограда «самый текст обращения уже более изменению не подлежит».

Однако если в первые дни после революции ученые Российской Академии наук и выступали против признания Советской власти, то с течением времени их общее настроение стало меняться. Уже 10 января 1918 г. на собрании Академии наук не встретила серьезного сочувствия и поддержки антисоветская резолюция по вопросу о текущем моменте, принятая Советом профессоров Харьковского университета 20 ноября 1917 г.¹³⁹

Успехи Советской власти переубеждали наиболее трезвых ученых и заставляли их переходить к деловому сотрудничеству с пролетарским государством. К январю 1918 г. относится начало установления контактов Академии наук с Наркомпросом. На заседании Государственной комиссии по просвещению 29 января того же года А. В. Луначарский сообщил, что академик С. Ф. Ольденбург от своего имени и от имени академиков согласился прийти на помощь Наркомпросу и ВСНХ¹⁴⁰.

С февраля 1918 г. взаимоотношения между Академией наук и органами государственной власти приняли устойчивый характер. Возобновилась деятельность научных учреждений и комиссий, стали проводиться в жизнь все указания и постановления Советского правительства, ученые постепенно включались в культурное строительство Советской республики.

В привлечении Академии наук на сторону Советской власти большую роль сыграло чуткое и внимательное от-

¹³⁹ Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1а, д. 164, лл. 288, 300; д. 165, лл. 13—14.

¹⁴⁰ Там же, д. 165, л. 16.

ношение руководителей Советского государства и прежде всего В. И. Ленина к ученым. С некоторыми из них Ленин был еще знаком до революции. Как известно, еще в 90-х годах XIX в. он обращался к С. Ф. Ольденбургу по поводу рукописных материалов своего старшего брата Александра, который занимался в университете под руководством Ольденбурга¹⁴¹. Хотя Российская Академия наук и не занималась проблемами революционной борьбы пролетариата, о чем уже говорилось выше, сотрудники рукописного отделения А. А. Шахматов и В. И. Срезневский в частном порядке нелегально собирали у себя материалы по истории общественного движения в России. Узнав об этом, В. И. Ленин из эмиграции просил большевистские комитеты отсылать в рукописное отделение Академии наук все печатные издания, чтобы таким образом могли сохраниться историко-партийные документы, К 1917 г. в Академии наук сложился значительный фонд нелегальной большевистской литературы. В. Д. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях рассказывает, что этот фонд «Владимир Ильич по приезду в Петроград лично сам осмотрел и остался им очень доволен»¹⁴².

Со многими академиками В. И. Ленин систематически встречался и позднее, уже после Октябрьской революции. Одним из первых академиков, официально посетивших В. И. Ленина как председателя СНК в 1918 г., был заведующий рукописным отделением Академии наук выдающийся русский языковед и историк А. А. Шахматов. В беседе с ним В. И. Ленин интересовался нуждами Академии наук, предлагал необходимую помощь. Ленин дал указание обеспечить библиотеку Академии наук рабочей силой, средствами перевозки, упаковочными материалами. В 1920 г. А. А. Шахматов приезжал из Петрограда в Москву с ходатайством о эвакуации академического имущества, в частности ценных рукописных коллекций, которые еще до революции в связи с наступлением немцев были вывезены в Саратов. Он был принят В. И. Лениным и вместе с ним обсуждал план перевозки из Саратова принадлежащих Академии наук материалов. В. И. Ленин принял личное участие в организации пере-

¹⁴¹ «Красная летопись», 1924, № 2, стр. 17—18.

¹⁴² В. Бонч-Бруевич. Об архивных фондах литературных деятелей.— «Архивное дело», 1939, № 2 (50), стр. 16; «Драгоценный груз». — «Известия», 13 апреля 1960 г.

возки рукописных коллекций, которые в начале 1921 г. были благополучно возвращены в Петроград, в Академию наук¹⁴³.

Советское правительство делало все возможное для обеспечения нормальной работы научных учреждений. Систематическое финансирование Академии наук, Археологической комиссии, университетов дало возможность продолжать научную работу в тяжелейших условиях гражданской войны и иностранной интервенции. Помимо запланированных сумм нередко отпускали сверхлимитный кредит. Государство обеспечивало научные учреждения топливом, электроэнергией. Особым постановлением Наркомпроса запрещалось занимать и использовать для других нужд помещения, находившиеся в ведении научных и учебных заведений. Кроме того, Академия и Археологическая комиссия получили дополнительные помещения для работы.

В 1918 г. в связи с тяжелым положением издательского дела в стране Академию волновал вопрос об ее типографии, состояние которой было весьма неопределенным. Распространялись слухи о предполагаемом закрытии типографии. В связи с этим А. В. Луначарский 1 апреля сообщил президенту Академии А. П. Карпинскому: «Прошу Вас довести до сведения Академии наук и служащих типографии, что все подобные слухи не имеют под собой никакой почвы и что типография Академии Российской республики, представляющая высокую ценность в отношении ее приспособленности к нуждам академических изданий, должна работать с такой производительностью, какая выдвигается потребностью работы Академии»¹⁴⁴. В сентябре 1920 г. 12-я типография (бывшая типография Академии наук) была зачислена в разряд предприятий, «имеющих особое государственное значение»¹⁴⁵. Тем самым делалось все возможное, чтобы создать необходимые условия для плодотворной работы ученых во всех областях знания.

26 ноября 1918 г. на запрос Академии от 30 октября 1918 г. о правописании в различных изданиях А. В. Луначарский отвечал, что при подготовке научных публикаций

¹⁴³ В. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин в Петербурге и в Москве (1917—1920). стр. 32

¹⁴⁴ Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1а, д. 165, л. 40.

¹⁴⁵ Там же, д. 168, л. 69.

«самой Академии надлежит каждый раз решать вопрос о правописании в каждом из этих изданий соответственно научной постановке дела, так как очень часто сохранение старинной орфографии обеспечивает документальность изданий и вызывается поэтому научными потребностями»¹⁴⁶. Подобные меры вызвали симпатии ученых, способствовали привлечению их к творческой работе. Члены Академии наук все больше стали вовлекаться не только в научную, но и в общественную деятельность. Они приняли активное участие в организации такого важного дела, как создание архивов, где больше всего нужны были опыт и знания крупнейших специалистов-историков; участвовали в работе Просветительной ассоциации Васильевского острова, выступали с популярными лекциями в Русском музее, Эрмитаже, включились в работу Совета по делам музеев и охране памятников искусства и старины, конференции по организации музеев и т. п.

Таким образом, в течение 1917—1920 гг. в деятельности Российской Академии наук произошли заметные сдвиги; Академия наук перешла к сотрудничеству с Советской властью; ученые становились активными участниками социалистического строительства.

Важнейшим недостатком в работе Академии этого периода являлось то, что ее научные изыскания по проблемам общественного развития были оторваны от практической деятельности Советского государства. Здесь сказались старые традиции академической школы. Потребности развития страны выдвигали перед исторической наукой новые задачи, а Академия продолжала заниматься теми проблемами и вопросами, которые она решала до революции. Эта черта наглядно проявилась, в частности, в той программе исследовательских работ, которая была изложена крупнейшими учеными в ответ на посещение Академии наук секретарем СНК Н. П. Горбуновым. Приехав в Академию 9 апреля 1918 г. по поручению В. И. Ленина, Н. П. Горбунов посетил непрямого секретаря и сообщил ему: «Совет Народных Комиссаров считает крайне желательным возможно широкое развитие научных предприятий Академии и приглашает Академию довести до сведения Совета об имеющихся предложениях экспедиций, предприятий и изданий

¹⁴⁶ «Известия Российской Академии наук», серия VI, 1919, № 1, стр. 2—5.

Академии с тем, чтобы им могло быть оказано скорейшее содействие». Н. П. Горбунов обещал «принять все меры к тому, чтобы пожелания Академии и других ученых учреждений получили скорейшее удовлетворение»¹⁴⁷. В ответ на предложение Советского правительства ученые историко-филологического отделения просили помочь им в осуществлении ряда мероприятий: академик В. В. Радлов просил о помощи одной из экспедиций Академии; А. С. Лаппо-Данилевский сообщал о необходимости принять меры к изданию за счет государства «Писем и бумаг Петра Великого», Н. Я. Марр просил о выдаче средств на экспедицию в Абхазию, В. В. Бартольд — о восстановлении периодического органа «Мусульманский мир» и т. п.¹⁴⁸ Характер изложенных учеными предложений говорил о том, что они в своей исследовательской и публикаторской работе еще далеки были от мысли подвергнуть каким-либо изменениям и пересмотру свои планы. Об этом свидетельствуют и другие мероприятия, проводившиеся в те годы в Академии наук. Это видно и из доклада академика А. С. Лаппо-Данилевского в январе — марте 1918 г. Академии наук о своей работе над проблемами методологии истории¹⁴⁹. 13 марта 1918 г. на заседании историко-филологического отделения была образована комиссия для продолжения изучения и издания проектов государственных преобразований и издания трудов графа М. М. Сперанского (председатель А. С. Лаппо-Данилевский) и принято решение о напечатании этой работы в «Памятниках русского законодательства»¹⁵⁰. В январе 1918 г. на заседании отделения заслушивалось, например, сообщение о том, как Б. Л. Модзалевский по поручению отделения разыскивал в архиве бывш. III отделения документы, связанные с делом об ожерелье королевы Марии Антуанетты¹⁵¹.

¹⁴⁷ Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1а, д. 165, л. 61.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ А. С. Лаппо-Данилевский сделал сообщения на темы: «Принципы и методы исторической науки», «Главнейшие направления в теории исторического знания», «Основные принципы исторического знания в важнейших его направлениях: «нотетическом и идеографическом». — «Известия Российской Академии наук», серия VI, 1918, № 5, стр. 239—260; № 6, стр. 445—474. По решению Академии эта работа была опубликована затем отдельным изданием.

¹⁵⁰ «Известия Российской Академии наук», серия VI, 1918, № 10, стр. 899; № 16, стр. 1735.

¹⁵¹ «Известия Российской Академии наук», серия VI, 1918, № 7, стр. 515—516.

Несколько отвлеченный характер носила работа Академии наук в области истории и в начале 20-х годов. Постоянная историческая комиссия готовила издания: «Записки Понятовского» (два тома), «Сборник грамот коллегии экономии», «Письма и бумаги Петра Великого», «Памятники русского законодательства». Русско-Византийская историко-словарная комиссия занималась изучением русско-византийских культурных и политических отношений и словарем Дюканжа¹⁵². Эти труды были ценны для изучения феодального периода русской истории. Однако в целом проблематика исследовательской работы оставалась узкой и односторонней. Совсем не разрабатывалась история XIX и тем более XX в. Авторы не касались таких важных проблем отечественной и всеобщей истории, как революционное движение и история революций, история пролетариата и народов, населяющих Россию, передовой общественной мысли и т. п.

В таком же плане развивалась деятельность Археографической комиссии, включенной в 1921 г. в состав Академии наук. Она продолжала осуществлять дореволюционную программу исследований. Особенно ценным изданием Археографической комиссии было «Полное собрание русских летописей». Ему предшествовала огромная подготовительная работа над различными текстами, комментариями и т. п. Высокий научный уровень публикации сделал ее необходимым и ценным источником для изучения истории России до настоящего времени. Эта деятельность комиссии получила поддержку Советского государства. На редакционном совещании Археографической комиссии, которое состоялось 10 декабря 1920 г., ученый секретарь В. Г. Дружинин сообщил собравшимся, что профессор М. Н. Покровский высказал пожелание, чтобы комиссия обратила основное внимание на продолжение подготовки «Полного собрания русских летописей», для которого издательство дает бумагу. В связи с этим предложением Археографическая комиссия наметила ряд новых публикаций серии и переиздание уже вышедших летописей¹⁵³.

¹⁵² «Отчет о деятельности Российской Академии наук за 1924 год». Л., 1925, стр. 194.

¹⁵³ «Летопись занятий Археографической комиссии за 1919—1922 гг.», вып. 32. Пг., 1923, стр. 38—39.

Помимо издательской работы члены Археографической комиссии принимали активное участие в работе по обследованию и спасению архивов. В 1917—1918 гг. член Археографической комиссии Б. Д. Греков был командирован для ознакомления с состоянием архива Соловецкого монастыря¹⁵⁴. М. Г. Курдюмов в 1920 г. обследовал Новозерский монастырь. В. А. Петров и П. А. Садиков были посланы комиссией для обследования и извлечения документального материала в архивах Антониева, Краснохолмского, Троицкого-Калязина монастырей¹⁵⁵.

В 1919 г. члены Археографической комиссии приняли активное участие в выработке «Правил издания документов Единого государственного архивного фонда», которые были приняты на совещании научно-издательского отдела Главного управления архивными делами 15 сентября 1919 г. Эти правила были далеки от совершенства, отражали недостатки буржуазного источниковедения и археологии: касались публикации документов, относящихся главным образом к X—XVII вв.; основное внимание обращалось не на содержание и характер происхождения источника, а на его внешние, формальные признаки (состояние текста, правописание и т. п.). Все же для того времени они имели положительное значение, так как вносили определенное единство в издание документов.

В 1918—1923 гг. комиссия издала четыре тома «Летописей занятий Археографической комиссии»¹⁵⁶, в которых помимо протоколов заседаний и ежегодных отчетов публиковались труды, подготовленные до революции¹⁵⁷.

Изучение деятельности крупнейшего научного центра страны в первые годы Советской власти показывает, что изменения, происходившие во всех областях политической и культурной жизни страны, не коснулись еще научной деятельности Академии наук и Археографической комиссии.

¹⁵⁴ «Летопись занятий Археографической комиссии за 1919—1922 гг.», вып. 32, стр. 50.

¹⁵⁵ Архив АН СССР, ф. 133, оп. 1а, д. 30, л. 34.

¹⁵⁶ Там же, дд. 29—31.

¹⁵⁷ А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства. — «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 30. Пг., 1920; М. Г. Курдюмов. Описание актов, хранящихся в архиве Археографической комиссии; В. Г. Дружинин. Поморские палеографы. — Там же, вып. 31. Пг., 1923; П. Г. Васенко. Две редакции первых шести глав Сказания Авраамия Палицына; А. И. Андреев. Краткая опись грамот, хранящихся в Рукописном отделе Российской публичной библиотеки. — Там же, вып. 32 и др.

Члены и сотрудники Академии наук были в большинстве своем людьми, воспитанными на традициях старой буржуазной науки, с давно сложившимся мировоззрением. Пересмотреть содержание своей исследовательской работы в области истории им было гораздо труднее, чем более молодым специалистам, связанным с преподаванием в вузах, которое всегда накладывает сильный отпечаток на научную деятельность историка. Поэтому изменений, которые наблюдались в те годы в научно-исследовательской и преподавательской работе специалистов высшей школы, в Академии наук пока еще не было. Они произошли значительно позднее и явились результатом большой работы, которую проводили Советское государство и Коммунистическая партия с первых лет революции по перестройке старой системы организации науки, ее структуры и важнейших направлений научных исследований.

Марксистская теория общественного развития еще до революции оказывала заметное влияние на представителей русской историографии. После Октябрьской революции ее воздействие становится более значительным. Стремление пока еще очень небольшой группы старых историков преодолеть буржуазную методологию, их поворот в сторону признания марксизма определялись рядом причин и прежде всего тем, что буржуазная историография переживала в этот период глубочайший идейный крах. В отходе части старых кадров от основных принципов дворянско-буржуазной историографии большую роль сыграли изменения, которые произошли в преподавании общественных дисциплин в 1919—1923 гг. Вместе с перестройкой преподавания общественных дисциплин в вузах и университетах страны началось постепенное перевоспитание старого профессорско-преподавательского состава. В «Воспоминаниях о Ленине» М. Н. Покровский рассказывает: «Я никогда не забуду маленького совещания в его кабинете, помнится именно в ноябре 1920 г., где Ленин развернул перед нами план, тогда испугавший нас своей смелостью и грандиозностью, а теперь осуществляющийся в порядке обыкновенной повседневной работы, — план переподготовки преподавательского состава высших школ. Всем преподавателям по общественным наукам должно

быть дано задание: изучить в кратчайший срок основы марксизма и впредь вести преподавание только по марксистским программам». В этой же беседе В. И. Ленин указал на пути перевоспитания старых специалистов. К сожалению, указание В. И. Ленина о переподготовке преподавательского состава высшей школы по вине руководителей Наркомпроса не сразу стало проводиться в жизнь. К осуществлению этого указания, писал в 1924 г. М. Н. Покровский, «мы подошли позже всего, и только недавно ввели обязательные экзамены по марксизму для лиц, претендующих занять кафедру в наших фонах. Ожидали больших затруднений — не встретили никаких»¹⁵⁸.

Упрочение Советской власти, распространение марксистской идеологии, совместная работа с историками-большевиками, успехи молодой советской исторической науки — все это не могло не повлиять на направление исследований ученых старой школы. Прежде всего это выражалось в появлении новой тематики курсов и семинарских занятий. Все больше внимания уделялось вопросам социально-экономической истории, революционному движению, новой и новейшей истории. Заметные перемены происходили в содержании лекционных курсов по русской истории. Так, в Петроградском университете в курсах по истории России с древнейших времен до XVII в. (читал А. И. Заозерский) и по истории XIX в. (читал А. Е. Пресняков)¹⁵⁹ больше внимания уделялось вопросам экономического развития страны: истории промышленности, сельского хозяйства, вопросам эволюции крестьянского хозяйства, положению крестьян, классовой борьбе; делались попытки связать историю государства, его внутреннюю и внешнюю политику с социально-экономическим развитием страны. В лекциях по русской историографии (читал С. В. Рождественский) значительное место отводилось вопросам марксистской историографии и современному положению науки. В этом разделе программы были следующие вопросы: «Материалистическое направление. Общие условия его образования и утверждения в русской историографии. Платонов, Покровский, Рожков и др. Пересмотр общей концепции русской истории. Постанов-

¹⁵⁸ М. Н. Покровский. Воспоминания о Ленине. М., 1933, стр. 20—22.

¹⁵⁹ ГАОРСС ЛО, ф. 2556, оп. 1, д. 318, лл. 112, 136. Программа 1923 г

ка специальных проблем в областях истории экономической, социально-политической, духовной. Общие итоги и перспективы русской историографии в настоящее время. Пересмотр внешних форм индивидуальной и коллективной научной работы, исследовательской и преподавательской работы»¹⁶⁰. И хотя эта программа имела ряд принципиальных недостатков (ничего не сказано о роли В. И. Ленина в развитии русской историографии, а С. Платонов неправильно оценивается как представитель материалистического направления и т. п.), тем не менее она интересна постановкой вопросов, которые раньше совершенно игнорировались буржуазными историками. В своем отчете о прочитанном в Академии теоретических знаний¹⁶¹ курсе истории культуры профессор Н. С. Гольдин писал: «Ввиду отсутствия у большинства слушателей определенных историко-теоретических и социологических познаний я счел необходимым изложить общее учение о факторах исторического процесса (характеристика отдельных факторов, их соотношение, закономерность социальной эволюции), причем с особенной подробностью была представлена теория исторического материализма и освещена на исторических примерах связь различных историко-культурных элементов с экономическим укладом общества»¹⁶². Так под влиянием новых требований преподаватели общественно-экономических дисциплин начинали изменять содержание своих лекционных курсов и семинарских занятий. Введение в научный оборот нового фактического материала благотворно влияло на характер научной деятельности; круг проблем научно-исследовательской работы историков старой школы расширялся. Историю русского революционного движения в эти годы начали изучать В. И. Пичета, Ю. В. Готье, С. В. Бахрушин — в Москве; А. Е. Пресняков, С. Н. Чернов, С. Н. Валк — в Петрограде; В. П. Бузескул — в Харькове и др.

В феврале 1921 г. при Петроградском совете профессиональных союзов была создана Комиссия по истории труда в России; с осени того же года она стала выпускать «Архив истории труда». В работе комиссии участвовала

¹⁶⁰ Там же, л. 140. Программа 1923 г.

¹⁶¹ Академия теоретических знаний была создана в 1920 г. в результате реорганизации Харьковского университета и существовала до июня 1921 г.

¹⁶² «Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет», стр. 232.

большая группа историков с различными политическими и научными взглядами. На страницах «Архива» были опубликованы материалы по истории различных общественных групп, классов, профессий. Большинство статей, вышедших в 1921—1923 гг., написано еще с позиций буржуазной методологии; они интересны не своими выводами и теоретическими обобщениями, а конкретным фактическим материалом, извлеченным, в основном, из архивов¹⁶³. Материалы «Архива истории труда» интересны для историографа тем, что они наиболее ярко говорят о серьезных переменах, происходивших в буржуазной исторической науке в те годы: ученые, занимавшиеся ранее преимущественно исследованием истории русского государства, его политики, духовной жизни и почти не обращавшие внимания на историю народных масс, под влиянием революционных событий и марксистской идеологии берутся за разработку истории рабочего класса и крестьянства, истории труда и борьбы масс за свое освобождение. Изучение экономической истории, классовой борьбы и революционного движения подводило старых специалистов к пониманию положений теории исторического материализма.

Отход старых историков от методологии буржуазно-дворянской историографии можно проследить по многим работам; в частности, интерес в этом отношении представляют работы В. И. Пичеты, вышедшие в 1922—1923 гг.¹⁶⁴, в сравнении с его диссертацией, защищенной в 1918 г. на историко-филологическом факультете МГУ¹⁶⁵. Изучая историю аграрных отношений XVI—XVII вв., подготовку и проведение аграрной реформы Сигизмунда-Августа, В. И. Пичета почти не интересовался положением крестьянства в этот период и обострением классовых противоречий. Это чувствовалось особенно в оценке изучаемых событий и в объяснении причин обострения классовой борьбы. «Между населением и правительственной администрацией,— писал он,— возникали постоянные недоразумения. Администрация, преследуя интересы скарба, предъявляла к населению повышенные тягловые тре-

¹⁶³ «Архив истории труда», т. 1—10. Пг., 1921—1925.

¹⁶⁴ В. И. Пичета. История народного хозяйства в России XIX—XX вв. М., 1922; он же. История крестьянских волнений в России. Минск, 1923; он же. Введение в русскую историю. М., 1923.

¹⁶⁵ В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в литовско-русском государстве, ч. I—II. М., 1917.

бования, население же отстаивало старину и заваливало правительство жалобами на действия администрации, одновременно прося правительство „не рухнуть старины”». Анализируя факты проведения реформы в русских волостях, В. И. Пичета делал вывод, что там реформа прошла с большими затруднениями, чем в западных волостях. «Чем это объясняется, сказать трудно. Может быть, виною этого были и затруднительные внешние отношения, может быть, и протест со стороны крестьянского населения, очевидно, не желавшего расстаться со старинными формами землепользования»¹⁶⁶.

В исследованиях начала 20-х годов В. И. Пичета уже иначе подходит к фактам классовой борьбы. Постановка вопроса о причине крестьянских волнений и объяснение их ухудшением экономического положения крестьянства, усилением крепостного права свидетельствуют о значительных сдвигах в мировоззрении ученого: «Крестьянские волнения — результат тяжелого социально-экономического положения крестьянской массы, протестующий голос взволнованного и страдавшего народа. Так смотрит на последние [события] современный историк-исследователь»¹⁶⁷. В. И. Пичета пытается раскрыть характер крестьянских волнений, их формы, роль государства в подавлении крестьянских выступлений, причины их поражения. «Успех Разина,— отмечает автор,— в его социально-экономической программе. Раздел имущества богатых между бедными, всеобщее социально-экономическое равенство — вот причины быстрого роста движения. Но успеха оно иметь не могло. Оно не было организованным движением. Участники его — случайно объединившаяся масса, но отнюдь не закаленный в борьбе класс»¹⁶⁸. Конечно, В. И. Пичета и в этих работах был еще далек от правильного марксистского решения поставленных вопросов; его работы ценны не столько как исследования (они в основном носили популярный характер), сколько как свидетельство начавшихся изменений в мировоззрении бужуазного ученого под влиянием марксизма. В 1923 г. В. И. Пичета прочитал в Московском университете доклады: «Карл Маркс и Севастопольская война», «Современное состоя-

¹⁶⁶ Там же, ч. I, стр. 283—284.

¹⁶⁷ В. И. Пичета. История крестьянских волнений в России, стр. 63.

¹⁶⁸ Там же, стр. 38.

ние русской исторической науки и ее ближайшие перспективы», «Внешняя политика Советской России», «Подготовка Февральской революции»¹⁶⁹.

Попытки историков объяснить исторические факты прошлого экономическими причинами, материальными интересами, борьбой классов были еще далеки от марксизма — это был вульгарный материализм. Переход на позиции экономического материализма имел исключительно важное значение, так как свидетельствовал об отходе определенной группы историков от методологии идеалистической дворянско-буржуазной историографии. В процессе этого идейного развития экономической материализм был естественной ступенью. Однако несомненно отрицательное значение имело то обстоятельство, что экономический материализм в те годы нередко выдавался и принимался за марксизм, за исторический материализм. Это отрицательно сказывалось на идейном перевоспитании старых кадров. В целом же разрыв историков с буржуазной методологией шел параллельно с появлением все большего интереса к марксистской теории исторического процесса, с усилением влияния марксизма на профессиональных историков, которым необходимо было овладеть не только материалистической теорией, но и марксистским диалектическим методом.

В начале 20-х годов эта эволюция особенно заметно проявилась в творчестве А. Е. Преснякова. В 1920 г. появилась весьма характерная для того времени его статья «Обзоры пережитого». Это интересный документ представителя буржуазной историографии, стремившегося понять исторический смысл и значение происходивших событий, отмежеваться от тех, которые «ничего не забыли и ничему не научились». А. Е. Пресняков открыто говорит о кризисе буржуазного мировоззрения. И хотя он еще далек от правильного понимания исторического значения Октябрьской революции, его выводы и наблюдения свидетельствуют о попытке порвать с традиционным буржуазным мировоззрением. Особенно ярко это проявляется в оценке событий 1917 г.: «Можно отметить одну из характернейших особенностей нашей революции и самую существенную: ее все нараставшее „углубление“ обусловлено планомерным подчинением стихийной игры революционных сил созна-

¹⁶⁹ «Отчет МГУ за 1923 год». М., 1924, стр. 31.

тельному партийному руководству...»¹⁷⁰ А. Е. Пресняков обнаруживает большой интерес к работам К. Маркса, В. И. Ленина, Р. Люксембург, пытаюсь понять их в связи с вопросами изучения истории революционного движения. В обзоре литературы по революционному движению и революции 1917 г. на первое место он ставит работы В. И. Ленина, обращая особое внимание на такие труды, как: «Государство и революция», «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме». А. Е. Пресняков писал, что работы В. И. Ленина дают «не только существенный материал для истории развития революционного движения, но и более ценные общие выводы, так как автор, вслед за Марксом, связывает свои партийные директивы с пристальным социологическим анализом основных сил и моментов этого движения»¹⁷¹. Статья А. Е. Преснякова — это открытое признание представителем старой науки того факта, что подлинно научное, творческое изучение истории революционного движения возможно только при условии принятия и изучения марксистско-ленинской теории общественного развития. Такое заявление ученого было в 1920 г. фактом не только большого научного, но и политического значения.

О том, насколько серьезно и вдумчиво подходили историки старой школы к изучению марксистско-ленинской теории как методологической базы своих исследований, говорят многочисленные факты. В этой связи обращают на себя внимание фрагменты из записной книжки А. Е. Преснякова о категориях исторического материализма: 1) рост производительных сил; 2) политика и экономика; 3) классовая борьба; 4) диалектика; 5) материалистический монизм; 6) революция и эволюция¹⁷². Здесь же имеются хотя небольшие, но весьма ценные записи-конспекты: «История революционного движения в России» и «Изучение русской истории с социологической точки зрения». Интересен круг вопросов, которые А. Е. Пресняков намечает для разработки: «Введение. Понятие революции как перелома в строе общ.-политических отноше-

¹⁷⁰ А. Е. Пресняков. *Обзоры пережитого.* — «Дела и дни» (Пг.), 1920, № 1, стр. 346.

¹⁷¹ Там же, стр. 349, 352.

¹⁷² Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР (далее — Архив ЛОИИ АН СССР), ф. А. Е. Преснякова, д. 124.

ний. Подготовка революции в революционных общественных движениях. Движущие силы революционного процесса: развитие противоречия между отживающими формами соц.-политической жизни и нарождающимися потребностями общ.-производственных отношений. Классовый характер революционных движений. Роль крупного и среднего землевладения, торгового и промышленного капитала и трудовой массы в полит. и социальной истории России. Акты и формы дворянских, буржуазных и народных революционных движений. Отличие з.-евр. и рус. революционных движений»¹⁷³.

О стремлении Преснякова порвать с принципами и традициями историко-юридической школы свидетельствуют и его работы, вышедшие в начале 20-х годов. В исторических сборниках «Русское прошлое» за 1922—1923 гг. были помещены статьи «Самодержавие Николая I» и «Самодержавие Александра II», в которых А. Е. Пресняков широко пользуется такими понятиями, как «общественные отношения», «материальные интересы», «классовое господство». Он пытается связать историю Русского государства и самодержавия с социально-экономическим развитием страны: «Тесная связь самодержавной монархии с крепостническим строем общественных отношений заставляла и его сторонников, и его противников ожидать, что перестройка социального фундамента — отмена крепостного права — поведет за собой коренную и всестороннюю перестройку всего государственного здания до его „увенчания“ организацией верховной власти на новых „конституционных началах“»¹⁷⁴. Как видим, изучая марксистско-ленинскую теорию, А. Е. Пресняков уже пользуется ею для объяснения явлений и событий прошлого в своих конкретно-исторических исследованиях.

Интерес к теории исторического материализма у историков старой школы все более возрастал. Расширялся круг работ К. Маркса и В. И. Ленина, которые изучались и использовались в исторических исследованиях. В записной книжке А. Е. Преснякова, например, мы находим названия работ В. И. Ленина: «Заметки об одной реакционной философии», «Аграрный вопрос и „критики“ Маркса». В рабочей картотеке московского историка Я. Л. Барско-

¹⁷³ Архив ЛОИИ АН СССР, ф. А. Е. Преснякова, л. 124.

¹⁷⁴ «Русское прошлое», 1923, № 4, стр. 3.

ва имеются записи работ К. Маркса: «Либералы у власти», «Кельнский процесс коммунистов», «Нищета философии», «Классовая борьба во Франции в 1848 г.» и др.; работы В. И. Ленина: «Что делать?», «Государство и революция», «Материализм и эмпириокритицизм», «Империализм как новейший этап капитализма», «Лучше меньше, да лучше» и др.¹⁷⁵

Историки реакционного направления (А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Платонов, Н. И. Кареев) тоже знакомились с марксистским учением, изучали его, но они преследовали иные цели. Главным для них было собрать как можно больше «аргументов и доводов» для борьбы против идеологии пролетариата как носителя самых прогрессивных идей XX в. Но такие историки, как А. Е. Пресняков, В. И. Пичета, Я. Л. Барсков, искренне пытались понять марксизм и найти выход из тупика, в который завела их буржуазная идеалистическая наука. Поэтому, говоря о состоянии кадров русской исторической науки в 1917—1923 гг., следует подчеркнуть, что это был период не только дальнейшего упадка буржуазной историографии, но и начавшихся изменений в мировоззрении и методологии ее лучших представителей, что обеспечивало им возможность дальнейшего научного творческого роста. При участии этих специалистов с их знаниями и опытом значительно облегчалась задача создания новых кадров советских историков.

Наиболее реакционные представители старой науки, видя влияние марксистско-ленинской теории на своих коллег, упрекали их и ставили им это в вину. Они рьяно пытались доказать, что марксизм не является серьезной научной теорией и не пригоден как метод научного исследования. Заявляя, что марксизм якобы не оказал никакого влияния на русскую историческую науку и ее крупнейших представителей, они ссылались на В. О. Ключевского¹⁷⁶. А поскольку все они считали себя его учениками и последователями, то делали отсюда вывод, что историки должны идти по его пути, не поддаваясь «пагубному» для науки влиянию Маркса и Ленина. Однако прогрессив-

¹⁷⁵ Архив ЛОИИ АН СССР, ф. А. Е. Преснякова, д. 124; рукописный отдел Библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 16 (Я. Л. Барскова), д. XVIII/19. Рабочая картотека.

¹⁷⁶ С. И. Тхоржевский. В. О. Ключевский как социолог и политический мыслитель. — «Дела и дни», 1921, № 2, стр. 152—179.

ные ученые, вставшие на путь разрыва с буржуазной методологией, все активнее начинали выступать против представителей реакционной дворянско-буржуазной историографии. А. Е. Пресняков подверг резкой критике П. Н. Милюкова и его «Историю второй русской революции». «...Для П. Н. Милюкова, — писал он, — вся революция сводится к нарастанию „хаоса и анархии...”». И далее: «Глубокие переживания Герцена и гениальные анализы прошлых революционных опытов в трудах Карла Маркса прошли бесследно не только для политического деятеля Милюкова, но и для Милюкова-историка»¹⁷⁷. Во «Введении в русскую историю» В. И. Пичета, рассматривая важнейшие школы и представителей в русской историографии, отмечал, что С. Ф. Платонов «недооценивает зависимости социально-политических явлений от экономических условий»¹⁷⁸. Я. Л. Барсков к М. К. Лемке 6 июня 1921 г. писал: «Книга Богословского («Петр Великий и его реформа». М., 1920.— Г. А.) написана, действительно, хорошо, но, разумеется от марксизма он так же далек, как Платонов или Чечулин»¹⁷⁹. Все это свидетельствует о начавшемся разрыве лучших представителей буржуазной историографии со старой идеологией. Об этом процессе в свое время М. Н. Покровский писал: «Тут моя личная история ничем не отличается от судьбы всех живых историков, которые все переменили вехи в том или другом направлении (примеры: Виппер в одном направлении, Пресняков и Тарле в другом, и кто угодно еще). На прежних позициях после 1917 г. остались только безнадежные академические засушины. Красный поток размыл и обнажил такие геологические глубины, которые не снились даже и марксистам: одни испугались этих глубин и полезли на старый берег... другие увидели перед собой материк такой глубины и твердости, что самые «смелые» их обобщения вчерашнего дня оказались им детским лепетом»¹⁸⁰.

Выступления одной группы буржуазных историков против другой свидетельствовали о дальнейшем углублении идейной борьбы в русской буржуазной историографии после Октябрьской революции. В своих вчерашних колле-

¹⁷⁷ «Дела и дни», 1920, № 1, стр. 350—351.

¹⁷⁸ В. И. Пичета. Введение в русскую историю, стр. 159.

¹⁷⁹ Архив Института русской литературы, ф. 661 (М. К. Лемке), д. 119, л. 2.

¹⁸⁰ «Псд знаменем марксизма», 1924, № 10-11, стр. 211.

гах они увидели идейных противников; марксизм становится для них более приемлем, чем старое, буржуазное мировоззрение. Они были нужными союзниками марксизма в борьбе против реакционной историографии. Это использовали руководители советской науки тех лет, приглашая таких историков, как А. Е. Пресняков, М. К. Лемке, А. А. Шилов, сотрудничать в марксистских изданиях и журналах «Красный архив», «Красная летопись» и др.

Начавшийся в первые годы Советской власти процесс отхода прогрессивной части историков от методологии буржуазно-дворянской историографии показал, насколько верным было предвидение В. И. Ленина о возможности привлечения и использования ученых, работавших в области общественных наук. Борьба за изменение мировоззрения специалистов старой формации стала одним из направлений подготовки новых кадров историков и создания советской профессиональной школы в области исторических наук.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первые годы после Октябрьской революции родилась советская историческая наука. Она была вызвана к жизни революционным творчеством масс, установлением диктатуры пролетариата и освещена идеями революции. Советская историческая наука явилась продолжением и дальнейшим развитием материалистической концепции, марксистско-ленинской историографии, основоположниками которой были идеологи пролетариата Маркс, Энгельс и Ленин.

Советская историческая наука стала одной из форм утверждения пролетарского, марксистско-ленинского мировоззрения. Она решительно отвергла старые, буржуазные трактовки исторического развития человеческого общества, и в то же время ее создание не означало нигилистической ликвидации всей предшествующей культуры. Новая историческая наука создавалась на материалистической основе, используя достижения передовой исторической науки прошлых эпох.

Решающим в становлении советской исторической науки явилось превращение ее, как и всего марксистско-ленинского мировоззрения, в государственную идеологию. С утверждением марксистско-ленинского учения в качестве господствующей идеологии марксистская историческая наука приобрела более эффективные средства и формы защиты интересов трудящихся масс, их научно-теоретического воздействия на ход исторического процесса. С первых шагов своего развития советская историческая наука выступает как активная преобразующая сила: в познании закономерностей исторического развития, в

воспитании человека и влиянии на формирование его мировоззрения, в борьбе против враждебных марксизму и социализму исторических концепций буржуазно-дворянской и меньшевистско-эсеровской историографии.

История советской науки неразрывно связана с именем В. И. Ленина. Его работы определили идейно-теоретические и методологические принципы советской историографии. В. И. Ленин, несмотря на занятость партийной и государственной работой, постоянно интересовался вопросами развития советской исторической науки. Ленин явился инициатором создания Института Маркса и Энгельса, Института красной профессуры. При его активном участии были организованы Социалистическая академия общественных наук и Истпарт. Ленин постоянно уделял большое внимание вопросам архивного и библиотечного строительства, деятельности новых научных центров. Появление одного из первых журналов «Под знаменем марксизма» В. И. Ленин приветствовал статьей «О значении воинствующего материализма», в которой наметил важнейшие направления борьбы с буржуазной идеологией. По инициативе Ленина были подготовлены к изданию произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, первые советские публикации по истории международных отношений, внешней политики и социалистического строительства.

Постоянная забота Советского государства, В. И. Ленина об исторической науке и ее кадрах способствовала ее успешному развитию в самые трудные для молодой республики годы.

Под влиянием победившей социалистической революции и новых общественно-политических условий началось развитие исторической науки, принципиально отличной от предшествовавшей государственной науки России, — новой по теоретико-методологической основе, организационной, проблемно-тематической и отраслевой структуре. Нельзя не поставить в заслугу первому поколению советских историков-марксистов тот факт, что при всей их малочисленности, при всех трудностях, которые им приходилось преодолевать они смогли, руководствуясь марксистско-ленинской теорией и методологией, определить самые важные узловые вопросы истории России, без изучения которых не могли быть успешными ни развитие науки, ни борьба на идеологическом фронте. Они сумели поста-

вить не только большое количество совершенно новых в науке проблем, но и найти правильное их решение, определив пути дальнейших исследований на много лет вперед. Именно в первый, ранний период становления советской исторической науки формировалась ее проблемно-тематическая структура, ее важнейшие составные части и исследовательские направления как науки новой формации.

Наиболее важным явлением в жизни марксистской историографии послеоктябрьского периода, как нам представляется, было возникновение новых областей исторической науки и прежде всего истории советского общества. Историография советского общества развивалась как составная часть истории новейшего времени, как важнейшее направление общественно-политической мысли тех лет, с которой началось отделение исторической проблематики по вопросам послеоктябрьского развития России. Новая область отечественной историографии начинала свое существование с изучения актуальнейших и узловых проблем революционной эпохи в истории России: истории Великой Октябрьской социалистической революции, истории гражданской войны и интервенции, истории социалистического строительства. Используя важнейшие теоретические положения, разработанные В. И. Лениным, применяя ленинские методологические принципы и указания, историки-марксисты совместно с экономистами, социологами, юристами приступали к изучению нового круга проблем, вставших перед исследователями в связи с победой Великой Октябрьской социалистической революции и возникновением и развитием нового общественного строя. Была проделана большая работа по накоплению конкретного исторического материала, по его изучению и анализу с марксистско-ленинских позиций. Результатом этой работы явились публикации исторических документов и материалов, хроники исторических событий, научные статьи и монографические исследования по истории борьбы за победу социалистической революции, по истории первых социалистических преобразований в промышленности и сельском хозяйстве, по истории защиты социалистического отечества, по вопросам формирования и развития советской государственности и первых шагов культурного строительства.

Изучение истории советского общества проходило в тесной связи с исследованием новейшей истории стран Запада и Востока. Это проявилось в постановке таких проблем, как влияние Великой Октябрьской социалистической революции на всемирно-исторический процесс, интернациональный характер первой победоносной пролетарской революции и ее всемирно-историческое значение, рост рабочего, коммунистического и национально-освободительного движения под влиянием революции в России, возникновение в истории нового типа международных отношений и др. Дальнейшее развитие науки привело к усложнению и расширению этой проблематики, к росту фактографической базы исторических исследований и появлению ценных трудов в этой новой области марксистской историографии.

Серьезные изменения происходили в этот период в изучении других разделов отечественной истории; особенно заметными они были в изучении эпохи капитализма (с середины XIX в. до октября 1917 г.). Если буржуазные историки и социологи уделяли внимание преимущественно исследованию вопросов экономической истории России пореформенного периода, истории буржуазно-помещичьего государства, его внешней и внутренней политики, а дооктябрьские марксистские исследования по проблемам истории конца XIX — начала XX в. создавались по следам живых событий в связи с практической деятельностью Коммунистической партии, то историки-марксисты начала 20-х годов разрабатывали уже проблематику капиталистической эпохи в историческом плане и своими трудами значительно расширили эту область марксистской историографии. На первый план они выдвигали изучение вопросов развития капиталистических отношений в России, историю рабочего класса и крестьянства, историю революционного движения, преимущественно пролетарского этапа, историю революции 1905—1907 гг., проблемы империализма как кануна пролетарской революции, а также вопросы внешней политики и международных отношений.

Из круга проблем, относящихся к капиталистической эпохе развития России, постепенно выделялась в те годы историко-партийная тематика. Усиленное изучение проблем возникновения русской социал-демократии, ее двух течений, зарождения и развития большевизма, процесса оформления большевиков в самостоятельную политиче-

скую партию, ставшую руководителем и организатором победоносной пролетарской революции в России, ускорило процесс превращения истории партии в самостоятельную область исторической науки.

Потребности в изучении исторической тематики нового и новейшего времени отечественной истории оказали решающее влияние на процесс ускоренного формирования источниковедческой базы исторической науки, что проявилось в большой публикаторской работе тех лет. В научный оборот была введена значительная масса новых исторических источников по совершенно новым для русской исторической науки проблемам истории, которые в дореволюционный период либо слабо изучались, либо совсем не изучались. Развитие публикаторской и связанной с ней исследовательской работы привело к тому, что такие исторические дисциплины, как археография и источниковедение, стали формироваться на основе материалистической марксистско-ленинской концепции; они занимались изучением новых типов источников, которые игнорировала буржуазная наука в силу ее классового характера. Первые успехи этих исторических дисциплин связаны с именами таких советских историков, как Н. Н. Авдеев, О. А. Варенцова, М. Н. Покровский, М. С. Ольминский, В. И. Невский. Сразу же после революции в эту работу включились С. Н. Валк, В. И. Пичета, А. А. Шилов и другие представители дореволюционной исторической науки. В изучаемые нами годы определились предмет исследования марксистского источниковедения и археографии, круг их задач и принципы подхода к анализу источника. Важнейшим из них является классовый принцип в оценке исторического источника, его использовании и интерпретации. Материалистической трактовкой происхождения источников и классовым характером их оценки советское источниковедение и археография отличались от своих буржуазных предшественников и современников.

В тесной связи с потребностями исследовательской работы над проблемами истории России эпохи капитализма и советского периода, а также с потребностями культурно-воспитательной и политико-просветительной работы зарождались и начинали развиваться марксистская историческая библиография и биобиблиография. Были выдвинуты новые принципы отбора, классификации и систематизации библиографического и биобиблиогра-

фического материала, определявшиеся задачами марксистской исторической науки, задачами распространения и утверждения пролетарской идеологии.

Начавшееся архивное строительство, появление новых типов исторических источников, например, по советскому периоду, потребности развивающейся исторической науки повлекли за собой коренной пересмотр дореволюционной буржуазной архивистики и возникновение советского практического и теоретического архивоведения. Определены важнейшие черты советской архивистики — последовательный историзм и партийность. На этой основе стали разрабатываться принципы отбора, комплектования и хранения архивных фондов, система классификации, информации и использования исторических материалов в различных областях научной и практической деятельности.

Как область исторического знания, связанная с необходимостью подведения итогов развития советской исторической науки, выявления ее успехов и недостатков, а также с потребностями идеологической борьбы тех лет против реакционной буржуазно-дворянской, меньшевистско-эсеровской и троцкистской историографии, начинала развиваться марксистская историография. М. Н. Покровский в те годы сформулировал в своих работах ведущий принцип марксистской историографии — оценка исторических трудов с точки зрения классовых интересов пролетариата.

Таким образом, в изучаемый нами период складывалась не только проблемно-тематическая, но и отраслевая структура советской исторической науки. Дальнейшее развитие советской науки привело к появлению новой проблематики, новых специальных и вспомогательных исторических дисциплин. Однако важнейшие направления этого развития были определены на раннем этапе становления советской науки. Они складывались и развивались под влиянием общественно-политических условий тех лет и были тесно связаны с характером идеологической борьбы, задачами политико-воспитательной и культурно-просветительной работы Советского государства и Коммунистической партии.

Наименьшему воздействию марксизма в изучаемый нами период подвергалась тематика древней и средневековой истории России. Популярны очерки М. Н. Покров-

ского, В. П. Полонского, А. И. Тюменева были единственными попытками историков-марксистов осветить ранние исторические эпохи истории России. Перед советскими историками 20-х годов стояла большая и сложная задача овладеть тем громадным фактическим материалом, который накопила буржуазно-дворянская историография, и, используя его, создать марксистскую историю древней и средневековой России. В изучаемый нами период они фактически эту задачу выполнять еще не начали; ее решение предполагало наличие определенных кадров историков-марксистов с высоким уровнем профессионального мастерства, которыми советская историческая наука тогда не располагала. Это значительно затруднило и осложнило борьбу марксистов против враждебной буржуазной историографии, имевшей наиболее прочные позиции в данных областях исторической науки.

Становление советской исторической науки проходило на основе марксистско-ленинской теории. Одновременно с работой по освоению нового фактического материала историки-марксисты, несмотря на недостатки и ошибки в исследованиях, сделали значительный шаг вперед по пути освещения исторических событий и явлений с позиций марксистской теории. Результатом их деятельности явилось утверждение в исторической науке материалистического объяснения исторического процесса. Вместе с материалистической концепцией стали внедряться новая историческая методология, новые принципы исследования. Советские историки, руководствуясь указаниями Коммунистической партии, смогли правильно определить важнейшие направления борьбы с идейными противниками в исторической науке и начать решительное наступление на враждебные историографические течения и школы. Следствием этого было заметное вытеснение выработанных буржуазной наукой идеалистических схем и теорий как из научно-исследовательской, так и из учебно-воспитательной работы.

Историки-марксисты, трудившиеся в начале 20-х годов, подготавливали условия для того переворота, который произошел в исторической науке России несколько позднее и который в конечном счете означал крах буржуазной историографии и победу марксистско-ленинской исторической науки. Именно в этом решительном наступлении на буржуазную историографию как составную часть бур-

жуазной идеологии, которое началось в первые годы Советской власти, заключается значение первого этапа развития советской исторической науки.

Несмотря на малочисленность кадров историков-марксистов, советские ученые уже тогда смогли приступить к решению важнейших задач, стоявших перед исторической наукой.

Изучая важнейшие стороны деятельности историков-марксистов в первые годы Советской власти, современный историк не может не поражаться, как небольшая группа ученых, занятых к тому же партийной и государственной работой, в условиях, крайне неблагоприятных для занятий наукой, смогла за сравнительно короткий срок добиться столь значительных результатов. Итогом их научно-исследовательской работы явились документальные публикации, научные статьи, брошюры, монографические труды, хроники исторических событий, справочно-биографические и историко-библиографические издания, лекционные курсы, учебные пособия, исторические хрестоматии и научно-популярная литература. Создание различных жанров и форм марксистской исторической литературы — бесспорная заслуга историков первой половины 20-х годов.

Разносторонняя деятельность советских историков по созданию новых научно-исследовательских и учебно-просветительных учреждений, исторических архивов, комиссий, обществ, краеведческих и историко-революционных музеев, исторической периодики положила начало советской системе организации науки. Без создания нового научного аппарата было бы невозможно успешное развитие марксистско-ленинской историографии, ее превращение в господствующее и определяющее направление исторической науки уже в первые годы Советской власти. Благодаря появлению новых научных центров пролетарское государство смогло сосредоточить имевшиеся в стране научные марксистские силы, организовать рациональное и наиболее эффективное использование их знаний и опыта на различных участках строительства новой, социалистической культуры.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции началось формирование советской профессиональной исторической школы. Подготовкой кадров историков-марксистов занимались лучшие научные силы Ком-

мунистической партии: М. Н. Покровский, Н. Н. Батулин, Н. М. Лукин, В. И. Невский, М. Н. Лядов, В. А. Быстрянский. Они передавали молодому поколению свои знания и опыт исследователей, накопленный в дореволюционные годы. В этой деятельности они видели важнейшее условие дальнейшего развития советской науки и ее успехов. Уже в начале 20-х годов первые выпускники новой высшей школы включились в научно-исследовательскую, педагогическую и культурно-просветительную работу как полноценные специалисты, продолжая традиции своих предшественников и учителей.

В изучаемые нами годы предпринимались первые решительные меры по реорганизации дореволюционной системы научных и учебных учреждений. Одни элементы старого научного аппарата ликвидировались (историческая периодика), другие — заметно сокращали свою работу (дореволюционные научные исторические общества), третьи — перестраивались, изменяя идейное содержание своей научно-исследовательской и учебной работы (университеты), четвертые — значительно расширяли масштабы своей деятельности (архивы), пятые — находились накануне реорганизации, продолжая еще работать по старым дореволюционным планам (Академия наук). Все эти процессы и явления необходимо учитывать при оценке первого этапа развития советской исторической науки.

Старая система организации науки оказывала определенное идеологическое и иногда весьма значительное влияние на формирование советской исторической науки. Против этого влияния и попыток буржуазной профессуры усилить и расширить его боролись видные историки-марксисты. В то же время старая наука располагала значительным количеством педагогов, специалистов по архивоведению, источниковедению и археографии, владевших прекрасной методикой исследования исторических документов, они использовались в повседневной практической работе новых научных учреждений, в подготовке кадров советских историков. Под влиянием революционной обстановки, марксистско-ленинской историографии лучшие представители буржуазной науки постепенно порывали с прежними историко-философскими схемами и концепциями и переходили на новые методологические позиции. В указанные годы этот процесс только начался; завершился он в 30-е годы. К сожалению, эта важная тема

использования дореволюционного наследия до сих пор не получила должного освещения в советской литературе, а между тем без нее проблема возникновения советской науки не может быть исследована полностью.

Советская власть не только боролась против реакционных идей и носителей буржуазной идеологии. В строительстве новой культуры она старалась привлечь и использовать все, что было ценного в буржуазной науке: учебные и научные центры, формы научного творчества, лучшие традиции и опыт прогрессивных ученых.

С первых лет Советской власти начало складываться принципиально новое географическое размещение центров изучения отечественной истории. Марксистско-ленинская историография возникла и развивалась прежде всего в крупнейших общественно-политических, культурных и научных центрах страны: Москве, Петрограде, Киеве, Харькове, Казани. К концу изучаемого периода географические рамки марксистской историографии значительно раздвинулись. Собираание исторических материалов, их изучение и публикация успешнее всего проводились в районах, где особенно широко было развито в прошлом рабочее и революционное движение: Урал, Екатеринослав, Иваново-Вознесенск, Нижний Новгород, Одесса и др. Большую роль в возникновении марксистской историографии на местах сыграли Истпарт, Общество бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев, Общество старых большевиков. Активное участие в собирании историко-революционных материалов принимали архивы, историко-революционные и краеведческие музеи. Эта работа проводилась при активной поддержке местных партийных, советских и комсомольских организаций, в нее включались широкие слои рабочих и демократической интеллигенции.

Условия исследовательской работы на местах были во много раз сложнее, чем в центре. Однако, несмотря на трудности, эта работа проводилась весьма успешно, в широких масштабах и тогда уже дала значительные результаты, особенно в изучении истории рабочего движения, местных большевистских организаций, борьбы за победу пролетарской революции и упрочение Советской власти, борьбы против внешней и внутренней контрреволюции, деятельности местных органов пролетарского государства и первых шагов социалистического строительства. В процессе этой работы росли кадры историков,

архивистов, популяризаторов и пропагандистов исторических знаний. Нельзя не отметить, что научный уровень периферийных изданий был намного ниже тех работ, которые выходили в центре, где было больше квалифицированных специалистов, были несколько лучше условия работы.

Уже на первом этапе развития советской исторической науки сложились ее характерные черты и специфические особенности, которые делали ее в корне противоположной буржуазной и мелкобуржуазной историографии. Это выражалось прежде всего в последовательном проведении материалистического монизма при изучении всех без исключения проблем исторического прошлого. Изучение вопросов отечественной истории проводилось в органическом единстве с исследованием важнейших проблем всемирной истории и роли народных масс в историческом процессе. Это определило глубоко интернациональный характер советской исторической науки, в основе которой лежит подлинно гуманистическая концепция мировой истории, свободной от национальной ограниченности и тенденциозности. Для советской исторической науки с первых шагов ее развития свойственна открытая защита интересов трудящихся масс, органическая связь исследовательской работы с общественно-политической жизнью страны и деятельностью Коммунистической партии, непримиримое отношение ко всем враждебным марксизму теориям и схемам исторического процесса. Принцип коммунистической партийности стал ведущим принципом советской науки с первых шагов ее развития.

Точное и объективное содержание выводов советской историографии обуславливается тем, что свои исследования советские ученые осуществляют, руководствуясь самым передовым учением об общественном развитии — марксизмом-ленинизмом, обеспечивающим органическое единство конкретно-исторического материала, теоретических концепций и методологических принципов.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авдеев Н. Н. 24, 160, 268
Агол И. И. 63
Адамов Е. А. 77
Адгоков А. Н. 199
Адоратский В. В. 20, 22, 29, 35, 41, 43, 45, 78, 159, 238, 260
Айнзафт С. С. 111—114
Айрапетян М. Э. 197
Акимов-Махновец В. П. 106, 130
Александров П. К. 115
Алексеев П. 62, 113
Андреев А. А. 188
Андреев А. И. 270
Антонов-Овсенко В. А. 155
Арский Р. см. Радзишевский А.
Архангельский П. Г. 255
Астров В. Н. 30, 105—111

Бабахан Н. 119—121
Баевский Д. А. 90, 124—126, 145
Бакунин М. А. 45, 84, 95, 138, 225, 236
Балабанов М. С. (Б-ов М.) 102, 122
Барсков Я. Л. 47, 278—280
Бартольд В. В. 248, 253, 268
Батурин Н. Н. 11, 17, 22, 23, 50, 56, 59, 74, 90, 108, 111, 130, 138, 290
Бауман Н. Э. 133
Бебель А. 58, 59, 62

Белинский В. Г. 84, 222, 224
Белокурова А. В. 35
Белопольский И. П. 83
Бердяев Н. А. 238
Березкин А. В. 177
Беспалова А. Г. 15
Бешкин Г. Я. 200
Благоев Д. 92
Богданов А. А. 78
Богданов П. А. 179
Богословский М. М. 204, 217, 218, 255
Богоявленский С. К. 45
Богучарский В. Я. 247
Бонч-Бруевич В. Д. 18, 34, 59, 92, 252, 265, 266
Бородин Н. А. 123
Бороздин И. Н. 46
Бочкарев В. Н. 239
Бочков А. И. 169
Бреслав Б. А. 49, 64, 66
Бруцкус Б. Д. 180, 273
Бубнов А. С. 21—23, 28, 41, 135, 136, 138, 139
Бузескус В. П. 273
Бухбиндер Н. А. 44
Быстрянский В. А. 12, 17, 49, 62—64, 66, 71, 163, 164, 167, 172, 261, 290
Бьюкенен Д. 96

- Ваганян В. 200
 Вакар В. В. 56, 102
 Валк С. Н. 46, 47, 100, 204, 273, 286
 Вальков В. А. 177
 Варенцова О. А. 42, 128, 135, 286
 Васенко П. Г. 270
 Васильев М. 77
 Васильев-Южин М. И. 83
 Васильченко С. Ф. 92, 98
 Вашман М. Е. 35
 Веселовский С. Б. 253
 Виленский-Сибиряков В. Д. 68, 77, 177, 178
 Вильгельм II 96
 Виноградская П. С. 81
 Виппер Р. Ю. 7, 60, 204—206, 209—212, 214, 217, 218, 237, 238
 Витте С. Ю. 97
 Вишневский М. А. 35, 39
 Владимирова В. Ф. 24, 43, 128, 160
 Владимирский М. Ф. 81, 82, 193
 Волгин В. П. 18, 21, 29, 78, 128, 260, 261
 Волин М. С. 15, 56
 Воровский В. В. 11, 17, 56, 59, 78, 102, 122, 130
 Вороницын И. П. 98

 Ганецкий Я. С. 100
 Гапон 200
 Генкин И. И. 98
 Герцен А. И. 19, 45, 63, 84, 222, 224, 256
 Годунов Б. 216, 217, 239, 241
 Голубцов И. А. 39
 Гольденвейзер А. А. 245
 Гольдин Н. С. 273
 Горбунов Н. П. 267, 268
 Городецкий Е. Н. 15, 150
 Горский Г. 68

 Готье Ю. В. 60, 150, 161, 214—217, 253, 255, 273
 Граве Б. Б. 29, 30
 Гревс И. М. 254
 Греков Б. Д. 204, 253, 270
 Грозный И. 217
 Грунт Я. Я. 158
 Гурвич Г. С. 20
 Гусев С. И. 92, 155, 172, 173, 174
 Далин Д. 180, 226, 244

 Дан Ф. 122, 130, 162
 Дволайцкий Ш. М. 19, 21, 63
 Деборин Г. А. 197
 Дейч Л. Г. 46, 49, 83, 94
 Деникин А. 223
 Джапаридзе П. А. 102
 Дзержинский Ф. Э. 35, 48, 63
 Дзюбинская Е. 77
 Диманштейн С. М. 50
 Добиаш-Рождественская О. А. 253, 254
 Добротвор Н. М. 25, 115, 126
 Долгушин А. В. 83
 Дрей М. И. 200
 Дружинин В. Г. 253, 269, 270
 Дружинин Н. М. 255, 262, 263
 Дубровский С. М. 29, 30, 117, 118, 144, 145, 148, 155, 179, 182, 184—187, 198, 200
 Цьяконов М. А. 263
 Цюканж Ш. 269

 Екатерина II 219
 Елизарова А. И. 22, 92
 Ельницкий А. Е. 103
 Жаков М. П. 199
 Желябов А. И. 133

 Завадовский П. В. 219
 Зайчневский П. Г. 45
 Закс А. Б. 26
 Залезский В. Н. 98
 Заозерский А. И. 205, 254
 Засулич В. И. 95

- Захер Я. М. 30, 51, 52
 Зеликсон-Бобровская Ц. С. 92
 Зельин К. К. 263
 Землячка Р. С. 81, 83
 Иванов А. И. 126
 Иванов-Разумник Р. В. 205, 224
 Извольский А. П. 78
 Илларионов В. Т. 25, 84, 126
 Иоффе А. А. (Крымский В.) 73, 195
 Ирошников М. П. 76
 Кактынь А. М. 69
 Калинин М. И. 63
 Канторович А. Я. 195
 Каплан П. 115
 Карахан Л. М. 100
 Кареев Н. И. 60, 205, 208—213, 238, 257, 279
 Карноухова О. Е. 35
 Карпинский А. П. 266
 Карпинский В. А. 56, 67, 68
 Каутский К. 19, 58, 151, 162, 223, 226, 231, 233
 Келлер В. Б. 182
 Керженцев П. М. (Лебедев П.) 19, 50, 84, 126, 199
 Кизеветтер А. А. 204, 218, 248
 Кийков А. А. 115
 Кириллов И. А. 182, 197
 Клеменц Д. А. 94
 Ключевский В. О. 240, 279
 Книжник-Ветров И. С. 51, 52, 199
 Книпович Б. Н. 69, 144, 155, 182—184, 197
 Кнорин В. Г. 65, 245
 Кнунянц Б. 119
 Князев Г. А. 253
 Кобляков И. К. 197
 Ковалев С. И. 51
 Козьмин Б. П. 46, 50
 Колесников Б. 188
 Коллонтай А. М. 17, 18
 Колчак А. В. 35, 226
 Комаров Н. С. 35
 Кон Ф. 46, 49, 98
 Кондратьев Н. Д. 183
 Корнилов А. А. 244
 Королев Ф. Ф. 259
 Корольчук Э. А. 25
 Косминский Е. А. 254
 Котляревский С. А. 239
 Кравчинский С. М. 83
 Крамаров Г. М. 46, 49
 Красин Л. Б. 194
 Крицман Л. Н. 155, 162
 Кропоткин П. А. 38, 83, 84, 95, 225
 Крупская Н. К. 18, 27, 35, 92
 Кудряшов П. Ф. 69
 Кулишер А. М. 251
 Кунина А. Е. 177
 Курдюмов М. Г. 270
 Курлов П. Г. 97
 Курнаков Н. С. 263, 270
 Куропаткин А. Н. 45
 Куусинен О. 18
 Лавёрычев В. Я. 115
 Лавров Н. Ф. 45
 Лавровский В. М. 263
 Ладоха Г. 169, 172, 174, 176
 Лапинский П. Л. 77
 Лаппо-Данилевский А. С. 202—205, 207, 209, 210, 228, 236—238, 241, 257, 263, 268, 279
 Ларин Ю. 69, 182
 Лафарг П. 58, 59
 Лацис М. Я. (Судрабс Я. Ф.) 68
 Лебедев М. 169
 Левин К. Н. 83
 Левин Ш. М. 25
 Лежава Л. 141
 Лелевич Г. 110, 111, 162, 167
 Лемке М. К. 47, 84, 100, 205, 247, 255, 256, 280, 281

- Ленин В. И. 6, 10, 11, 14, 16, 18, 20—22, 27, 28, 31, 32, 35, 38, 53, 58—60, 63—65, 73—77, 80, 87, 90, 92, 96, 99, 100—102, 106, 119, 127, 129, 131, 133, 138, 139, 142, 146, 150, 154, 180, 184, 188, 200, 209, 211, 222, 223, 226—228, 231—234, 239, 247, 250, 252, 256, 258, 260, 261, 265, 267, 271—273, 277—284
- Ленцнер Н. 108—110
- Лепешинский П. Н. 90, 135
- Либкнехт В. 62
- Либкнехт К. 18, 19, 58, 59, 62
- Литошенко Л. Н. 183
- Лихачев Н. П. 218, 253
- Логинов И. 63
- Ломов Г. И. [А.] 69
- Лопатин В. Ф. 197
- Лопатин Г. А. 95, 200, 253
- Лукашевич И. Д. 83
- Лукин Н. М. 11, 12, 19, 20, 29, 62, 64, 78, 261, 290
- Луначарский А. В. 18, 35, 41, 56, 62, 84, 249, 250, 252, 256, 264, 266
- Лунин М. С. 290
- Луцкий Е. А. 145
- Любавский М. К. 7, 40, 253
- Любименко И. И. 253
- Любомиров П. Г. 205, 255
- Людендорф Э. 96
- Люксембург Р. 18, 19, 58, 59, 277
- Лядов М. Н. 12, 17, 22, 27, 42, 50, 56, 74, 90, 130, 134, 135, 138, 139, 290
- Лященко П. И. 51, 255
- Маевский Е. 74
- Майоров М. 169
- Майский И. М. 155, 175, 194, 195
- Максаков В. В. 24, 31—33, 35, 36, 38, 39, 45, 46, 82, 83
- Мануильский Д. З. (Безработ-
 ный И.) 64, 66, 67
- Маркин Н. Г. 76
- Маркс К. 9, 11, 19, 21, 27, 53, 58, 59, 62, 63, 66, 74, 138, 146, 180, 184, 200, 223—225, 230, 236, 237, 275, 277—280, 282, 283
- Марр Н. Я. 268
- Мартов Л. см. Цадербаум Ю. О.
- Мархлевский Ю. Ю. 18, 261
- Марцинжовский А. 92
- Маслов С. А. 205
- Маяковский И. Л. 39, 253
- Мельгунов С. П. 74, 131
- Менжинский В. Р. 256
- Меницкий И. А. 23, 30, 90, 127, 128, 129, 148
- Меринг Ф. 58, 66, 73
- Мещеряков В. Н. 69
- Мещеряков Н. Л. 244
- Милюков П. Н. 161, 168, 226, 243, 244, 245, 248, 279, 280
- Милютин В. П. 69, 70, 71, 142, 155, 179, 182
- Митрофанов А. Х. 63
- Михайлов М. И. 95, 253
- Мицкевич С. И. 42, 50, 81, 82
- Мишле Ж. 66
- Молзалеvский Б. Л. 268
- Молок А. И. 51
- Молотов К. М. 179
- Мороховец Е. А. 200
- Муравьев-Апостол М. И. 95
- Нагорнова З. Н. 35
- Найденов М. Е. 145, 150
- Наумов В. П. 171
- Невский В. И. 12, 23, 24, 28, 38, 42, 44, 45, 50, 51, 56, 63, 69, 90, 94, 104, 105, 113, 117, 118, 124, 126, 135, 137—141, 235—237, 240, 286, 290
- Нелидов Н. В. 24, 60
- Нечаев В. Н. 45
- Нечкина М. В. 15, 255

- Никифоров П. 171
 Никольский В. К. 21, 263
 Никольский Д. 34
 Новгородцев П. И. 213
 Новицкий К. П. (Петровин К.)
 64, 74
 Ногин В. П. 98
 Овсянников Н. Н. 82
 Огарев Н. П. 45
 Огородников В. И. 255
 Олар А. 66
 Олимпиев И. М. 126
 Олисов А. 34
 Ольденбург С. Ф. 250, 263—264
 Ольминский М. С. 12, 17, 19, 22,
 26, 38, 43, 50, 56, 59, 62, 88, 89,
 90, 98, 130, 135, 138, 246, 286
 Остроухова К. А. 22, 25, 43, 90
 Павлович-Вельтман М. П. (Во-
 лонтер) 68, 85, 86, 97, 172,
 175—177
 Пажитнов К. А. 103
 Палеолог М. 96
 Палицин Авраамий 270
 Панкратов В. М. 92, 98
 Панкратова А. М. 29, 30, 90,
 179, 188—192, 198, 200
 Пашуканис Е. Б. 155
 Пепел В. 109
 Перовская С. Л. 133
 Петр I 268, 269, 280
 Петров В. А. 270
 Петровский Г. И. 63
 Петрушевский Д. М. 255
 Пионтковский С. А. 30, 44, 45,
 111, 113, 114, 164—167, 244
 Писарев Д. И. 236
 Пичета В. И. 38, 45, 46, 47, 100,
 142, 204, 253, 255, 273—275, 279,
 280, 286
 Платонов С. Ф. 10, 40, 60, 204,
 217, 218, 239, 248, 255, 272, 273,
 279, 280
 Плеханов Г. В. 58, 59, 95, 133,
 222, 223, 242, 243
 Победоносцев К. П. 97
 Подвойский Н. И. 50, 79
 Покровский М. Н. 11, 12, 17,
 19—21, 29, 37—39, 41, 45, 50,
 56, 58, 59, 72—74, 77, 78, 97,
 111—114, 116, 117, 121, 122,
 144—147, 159, 175, 188, 235,
 240—243, 245, 246, 256, 260,
 261, 269, 271, 272, 280, 286,
 288, 290
 Половцев А. А. 97
 Полонский В. П. 45, 72, 73, 244,
 288
 Попов А. 220
 Попов Н. Н. 41
 Поршнев Г. И. 199
 Предкальн А. И. 102
 Пресняков А. Е. 40, 253—255,
 270, 272, 273, 276—281
 Прибылева А. П. 98
 Пуанкаре Р. 95
 Пуришкевич В. М. 97
 Пурталес Г. 96
 Пушкин А. С. 224
 Рабинович М. 76
 Равданский Т. 68
 Радек К. 162
 Радзишевский А. (Арский Р.)
 64
 Радищев Н. А. 224
 Радлов В. В. 268
 Раковский Г. Н. 244
 Растопчина М. А. 116
 Рождественский С. В. 45, 46,
 254, 272
 Рожков Н. А. 74, 103, 131, 144,
 205, 220—223, 272
 Романенко И. А. 182
 Романов Б. А. 254, 255
 Романов Николай 38, 39, 45, 95,
 97

- Романова Александра 38, 97
 Ростовцев М. И. 263
 Ротштейн Ф. А. 11, 20, 21, 29, 77, 239, 261
 Рубач М. А. 25
 Рубинштейн Н. Н. 147
 Рудзугак Я. Э. 48, 49
 Русаков Г. 141
 Русякова В. Г. 135, 150
 Рындзюнский П. Г. 144
 Рябинин А. Н. 92

 Савельев М. А. 179
 Савин А. Н. 45, 147, 253, 255
 Садиков П. А. 254, 255, 270
 Сазонов С. Д. 45, 88
 Самойлов Ф. Н. 92, 119, 120
 Самойлова К. Н. 64, 92
 Свердлов Я. М. 63, 133
 Сверчков Д. Ф. 110
 Свитыч В. С. 83
 Селезнев М. С. 76, 77
 Семашко Н. А. 84, 126, 130
 Семенчиков Р. М. 92
 Сен-Симон А. 221
 Сергеев А. А. 263
 Серебряков М. В. 30, 52
 Серебрянский И. 34
 Сказкин С. Д. 255, 262
 Сквери М. 46, 92
 Скворцов-Степанов И. И. 11, 17, 18, 62, 78, 81, 82, 102, 142, 155, 260, 261
 Складенко А. П. 92
 Скрыпник Н. А. 49, 134
 Слепков А. Н. 108, 117, 121—124, 144, 147
 Смирнов В. 23, 115
 Смирнов И. С. 18, 251
 Смирнов Н. С. 253
 Соболевский А. И. 254
 Соколов О. Д. 145
 Соловьев С. М. 240
 Сорокин П. А. 238

 Срезневский В. И. 252, 255, 265
 Ставский Ив. 92
 Сталин И. В. 254
 Станчинский А. П. 46
 Стеклов Ю. М. 18, 62
 Стопани А. М. 102
 Сторожев В. Н. 50, 72
 Струве В. В. 254
 Струве П. Б. 66
 Стучка П. И. 18, 20
 Суворин А. С. 95, 244
 Суханов Н. Н. 131, 205, 231
 Сухомлинов В. А. 45, 95
 Сысин А. И. 84

 Табейко А. 92
 Тарле Е. В. 204, 206, 253
 Тарновский К. Н. 144
 Татаров И. Л. 52
 Татарчуков А. Н. 115
 Теодорович И. А. 49
 Тихомиров М. Н. 255
 Токвиль А. 66
 Толоконников Т. 68
 Томсинский С. Г. 29, 30, 117, 121, 124, 144, 148
 Трифонов В. 69
 Троцкий Л. 78
 Тхоржевский С. И. 279
 Тюменев А. И. 51, 119, 288
 Тютчев Н. С. 47

 Угаров И. Ф. 145
 Удальцов А. Д. 19, 260
 Ульянова А. И. 82, 133
 Уорд Д. 171
 Усевич Г. А. 158
 Устинов Г. 163

 Федосеев Н. Е. 92
 Фельдман Р. 81
 Фигнер В. Н. 46, 94
 Фин Я. И. 188
 Фирсов Н. Н. 255
 Флеровский И. П. 162

- Франк С. Л. 238
Фридлянд Г. С. (Фридлянд Ц.)
105
Фриче В. М. 18, 21, 45, 261
Фроленко М. Ф. 49
Фролов Д. С. 92

Халтурин С. 62, 133
Ходоровский И. И. 63
Хрящева А. И. 182, 183, 197

Цедербаум Ю. О. (Мартов Л.)
162, 205, 239
Цеткин К. 53, 59, 66
Цыперович Г. В. 30, 51, 87, 88,
188
Цявловский М. А. 131

Часовенный С. И. 98
Чаянов А. В. 183
Чекин А. см. Яроцкий В. Я.
Челинцев А. Н. 183
Черкезов В. 225
Чернин О. 96
Чернов А. В. 33
Чернов В. М. 131
Чернов С. Н. 255, 273
Черномордик С. И. 83, 102, 106
Черных А. Г. 150
Чернышевоцкий Н. Г. 62, 84, 138,
222, 224
Чинчиков А. М. 183
Чичерин Г. В. 77, 79, 155, 194
Чубарьян А. О. 197
Чучин Ф. 92

Шاپовалов А. И. 92
Шапошников Б. М. 155
Шахматов А. А. 218, 263, 265
Шаумян С. Г. 102, 130
Шелавин К. И. 30, 167, 168
Шелгунов Н. В. 45, 133
Шелестов Д. К. 171
Шерман И. Л. 170, 174, 179, 188,
192
Шестаков А. В. 29, 56, 83, 142,
143
Шилов А. А. 38, 45, 47, 101, 200,
253, 281, 286
Шлихтер А. Г. 17, 122, 142
Шрейдер А. 226
Штейн Б. Е. 155, 194—198

Щеголев П. Е. 45, 47, 205, 255
Щепкин В. Н. 205, 218

Энгельс Ф. 9, 11, 19, 27, 52, 53,
58, 59, 62, 63, 66, 74, 84, 221—
223, 230, 237, 282, 283
Эрицбергер М. 96

Юрлов Г. И. 126

Яковлев А. И. 253
Яковлев Н. Н. 15, 83, 145
Яковлев Я. А. 162, 163, 164, 167
Янушкевич Н. Н. 45, 92
Ярославский Е. М. 49, 62, 63, 81,
83
Яроцкий В. Я. (Чекин А.) 255,
263
Яцунский В. К. 255, 263

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава первая	
Создание центров советской исторической науки	16
Глава вторая	
Марксистская историческая литература в 1918—1920 гг.	55
Глава третья	
Изучение истории России дооктябрьского периода в 1921—1923 гг.	90
Глава четвертая	
Изучение истории советского общества в 1921—1923 гг.	150
Глава пятая	
Борьба советских историков против буржуазной и меньшевистско-эсеровской историографии. Использование буржуазных кадров	202
Заключение	282
Указатель имен	293

Галина Дмитриевна Алексеева
**Октябрьская революция
и историческая наука в России
[1917—1923 гг.]**

*Утверждено к печати
Институтом истории
Академии наук СССР*

Редактор издательства *А. И. Кордюкова*
Художник *Н. П. Фролов*
Технический редактор *Т. А. Прусакова,*
Гуськова О. М.

Сдано в набор 16/II 1968 г.

Подписано к печати 25/IX 1968 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Усл. печ. л. 15,96
Уч.-изд. л. 16,3. Тираж 4300. Т-14128. Тип. зак. 5063.

Цена 98 коп.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10
2-я типография издательства «Наука»

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«НАУКА»

В МАГАЗИНАХ

«АКАДЕМКНИГА»

ИМЕЮТСЯ

В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

Березкин А. В.

ОКтябрьская революция и США (1917—1922 гг.). 1967. 495 стр. 2 р. 50 к.

БОРЬБА ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ В ПРИ-БАЛТИКЕ. 1967. 627 стр. 3 р. 20 к.

Бескровный Л. Г.

ОЧЕРКИ ПО ВОЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РОССИИ. 1962. 319 стр. 1 р. 24 к.

БОРЬБА ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ И УПРОЧЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА МЕСТАХ. Хроника событий. 26 октября 1917 г. — 10 января 1918 г. 1962. 628 стр. 3 р. 60 к.

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Документы и материалы. Триумфальное шествие Советской власти.

Ч. 1. 1963. 559 стр. 1 р. 26 к.

Ч. 2. 1963. 494 стр. 1 р. 14 к.

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Хроника событий (40 лет. 1917—1957). В четырех томах.

Т. 1. 27 февраля — 6 мая 1917 г. 1957. 751 стр. 1 р.

Т. 2. 7 мая — 25 июля 1917 г. 1959. 687 стр. 75 к.

Т. 4. 12 сентября — 25 октября 1917 года. 1961. 671 стр. 3 р. 24 к.

ВТОРОЙ ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1906—1907 гг. Январь — июнь 1907 года.

Книга вторая. (Серия «Революция 1905—1907 гг. в России»).

Документы и материалы. 1965. 522 стр. 2 р. 18 к.

Генкина Э. Б.

ЛЕНИН — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВНАРКОМА И СТО.

Из истории государственной деятельности В. И. Ленина в 1921—1922 годах. 1960. 255 стр. 80 к.

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКИГА»

Москва, В-463, магазин «Книга — почтой» — Мичуринский проспект, 12; магазин № 1 — ул. Горького, 8; магазин № 2 — ул. Вавилова, 55/5; Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; Новосибирск, Красный проспект, 51; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; Ташкент, ул. К. Маркса, 28; Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Уфа, 55, Проспект Октября, 129; Уфа, Коммунистическая ул., 49; Фрунзе, бул. Дзержинского, 41; Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; Душанбе, проспект Ленина, 95.

ИСТОРИОГРАФИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО И КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СССР.

Сборник статей. 1962. 276 стр. 1 р. 13 к.

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. 1967.

671 стр. 3 р. 40 к.

Михайлов М. И.

СОЮЗ КОММУНИСТОВ — ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЛЕТАРИАТА. 1960. 371 стр. 1 р. 40 к.

Моисеева О. Н.

СОВЕТЫ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ В 1917 ГОДУ, 1967. 206 стр. 82 к.

ОТ ОКТЯБРЯ К СТРОИТЕЛЬСТВУ КОММУНИЗМА. Сборник статей. 1967. 315 стр. 1 р. 15 к.

ПОБЕДА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА УКРАИНЕ. 1967. 579 стр. 12 вкл. 3 р. 20 к.

50 ЛЕТ БОРЬБЫ СССР ЗА РАЗОРУЖЕНИЕ (1917—1967). 1967. 691 стр. 3 р. 66 к.

Смирнов И. С.

ЛЕНИН И СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Государственная деятельность В. И. Ленина в области культурного строительства. (Октябрь 1917 — лето 1918). 1960. 448 стр. 1 р. 70 к.

СОВЕТЫ В ПЕРВЫЙ ГОД ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ.

Октябрь 1917 г. — ноябрь 1918 г. Советы в период Октябрьской революции и Гражданской войны. В трех книгах. Книга 2, 1967. 419 стр. 1 р. 84 к.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Колон-ка	Строка	Напечатано	Должно быть
253	—	19 св.	Н. С. Смирнов	П. С. Смирнов
293	2-я	6 сн.	Бузескус В. П.	Бузескул В. П.
295	1-я	18 сн.	(Лебедев II)	(Лебедев П.)

Г. Д. Алексеева